

Матьяна Алюшина

Озерные страсти

Annotation

Элитный поселок взбудоражен: в лесу найден труп молодого человека с огнестрельными ранениями. Особенно проницательные жители подозревают в убийстве нового жителя, который предпочитает держаться особняком. Кто он, этот загадочный незнакомец, и почему так решительно не желает ни с кем общаться? Эту и другие тайны Озерного предстоит раскрыть художнице Ане. Захватывающий водоворот страстей, как озеро, затягивает ее все глубже... Не кроется ли за таинственным незнакомцем ее идеал мужчины?

- [Татьяна Александровна Алюшина](#)
 -
 - [Озерные страсти](#)
 - [Эпилог](#)
-

Татьяна Александровна Алюшина
Озерные страсти

© Алюшина Т., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Озерные страсти

– Точно вам говорю, Александра Юрьевна, мужик этот – криминальный элемент, совершенно определенно, и к участковому не ходи, и так все ясно, – уверяла с энтузиазмом женщина, заговорщицкой интонацией и нажимом на каждом слове придавая весомости своим утверждениям.

– Да с чего ты взяла, господи! – негодовала собеседница.

– А я объясню, – настаивала тетка на своих умозаключениях, принимаясь приводить аргументы: – Вот смотрите: Аристарх наш рассказывал, что участок тот давно купили, и несколько лет ничего на нем не строилось. Приезжали изредка какие-то мужики непонятные, подозрительные, целой гурьбой на несколько дней, а то и на недельку-другую, жили в палатках, рыбачили, отдыхали да только ни с кем в поселке не общались, не разговаривали и в коммуникацию не вступали.

– Да боже ты мой! – ворчула Александра Юрьевна, повторив с сарказмом: – В коммуникацию они не вступали.

Анна, затаившаяся на балконе второго этажа, прямо над женщинами, ведущими эмоциональную беседу за чаем, расположившимися за большим столом на веранде, торопливо поджала губы, чтобы даже легким смешком или непроизвольно вырвавшимся ироничным хмыканьем не выдать своего невидимого присутствия при разговоре собеседниц и не конфузить пришедшую, как всегда неожиданно-незванно, соседку, объявившую Александре Юрьевне с решительным, серьезным видом, что имеет к той важный секретный разговор.

Хотя какое там конфузить! Неугомонная сплетница, которую с легкой руки тетки Александры в поселке все звали не иначе как Бибиси, что составляло некий микс из русского «баба бабе сказала» и прямой аналогии с известной британской телерадиовещательной компанией, частенько позволявшей себе вольную подачу информации, особенно в той части новостей, что касалась России, такими категориями, как стеснение, неудобство или конфуз, не обременяла себя и не заморачивалась в принципе.

– Да, не общались ни с кем, – подтвердила обличительница, не уловив в тоне собеседницы откровенного сарказма. – И стоял себе этот участок пустующий годами. А потом вдруг раз, и понаехали строители, да не местные, а какие-то чуть ли не из Питера самого. И ведь что подозрительно, организованные такие, не в пример обычным работягам, сплошной порядок у них: дисциплину не хулиганили, пьяными не замечены были, в поселке не шумели. И раз – построили домище. Да какой! Вы такой дом видывали, Александра Юрьевна? Вот я вас спрашиваю, как ему одному достался этот огромный кусок земли, а? А я вам отвечу: потому что он бандит, не иначе!

– Ну что ты напраслину наводишь, Степанида Ивановна, – негодовала хозяйка. – Ты же прекрасно знаешь, что этот огромный участок совершенно ни к чему не пригоден: расположен на гранитной плите, лишь слегка припорошенной землей, наружу выходят каменные надолбы бараньими лбами, да еще и наклонный, с совершенно неудобным спуском к озеру. На нем и дом-то построить – большая проблема, а уж сад-огород не разведешь и подавно, сплошной камень, земли плодородной нет. Никому тот участок даром был не нужен, еще повезло, что покупатель на него нашелся.

– Как же не нужен! – горячо спорила соседка. – Он же прямо к озеру выходит. Этот вон какую баню отгрохал, и ведь прямо на берегу, и причал капитальный, с мостками от самой бани до воды. А у нас, между прочим, закон имеется об общественной принадлежности водных ресурсов и прибрежной полосы, а он все захватил и обустроил для себя лично.

– Да ничего он не захватывал! – осерчала всерьез Александра Юрьевна. – По закону забор, ограждающий участок, не может стоять ближе двадцати метров от береговой линии, а у него на добрых тридцать метров отстоит. К тому же этим причалом могут пользоваться все поселковые жители, некоторые и пользуются, держат там свои лодки. – И высказала в сердцах, укоряя: – Вот что ты за человек, Степанида Ивановна, ведь все прекрасно знаешь и про причал, и про забор его участка, а нет, очернить, наговорить, навести напраслину на человека готова.

– И ничего не напраслину, – вскинулась в защиту своей обличительной версии Бибиси. Шумно отхлебнула чаю, так что слышно было даже Анне наверху, поставила чашку, громко звякнув о

блюдце, и продолжила с горячим энтузиазмом свой «хайли лайкли»: – К тому прекрасному причалу не пройти толком ни по берегу, ни поверху, только от его участка спуск и есть. Я же говорю: себе оттяпал.

– Так никто и не ходил, потому что не пройти! – заводилась все пуще раздражением хозяйка. – Человек провел большие работы: очистил берег, привел в порядок кромку воды, построил мостки, окультурил территорию, и кто хочет и кому надо, те пользуются и лодки свои там швартуют и держат, и ребятишки бегают нырять с тех мостков, а тебе все не так!

– Не понимаешь ты, Александра Юрьевна, очевидных вещей, о которых я тебе толкую, – с некой снисходительной значительностью в тоне произнесла соседка. – Не в причале и не в участке том дело. Я о другом тебе говорю. Вот стояла земля пустой несколько лет, а хозяин ее не объявлялся. Где, спрашивается, он был эти годы? – добавляла заговорщицких интонаций в речь обличительница. – Потом дом строился, а его снова никто тут не видывал, хозяина этого, даже на стройку не приезжал посмотреть, проверить, как полагается, свои пожелания-наказы высказать и после сдачи домища того тоже не приезжал. Где, спрашивается, был? А я тебе отвечу. – И замолчала, выдерживая интригу, с явным удовольствием озвучив свое разоблачение через несколько секунд театральной паузы: – В тюрюге он сидел – вот где. На зоне. Точно-точно, – с горячностью уверила она, отреагировав, видимо, на изобразившую мимикой свое отношение к заявлению собеседницу. – Вот смотрите: приезжает он редко, и как приезжает-то? Как тать какой в ночи крадется. То нету его нету, и машину его здоровущую, странную эту никто не слышал и не видел ни с вечера, ни ночью, а утром глядь: а он уж на участке своем образовался. Значит, что? – излагала женщина доказательства своей теории. – Значит, скрытничает. А зачем, спрашивается, честному человеку скрытничать? Вот я и говорю: честному человеку незачем. Потом еще один факт. Приезжает всегда один, ни жены, ни детей. Это потому, что у них порядок такой воровской, чтобы у главарей ихних, которые в законе, не имелось семей и детей, не положено им. Я уж знаю про это. И в гости к нему наезжают мужики подозрительные целыми компаниями. И не напиваются в хлам, не бузят, все у них тишком, тайком да своим порядком. Точно сходняк воровской, я вам

говорю. У них, у бандитов, с дисциплиной строго и у главаря не забалуешь.

– Ты, Степанида Ивановна, – видимо, устав увещевать и призывать к логике, чуть посмеиваясь, произнесла Александра Ивановна, – как американские информационные агентства, умудряешься преподнести любые факты так, как удобно и нравится тебе самой. Ну какой, прости господи, сходняк? Что ты баламутишь попусту? Ну предпочитает человек уединение, может, любит в тишине и спокойствии почитать «перепоем» Канта, Толстого, или Стругацких, или детективы на ночь, – попыталась пошутить тетушка.

Шутка, что называется, не зашла по причине «недоступности» адресата.

– Как-как перечитать? – переспросила Бибиси.

– Перепоем, – отмахнулась с досадой Александра Юрьевна, – не важно. Любит человек одиночество – так понятно? Имеет полное право жить как ему нравится. И есть ли у него жена-семья, нет жены-семьи, это также его личное дело, никого не касающееся. А друзья-приятели к нему приезжают всегда с женами и детьми. Люди отдыхают, жарят шашлыки, ходят в баню, в походы по окрестностям, рыбачат, дети бегают, играют. Уймись ты уже, а то осерчаю не на шутку, – предупредила без нажима, но твердо тетка Александра, смягчив предупреждение примиряющим замечанием: – Я вон тоже без мужа и детей и появляюсь в поселке редко, меня что, тоже в бандитки запишешь?

– Ну что вы, Александра Юрьевна, такое говорите, вы человек известный, важный, уважаемый всеми, – перепугавшись, заторопилась уверить соседка и поделилась тревогой: – А этот... Один домище его чего стоит, чудной, нерусский какой-то.

– Не чудной, а естественно встроенный в ландшафт участка, не нанося ущерба природе. Экологическое строение, слышала о таком? – с явно слышимой бессильной усталостью в голосе пояснила хозяйка. – Ну дом у него не такой, как у всех, ну один человек предпочитает жить, и что дальше?

– Как что дальше? – вскинулась новой волной обличений Бибиси: – Вы вот, Александра Юрьевна, знаете, как его зовут, соседкушку-то нашего? Кто он? Из каких будет? Дом стоит наособицу, в сторонке, подальше от людей и любопытных взглядов, забор такой, что

ничего не увидишь, и выходы с участка на озеро да прямо в лес имеются. И поди знай, что там у него творится, куда он шастает. Машина опять-таки эта странная, здоровая, каких отродясь не видывали, я даже в Интернете таких не нашла. Сам людей сторонится, мрачный, угрюмый, ни с кем ни слова ни полслова, ни здрасте вам, ни до свидания. В магазин поселковый даже за хлебом не ходит, чтобы, значит, ни с кем не встречаться, – торжествовала справедливым обличением Бибиси. – Приезжает так, что никто его не видит, не слышит, уезжает таким же тайком. У нас поселок серьезный, у нас здесь все свои да наши, а этот непонятный и точно не наш, не свойский.

– Да кто у тебя свои да наши? – окончательно устав от бесполезности разговора, подрастеряв пыл возмущения, уже несколько вяло возражала хозяйка. – Все сами по себе, за своими заборами, при своих чинах и секретах, как и положено людям с определенным социальным статусом. А Москва, Бирюки и Калинин так и вовсе звездят в полной пустоте, раздуваясь от гонора и разговаривая через губу. На тебя вон Калинин чуть не наехал, не замечая с высоты своего величия, не снисходя до кого-то там образовавшегося на пути его следования. Этот мужик пусть и держится наособицу, так хоть здороваается.

– Это он с вами здороваается, а со всеми остальными лишь кивает снисходительно на дружелюбное, сердечное приветствие соседей, – внесла свою поправку Бибиси и пожаловалась: – И то не со всеми. Со мной вот, например, даже не раскланивается, а хмыкнет эдак коротенько и пошел себе.

– Ну и правильно, – поддержала таинственного соседа Александра Юрьевна, – после того как ты, не получив информации у Аристарха Марковича об этом человеке, явилась к тому на участок и начала выпрашивать, кто он есть такой, откуда взялся, да чем занимается, и про жену-детишек, попеняв, что в городе им непочтительно оставлено семейство, любой поостережется с тобой в разговоры вступать, уж тем более кивать-кланяться.

– А что такого? – возбудилась праведным возмущением соседка. – Я же для всех стараюсь и ему объяснила, что не своего любопытства ради интересуюсь, а вся общественность хочет знать, кто с ними живет по соседству...

– Угу, – перебила пламенный манифест Александра Юрьевна и процитировала, усмехнувшись: – «Не корысти личной ради, а волею пославшей мя жены». И несознательный гражданин не проникся важностью момента и желаниями поселкового сообщества и выставил тебя с участка.

– Вот именно! – воскликнула возмущенно приободренная Бибиси. – Да еще хохотнул эдак издевательски и говорит, – и произнесла, копируя соседа, усиленно издевательским тоном: – «Думаю, общественности придется и дальше обходиться без знания моих анкетных данных». И выставил за калитку. Представляете! Прямо вот так взял под локоть и вывел! «Всего хорошего», – говорит, калитку запер, а сам хохочет, я же слышала. Москва, Бирюки и Калинин, хоть и с презрением ко всем нам с высоты своих деньжищ, но люди известные и понятные, а этот чужой, неизвестный, темная личность. Вот точно вам говорю: бандюган отъявленный, зэк, криминальный элемент. Вот попомните еще мои слова, как беда какая случится в поселке.

– Ты еще скажи «маньячелло», – хмыкнув, предложила хозяйка.

– Не знаю, челло какое, как вы говорите, или нет, но дело-то серьезное. Надо общественность поднимать, выяснить, с кем мы тут живем, беспрестанно рискуя нашими жизнями.

– Ну пойди, пойди, подними, Степанида Ивановна, – устало напутствовав, отмахнулась Александра Юрьевна, явно давая понять, что аудиенция окончена, гостью она выслушала, как и обещала, и пора бы той двигать дальше, проявлять свою разоблачительную инициативу.

Аня улыбнулась, живо представив себе недовольно-уставшее выражение тетушкиного лица и этот ее характерный жест рукой, которым она отмахивается от всегда раздражавшей ее необычайно откровенной человеческой глупости.

– Так я и чего пришла спросить, Александра Юрьевна, – заторопилась объяснить главную суть своего визита Бибиси, – вы не против?

– Против чего?

– Да вот как раз-таки выяснить, кто этот соседка-то наш непонятный? Что за субъект такой?

– Я-то не против, хотите – выясняйте, – милостиво разрешила Александра Юрьевна.

– То есть вы подпишетесь в документе, если что? – шустренько уточнила Бибиси.

– Нет, – развеселилась вдруг хозяйка. – Меня соседство с этим человеком нисколько не тревожит, я беспрестанного риска своей жизни не испытываю. А те, кому спать не дает его инкогнито, бога ради – подписывайтесь, выясняйте, хоть делегацией ходите к нему требовать и знакомиться. На здоровье.

– Значит, не подпишетесь, – разочарованно вздохнула Бибиси.

Ушлая тетка, затеявая свой визит к влиятельной даме, тайно рассчитывала и надеялась, что Александра Юрьевна поддержит, а в идеале так и вовсе возглавит ее инициативу выяснить личность соседа, ну хотя бы любопытства ради.

Шумно допив чай, вновь громко дзинькнув, Степанида Ивановна поставила чашку на блюдце и показательно разочарованно вздохнула еще разок.

– Ну тогда я пошла, – с явными вопросительными нотками сообщила бабка, ожидая, видимо, что ее остановят, предложив продолжить беседу.

– Иди-иди, Степанида Ивановна, – не оправдав ожиданий докучливой соседки, напутствовала Александра Юрьевна. – Поборись там за справедливость. – И совсем иным, энергичным, деловым тоном громко кликнула помощницу: – Лен! Проводи человека.

Видимо, чтобы гостя не почувствовала слабость в посыле и не решила еще подзадержаться для обсуждения другой темы «за права общественности», припомнив недосмотр какой поселкового правления – с нее станется, только зазевайся, – заговорит до одури.

Послышались легкие шаги Леночки, которая что-то тихо произнесла и, громко проскрипев ножками стула, отодвинула его от стола.

– Да я сама, сама, Леночка, не утруждайся, деточка, что меня провожать. И калитку запру как положено, – затараторила доброжелательно-елейным голосом Бибиси.

Притаившаяся наверху засадной партизанкой Анна, не удержавшись таки, хмыкнула.

Произошел у них когда-то тут один инцидент, после которого Степанида Ивановна боялась не то что слово сказать так, чтобы был хоть отдаленный намек на непочтение к Лене, а даже недостаточно

ласково посмотреть в сторону девушки. Это когда Александра Юрьевна первый раз приехала в поселок вместе с Леной.

Степанида Ивановна тогда первой прибежала в гости, что называется, отметить должным образом, поздороваться, выказать уважение с почтением и готовность к подвигу, если таковой понадобится. Александра Юрьевна пригласила за щедро накрытый стол. И, когда Леночка поднялась из-за стола и ушла на кухню за посудой для гостя, Бибиси со слезой, накотившей от восхищения и картинного восторга душевными качествами хозяйки, расчувствовалась похвалой:

– Редкий вы человек, Александра Юрьевна, сердечный. Прислугу за свой стол приглашаете, не гнушаетесь.

Не меня выражения лица, тетушка Александра, которая поднесла в этот момент чашку к губам, сделала пару глотков, медленно поставила чашку на блюдце и произнесла пугающе-тихим, холодным, четким тоном, выделяя каждое слово:

– Если еще раз, Степанида Ивановна, при мне ли или в разговоре с кем-нибудь иным в мое отсутствие ты назовешь Елену прислугой... – и посмотрела прямо в глаза гостя незваной таким взглядом, что ту вмиг прошиб холодный пот, – ...то вылетишь из поселка через полчаса. И долетишь до своего родного Печерска, и приземлишься там не самым мягким образом. – А потом спросила ледяным тоном: – Я доходчиво объяснила?

Бибиси интенсивно закивала головой.

– До-доходчиво, Александра Юрьевна, – и принялась частить как скороговоркой: – Я же не то имела в виду, я не это!.. Что вы, Леночка, она же такая чудесная де...

– Более не задерживаю, Степанида Ивановна, – ледяным тоном оборвала хозяйка.

Бабищу как ветром сдуло. И не напрасно.

Ей было чего опасаться. Еще как! Попасть в немилость к Александре Юрьевне или того еще не чище – вызвать ее гнев и недовольство – не рискнул бы, пожалуй, ни один житель этого достаточно элитного поселочка, в том числе и пресловутые Москва, Бирюки и Калинин. Кстати, во многом... да нет, какое там «во многом» – по большей и главной части благодаря Александре

Юрьевне, ее желанию, воле, связям и возможностям этот поселок и был образован и возведен.

Но это отдельная история, скажем так, совсем о другом.

А вот что касается Степаниды Ивановны, то та хоть и жила в поселке постоянно, но жительницей оно не считалась. Хозяином огромного коттеджа замысловатой, вычурной архитектуры, в котором проживала женщина, являлся муж ее племянницы, который, что называется, «выписал» тетку из глуши российской, резонно рассудив про себя, что чем платить какому-нибудь специалисту серьезные деньги, проще «облагодетельствовать» бедную родственницу за еду и небольшое обеспечение, и поселил тетку у себя, наделив полномочиями управляющей, чтобы присматривала за хозяйством, домом и прислугой, согласовав ее проживание с председателем правления, для которого слово Александры Юрьевны было что приказ Родины.

Вот как-то так.

Елена же... «М-м-да», – протянула мысленно, задумавшись, Анна.

Лена появилась в жизни тетушки несколько лет назад и была девушкой загадочной и непонятной, скрывающей какую-то большую и, видимо, непростую тайну своей жизни, в подробности которой совершенно определенно была посвящена тетушка Александра.

На домработницу, хлопотунью-хозяюшку Лена не походила ни в фас, ни в профиль, ни вдоль, ни поперек, ни издалека, ну вот каким образом, хоть ты что делай. Яркая, интересная, притягательная внешность, настоящая красавица, высокая, стройная. Фигурка обалденная, на зависть всем моделям мира, и при этом, что поразительно, на самом деле великолепная хозяйка, умелица на все руки. И эта ее абсолютная, какая-то безоговорочная преданность и верность Александре Юрьевне, даже не преданность, а скорее посвященность, что ли, лишь добавляли необъяснимых, интригующих черт ее личности.

Девушка не скрывала, а как-то без лишних слов и демонстративного позиционирования, делами, заботой и отношением дала понять близким и родным тетушки, что Александра Юрьевна для нее единственный и главный человек в жизни, ради которого она готова на многое. На очень многое. Даже, пожалуй, отчаянно на все.

Первое время, когда Аня только познакомилась с помощницей тетки, ее пугала и настораживала эта странная, чрезмерная преданность и привязанность девушки к тетке Александре. Удивляло и напрягало это ее тихое, порой незаметное, но постоянное присутствие в жизни тетки.

Лена взяла на себя абсолютно все бытовые проблемы и вопросы тетки Александры, постоянно находилась рядом с той, даже поселилась по соседству, сняв квартиру в доме поблизости, не брала выходных и отпусков, являлась каждое утро до того, как проснется Александра Юрьевна, и уходила поздним вечером, когда хозяйка ложилась спать. Даже ездила с тетушкой в командировки, когда те длились больше чем пару-тройку дней, чтобы устроить там ее быт наилучшим образом.

И это было как-то очень странно и не совсем нормально для столь яркой, красивой, далеко не глупой, без сомнения, эрудированной, невероятно интересной молодой девушки.

Ну вот странно, хоть вы что говорите!

Да еще эта связывающая женщин тайна будоражила воображение Анны, никак не давая покоя. Но однажды она нарисовала портрет Елены...

– Ну всего вам доброго, Александра Юрьевна, здоровьица вам. Поправляйтесь, – вернул Анну из задумчивости в действительность елебно-заискивающий голос Бибиси, которая не смогла удержаться, чтобы не попробовать выяснить хоть что-то, ну хоть какую малую толику информации заполучить для дальнейшего использования. – А что Анечки не видно? Ни вчера, ни сегодня не видала ее. Все работает племяшка ваша?

– Работает, работает, – уверила хозяйка, торопясь отделаться от навязчивой посетительницы.

Бибиси уже была неинтересна Александре Юрьевне и, более того, неприятно навязчива.

– Такая хорошая девушка, – умильным тоном похвалила соседка. – Все трудится и трудится без конца. Передавайте привет Анечке. – И повторила с чувством: – Такая хорошая девушка.

На этот раз тетка Александра даже не соизволила отозваться на прощальную реплику гостьи, ответив той исключительно мимикой.

Аня услышала, как по веранде и четырем ступенькам лестницы, ведущей на дорожку, прозвучали шаги, Бибиси что-то спросила у Лены, та тихо ответила на ходу, провожая, а скорее сопровождая настырную гостью к калитке, чтобы та не отклонилась от указанного маршрута. Эта могла – живущее в Степаниде Ивановне любопытство имело сокрушительные масштабы, частенько вредившие самой их носительнице, толкавшие порой эту бабу на авантюры разного рода: куда-то залезть, что-нибудь подглядеть-подсмотреть, подслушать чей-нибудь разговор, наострив уши-локаторы. А всем в поселке было известно, что слух и зрение у Бибиси исключительные, как и чуйка на скандалы и происшествия разного рода. Беда-а-а.

– Все слышала? – спросила громко у Ани Александра Юрьевна.

– Трудно было бы не услышать, – улыбнулась Анна.

– Нет, ну какова бабища, а? Наглость зашкаливает. Удержу ей нет: все ей расскажи-доложи: кто ты, что ты и «из каких будешь». И эта ее неумная тяга «поднимать общественность», втягивая людей в клубок своих сплетен. Совсем уже Бибиси распоясалась, – негодовала тетушка. – Укоротить пора.

– Да ладно, что ее укорачивать, – рассмеялась Анна, – человеку прямо саблей вострой по душе рубанули: лишили главного смысла и эликсира жизни: информации. Посягнули на святое. У человека крушение жизненных устоев.

– Эту бомбой не возьмешь, выдержат ее устои, не волнуйся, – уверила ворчливо тетушка и, повысив голос, поинтересовалась недовольно: – Что ты там застряла, «хорошая девушка»? – процитировав скандальную соседку. – Спускайся уже. Чаю наконец попьем по-человечески. Я Лене велела пирожки-то прибрать, когда это вражеское информагентство объявилось. Эту только угости-прикорми, потом не отвадишь, зачастит столоваться и изводить своими вбросами фейковыми.

– Иду, – усмехнувшись, отозвалась Аня.

Подходя к распахнутым створкам большой стеклянной двери, выходящей на веранду, она услышала, как тетушка нарочито недовольным тоном отдает распоряжения помощнице:

– Лен, в следующий раз, когда она заявится, не пускай, гони в шею. Говори: «Барыня почивают, не велели беспокоить». Достал уже этот Интернет поселковый, – пожаловалась тетушка.

– Хорошо, Александра Юрьевна, – посмеиваясь, пообещала девушка.

– И, Ленусь, давай уже чай нормально накрывай, с пирожками Анютиными, разумеется, – и распорядилась командирским тоном: – Девочки, поторопитесь, все голодные, уже давно полдничать пора. Мне требуется срочно очистить мозг от этой «соцсети» доморощенной общением с умными людьми на интеллектуальные темы, а то у меня несварение образуется после этой бабищи неугомонной.

Пока девушки накрывали на стол, Лена носила из кухни большой фарфоровый чайник, полный кипятка, вазочки с вареньями, блюда с фруктами и сырами и, разумеется, пирожками, Аня расставляла чистую посуду, раскладывала фразе, тетушка проверяла сообщения в телефоне.

Ну все-все, сели. И сразу как-то расслабились все трое. Хорошо как! Красота. Вид с веранды на участок и дальше, на взбравшийся на каменистую возвышенность лес, открывался замечательный, умиротворяющий своей спокойной, сдержанной и таинственной северной красотой.

– Ну, так чем ты там занималась? – спросила тетка у Анны, запивая чайком кусочек пирожка. – Опять работала? – И, придав тону интонации усиленного назидания, попеняла: – Тебя тетка призвала, как дядюшка Онегин племяша Женечку, ухаживать за больной, «не в шутку занемогшей» родственницей, узурпаторшей, тираншей и самодуркой, а не работать, прячась по углам от моего грозного, всевидящего взора.

– Во-первых, ты не больна, а вполне себе уже здорова, – рассмеялась Анна, – а во-вторых, на самом деле я рисовала, так, немного, в удовольствие.

– Ну конечно, – не поверила Александра Юрьевна, – небось, пока тетка не застучала, работала за вышивкой своей втихаря. – И потрясла пальцем, отчитывая: – Сколько можно повторять: у тебя отпуск, и я тебе категорически, прямо вот так, по-нашему, по-узурпаторски, запрещаю работать. – И уже нормальным тоном повторила: – Ань, я настаиваю: необходимо нормально отдохнуть. Ну невозможно, просто нельзя пахать так, как ты делаешь: сутками напролет, прямо вся в эту работу погрузилась с головой, и нет ее.

– Да и не сутками, что ты преувеличиваешь, тетушка, – усмехнулась, попытавшись отделаться шуткой, Анна. – Зато «по трудам вашим и воздастся вам». Мне воздастся точно.

– Да-да, – саркастически согласилась тетка, – что тебе там воздастся? – и процитировала: – «Лучше всех в колхозе работала лошадь, но председателем она так и не стала».

– Ну, ладно тебе, – рассмеялась звонко Анна. – Честное слово, не работала. Вот честно рисовала.

– Ну хорошо, поверю, – приняла эту версию тетушка и заинтересованно поинтересовалась: – И что ты там рисовала?

– Предмет вашего горячего обсуждения с соседкой, не пожелавший представиться Степаниде Ивановне, – усмехнулась Аня.

– Да? – оживилась необычайно тетушка. – И что получилось?

– А вот не получилось... – вздохнула разочарованно Аня, задумавшись, разглядывая дно своей чашки.

Александра Юрьевна откинулась на спинку кресла, внимательно рассматривая выражение лица племянницы, и произнесла с удовольствием исследователя, наткнувшегося на непонятное, ошеломляющее явление:

– А вот это интересно. И что именно не получилось, Аня? Или получилось, но не так, как ты представляла? – предположила она.

– Не совсем... – рассеянно ответила Анна, отпила чайку, укусила пирожок. – Вернее, совсем не так, как я представляла, – и посмотрела на тетку, поделившись: – Понимаешь, какой-то другой человек получается, когда начинаю его рисовать, словно проявляется, просвечивает через его облик. Очень похожий, но не совсем чтобы он...

– Очень интересно, – повторила довольно тетушка.

– Да ладно, – выдохнув облегченно, отпустила свои сомнения Анна, – может, это ваша беседа с Бибиси сбила мне настройки. Потом попробую еще раз. А кстати, – встрепенулась она от пришедшей в голову мысли, – Степанида Ивановна не так уж и не права в своих подозрениях.

– Это в каком смысле? – удивилась тетушка Александра.

– Ну хотя бы в том смысле, что на самом деле никто ведь в поселке ничего не знает про этого соседа, – пояснила девушка и,

бросив взгляд на тетку, усмехнулась, – кроме тебя, я полагаю, и Аристарха Марковича. Ну, может, кого-то еще из правления.

– Правильно полагаешь, – кивнула довольно тетушка и усмехнулась: – И, как ты понимаешь, Бибиси именно за этим и приходила: выведать у меня про соседа хоть что-то. Она ведь тоже соображает, что я не могу не знать, кто проживает в поселке. Уж не первый раз подкатывает ко мне с разных сторон, пытаюсь что-нибудь разузнать, после того как тот выставил ее за калитку. Сегодня вон общественность придумала.

– А ты ее не информируешь, – посмеялась Анна и вернулась к своим размышлениям. – И все же, пусть ты знаешь его имя-отчество, может, и паспортные данные, понятно, что аноним не может заключить договор и оформлять собственность без личных данных. Но ведь вряд ли тебе известно о его работе и семье, – и посмотрела изучающе на тетку. – Если, конечно, ты специально не уточняла?

– А вот уточняла, – не разочаровала ее тетушка Александра, но интригу потянула, не поспешив расширить свой ответ: доела пирожок с явным наслаждением, допила чай, попросила жестом Леночку налить ей еще, погорячей, и только после этого посмотрела на терпеливо ожидавшую пояснений племянницу. – Еще в самом начале, когда он приобрел этот совершенно не нужный никому пустынный склон над озером.

Тетушка была в поселке в большом авторитете, как вспоминала вот только что, сидя на балконе, об этом обстоятельстве Аня, и слово Александры Юрьевны имело в поселке далеко не последнее значение, если не первое, хотя в управленческую структуру она не входила.

Понятное дело, что ни тетушка Александра, ни председатель их коттеджного поселка Аристарх Маркович, ни правление не проводили супер каких-то там глобальных проверок, с обращением к услугам Федеральной службы безопасности, чтобы выяснить подноготную будущих хозяев земельных участков, но кое-какие справки все-таки наводили всерьез. Хотя бы потому, что поселок их был хоть и не средней руки дачным товариществом и, слава тебе господи, не резервацией олигархической с невменяемыми усадьбами на гектарах земли, но имел статус элитного поселения с высоким имущественным цензом, отсекавшим на определенном этапе людей даже с неплохим, средним достатком.

А чего хотят состоятельные и значимые люди, приобретающие участки и строящие дома на природе, в тиши лесов? Правильно – безопасности и достойных соседей.

Когда поселок только строился, первых покупателей и будущих хозяев домов проверяли достаточно пристрастно, поскольку большая часть приобретателей были областными чиновниками высокого ранга, так что служба безопасности администрации губернатора все-таки немного напрягалась, проверяла кандидатов не из числа своей администрации.

Но после, с годами, когда участки с домами продавались и переходили в руки других владельцев, никто уж столь серьезных проверок не проводил. Да и, по правде сказать, за все время существования поселка продались только пять домовладений с участками, и то два из них родственникам бывших владельцев, которые стали поручителями перед товариществом за своих приобретателей.

Жители, разумеется, менялись, приходили новые члены семей, уходили прежние, кто женился-разводился, кто рождался, кто умирал, передавались права собственности, но устав товарищества, имевший жесткие пункты в договоре о правилах проживания и законах, установленных в поселке, никто злостно не нарушал. И, по большому счету, все и на самом деле знали друг друга, поскольку основной чиновничий костяк первых поселенцев остался неизменным.

Наверное, где-то через год после начала строительства и освоения территории, когда все участки уже распределили и купить что-то было невозможно, появился тот самый загадочный сосед, который изъявил желание приобрести бросовый кусок земли над озером.

Правление во главе с председателем, предварительно спросив Александру Юрьевну, наскоро посоветовавшись, с большим душевным энтузиазмом и продали ему этот скалистый спуск к воде, поскольку по уставу поселения облагораживать свой участок обязан каждый владелец самостоятельно, а у правления, таким образом, сама собой отпадала необходимость как-то обустроить этот неприступный каменный откос. Но, к чести руководства, надо отметить, что продали они этот участок с очень большой скидкой, чуть ли не в три раза от номинала.

– Ну ладно, не томи! – не выдержала Аня.

– Зовут его Антон Валерьевич Северов, – усмехнувшись, ответила тетушка. – Я сейчас уже не помню точно, но, кажется, ему лет сорок пять, может, сорок восемь. Не важно, – махнула она рукой.

– Наверняка какой-нибудь бизнесмен, – выдвинула предположение Лена.

– А может, Бибиси права? – призадумавшись, размышляла Анна. – Он вполне может оказаться и криминальным элементом. Сидельцем каким-нибудь. Все они на поверку официальную порядочные бизнесмены с легальным бизнесом оказываются. На маньячелло он, конечно, не похож. Зато на эдакого «крестного отца», удалившегося от дел, похож даже очень.

– Это в тебе девичий романтический интерес бродит, – остудила фантазии впечатлительной племянницы тетушка, усмехнувшись. – Не выветрился пока. Как известно, хороших, порядочных девочек всегда неодолимо притягивают плохие, порочные мальчишки.

– Да ну тебя, – легко рассмеялась Анна.

– Или монтекристы заштатные, – продолжила свою мысль тетушка, явно наслаждаясь моментом и этой легкой пикировкой.

– Нет, ну все же, – развивала свою мысль и настаивала племянница. – Вот смотрите, – принялась приводить она аргументы, – ведь на самом деле нелюдимый мужчина, угрюмый такой, хмуроватый персонаж, держится ото всех подальше, людей к себе не подпускает, ограничиваясь минимальным кивком, если встречается с кем-то из поселка. К себе не приглашает, сам никому не навязывается. И потом, участок у него и на самом деле огромный, в валунах и каменных глыбах. Дом он классный построил, очень интересный, я с пригорка рассматривала с разных сторон, даже наброски делала, замечательный, какой-то прямо загадочный дом. Да и участок он облагородил и что-то там на нем все-таки высадил. Вообще-то красиво получилось, брутально, сурово, но красиво. И ведь права Бибиси, выход с его участка и к озеру, и прямо в лес имеется, кроме главного входа. И появляется он в поселке самым загадочным образом, прямо «Летучий голландец» какой-то: никто не слышал его машины, никто не видел, как и когда он приехал, да только вечером человека не было, а утром – раз, и на участке фонари горят, дым из трубы и хозяин мелькает. Да и само строительство, – и она обратилась к тетушке, – ведь действительно он строителей местных не нанимал, но ведь кто-то же

дом этот строил, причем эти люди минимально общались с местным населением и никакой информации ни про себя, ни про хозяина не выдавали, как ни подкатывали к ним с расспросами любопытные. И то, что его не бывает длительные периоды времени, тоже правда, стоит себе дом, пустует. Ведь подозрительно же, а?

– М-м-да, – протянула тетушка, покачав безнадежно головой. – Эк тебя пробрало-то. Вроде взрослая совсем девица, уж и не девица даже, а женщина в возрасте, а все детский сад, что значит – человек искусства, романтизм неистребимый и буйная фантазия. – И, вздохнув, остудила все интригующие предположения племянницы: – Насколько я помню, а помню я хорошо, – усмехнулась тетушка Александра, – Антон Валерьевич – военный инженер, служит в инженерных войсках какого-то там особого подразделения, то есть наверняка строит он засекреченные военные объекты, поэтому и пребывает в длительных служебных командировках, ибо строят они в основном на Севере и за полярным кругом. Это во-первых. А во-вторых, скорее всего, его дом возводили солдатики, переодетые в гражданку, чистой воды использование служебного положения, а это, как ты понимаешь, не афишируется, а тщательно скрывается, поэтому и помалкивали служивые. А что касается его машины, то это военный агрегат, малый разведывательный автомобиль-вездеход, насколько я помню, имеющий особые характеристики, в том числе практически неслышную работу движка на малых оборотах. В массовое производство они не пошли, что-то там в них не доработано оказалось. Видимо, Антон Валерьевич приобрел в личное пользование списанный автомобиль, довел его до ума, переделав под гражданские нужды и проведя соответствующий тюнинг. Насчет семьи-детей не скажу, – глядя на разочарованное выражение лица племянницы, откровенно веселясь, развела тетушка руками. – Не знаю, не интересовалась.

– Бедная Бибиси, – помолчав, переварив информацию, посочувствовала местной сплетнице Анна, – такая версия рухнула, – и вздохнула сочувствующе, – и общественность не поднимется против военного-то инженера.

На пару секунд над столом воцарилось молчание, которое безжалостно разбилось громким, дружным смехом троих женщин.

– Нет, ну надо... – хохотала тетка, – ...«крестный отец в отставке»! – цитировала она Анну.

– Ма-ма... – подхватывала племянница – ...маньячелло на природе...

– Кри-криминал... – вытирала смешливую слезу Лена, – на неслышной, страшной машине. С ночи не было, а утром – раз, и образовался!

И они хохотали, вспоминая Бибиси с ее подозрениями и Анютины предположения одно другого краше и загадочней, пока приступ смеха не остановил прозвучавший звонок тетушкиного смартфона.

– Ладно, – посмотрела на экран телефона Александра Юрьевна и, досмеиваясь, стирая выступившую слезинку, отослала девиц: – Идите уже, мне поговорить надо.

Лена принялась убирать со стола, махнув рукой Анне, что, мол, сама справится, и та, поднявшись на второй этаж, забрала с балкона этюдник с прикрепленным к нему портретом соседа, так взбудоражившего воображение Степаниды Ивановны и самой Анны. Ушла в комнату, чтобы не прислушиваться невольно к теткинскому голосу, и, сев в кресло, принялась пристально изучать свой рисунок.

«Что же в тебе не так? Почему ты не получился? Точнее, почему получился именно таким?»

С самого раннего детства Анна обладала феноменальной, так называемой фотографической памятью на лица, и не только на них – на заинтересовавшие ее предметы, вещи, увиденную природную картинку, чем-то зацепившую внимание или очаровавшую девочку. Способность эта только развивалась и крепла по мере взросления и становления Ани.

А после того как она, будучи подростком, пережила тяжелую, страшную для себя потерю близкого человека, у нее внезапно открылось пугающее и странное художественное дарование, можно сказать, сверхспособность, что ли.

Аня и до этого могла по памяти нарисовать портрет любого человека, если он заинтересовал ее. Но этот не то дар, не то проклятье обострил ее интуицию, многократно усилив внутреннее художественное видение, чутье, которое вдруг стало более глубоким, мощным, позволявшим ей тонко чувствовать скрытую природу вещей, людей, как бы видеть мысленным взором настоящую, истинную сущность, душу объекта и переносить ее на холст.

Поначалу это происходило совершенно непроизвольно, спонтанно, не подчиняясь ее воле и желанию. Анна садилась над чистым холстом или в большинстве случаев листом рисовальной бумаги, закрывала глаза, представляя себе человека, и ее словно накрывало каким-то коконом, погружая в особое состояние сознания, в котором она изображала то, что видела внутренним взором.

Боль, страх, мучительность жизни, тайные страсти и порочные желания – все открывалось в людях на ее портретах, и было это завораживающе мощно, истинно, прекрасно и пугающе правдиво.

Каждый одаренный художник должен чувствовать истинную природу вещей и передавать ее в своем творчестве, если он, конечно, талантливый художник, а не маляр, но чтобы так... Это все-таки перебор.

Далеко не каждому понравится узреть свою истинную сущность, свои глубокие скрытые переживания.

Но Анна могла нарисовать прекрасную искусную работу и не прибегая к своей уникальной способности. Более того, с годами она научилась управлять своим даром и входить в измененное состояние, когда этого хотела. Но старалась обращаться к нему как можно реже, только если ей самой хотелось и требовалось понять истинную сущность человека или ее об этом просил сам заказчик.

Честно говоря, Анна нечасто обращалась к своей способности, когда работала над портретами, зато с удовольствием погружалась в нее, в то особое состояние измененного сознания, когда изображала городские или природные пейзажи, красивые уголки природы, и получалось потрясающе, даже вон дом того самого «Летучего голландца», так притягивавший ее своей необычностью, подсеченный ее даром, стал и вовсе волшебным. Все приобретало наполненность смыслом, словно проявлялась сама суть домов, улиц, природных уголков, какая-то недосказанная ими тайна, сила или слабость этого места. Не объяснить. Жалко, что рисовать ей приходится не так часто, как хотелось бы.

«Ладно», – отложила Анна портрет в сторону и, задумавшись, засмотрелась в окно. Удивительно, но почему сквозь лицо этого мужчины проступает лик другого человека? Очень похожего, но другого: молодого, легкого, бесшабашного.

Другой облик, другая личность, другая жизнь. Очень странно.

Да и ладно, бог с ним, что гадать, оборвала свои размышления Анна, возвращаясь из рассеянного состояния созерцания в реальный мир. Прислушалась к голосу тетушки, все так же продолжавшей разговор с кем-то по телефону, и подумала – а не съездить ли на залив?

Сегодня она нарушила свой как-то сам собой установившийся порядок дня, увлекшись с самого раннего утра портретом таинственного угрюмого соседа, «Летучего голландца». А что, ему подходит аналогия – он как призрак: появился – исчез. Молча, пугающе необъяснимо...

Ну что такое – снова куда-то мысли ускакали. Так, про залив.

Ане редко удавалось вырваться в загородный дом тетки, потому что, как ни крути, а права Александра Юрьевна: слишком уж много она работает, бесконечно влюбленная и увлеченная своим делом, и когда погружалась в очередной проект со всеми мыслями, эмоциями, настройками, не могла остановиться, пока не заканчивала, настолько завораживалась и жила им. Да и домашних дел хватало, и Ромка...

Словом, редко получалось вырваться на день-два, а уж так, как нынче, аж на три недели безмятежности и чистого отдыха, так это, пожалуй, первый раз за все время существования поселка.

Да-а-а, поселок.

Сказочная, неповторимо прекрасная северная природа Приладожья, два с половиной – три часа быстрой езды от Питера на машине, а словно в другой мир попадаешь, в параллельное, удивительное, волшебное пространство.

Поселение раскинулось на берегу большого глубокого озера, тянущегося километров на пять вдаль расширяющимся клином, на образовавшейся приличного размера, можно сказать, котловине, приподнятой над озером метров на пять и окруженной сродни дну огромной чаши скальными выступами и горками, поросшими лесом, взбиравшимся по ним от самого озера. Слева, на севере, метров на семьдесят – каменная горушка, поросшая соснами, справа холм пониже.

С третьей стороны – возвышенность, через которую переваливала единственная дорога, ведущая в поселок, была самой незначительной, а от дороги, вдоль которой, как почетный караул, стройными ровными рядами стояли матерые сосны, в обе стороны простирался густой

лесной массив, что окружал котловину с поселком на нем на многие километры.

Красота, непередаваемая словами, – величественная, мощная северная красота. У Анны каждый раз, как она приезжает сюда, дух захватывало и руки сами собой непроизвольно тянулись нарисовать, запечатлеть, ухватив моменты разного освещения дня, вечера, утра, передать эту красоту.

Когда поселок только проектировался, обсуждали несколько вариантов его названия, и все как один пышные, с претензией на вычурность и роскошь: например, всерьез рассматривалось «Парадиз» в разных вариациях. Но Александра Юрьевна, иронично посмеиваясь, остудила пафосный порыв проектировщиков:

– Вы еще «Райский рай» назовите. Чай, не «Бурдж-Калиф» возводите, а поселок посреди леса, вот и нечего пафосом трясти. Надо что-то простое и незатейливое, чтобы лишнего внимания не привлекать и не дразнить больного любопытства граждан. Что-нибудь типа «У озера» или еще как. В простоте, в простоте, ребята.

Проектировщики, стусевавшись, почесали свои умные головы и, не мудрствуя лукаво, присвоили поселку название «Озерное». Простенько и без затейливых претензий.

Как любого городского жителя, природа всегда завораживала и немного пугала Аню, но это место действовало на нее совершенно по-особенному, вызывая удивительное тонкое чувство не то единения, не то... она будто воспринимала своим внутренним слышанием, чутьем природу этого места, сливалась с ним, порой словно растворяясь душой в этой чистой, сдержанной, суровой природной красоте...

Да что она сегодня все в грезах непонятных, размышлениях-фантазиях пустых и мыслях расплывающихся, одернула себя уж который раз за утро Анята. Настроение, что ли, такое, какая-то она рассеяннo-зadумчивая. Может, давление в природе скачет как-то по-особенному, как там оно у нее скачет, чтобы сказываться на самочувствии людей? Тетка Александра частенько это природное давление поминает недобрым словом в паре с магнитными бурями.

«Да какое, боже ты мой, давление и самочувствие?» – разозлилась окончательно Аня на себя, очередной раз обрывая непонятно как заползшие в разум мысли.

Все у нее в порядке с самочувствием!

– А все потому, что привычный режим нарушаем, – произнесла вслух недовольно Аня.

Степанида Ивановна не совсем уж полную напраслину наводила, когда упоминала спуск к озеру, якобы захваченный недружелюбным соседом. На самом деле его участок находился на склоне, с перепадом высоты метров в пять, который плавно спускался к берегу озера, именно в этом месте подступавшего к самому поселку. Но этот берег был до того неудобным, а местами так и просто опасно крутым, загроможденным валунами, что подступиться к воде отсюда представлялось проблематичным.

Поэтому жители обустроили основной большой причал, у которого швартовались все лодки и катерки, чуть в стороне от поселка, метрах в трехстах по левому берегу, но там сразу от уреза воды начиналась глубина – для лодок и рыбаков самое то, а вот для купания не подходило совершенно. Поэтому для плавания облюбовали и окультурили дальше по северному берегу достаточно протяженный участок ровного пляжа с природным песочком, неглубоким входом в воду, окруженный соснами со всех сторон, ну чисто Рижское взморье, правда, идти до него приходилось километра два. Зато красота какая! За что, видимо, местные в шутку и прозвали этот пляж Северным Майами, буквально сразу сократив название просто до Майами. Ну а что – их поселок как хотят, так и называют.

На второй, что ли, день приезда... Да, на второй, Анна уговорила тетюшку и Лену отправиться на этот самый «курортный» пляж погреться на солнышке, поплавать. С первым пунктом – будьте любезны и сколько хотите, хоть зажарьтесь загораючи, а вот со вторым получился полный облом. Вода в озере была чистойшая, прозрачайшая – дно просматривалось до самого маленького камушка и шустрого малька между ними – и... жутко холодная, поскольку глубина начиналась сразу, метрах в двух от берега, а само озеро подпитывалось родниковыми водами.

Аня и так-то была не пловчиха даже намеком: ну могла держаться на воде, по-собачьи перебирая ногами-руками, без особого энтузиазма и рвения, а воду холодную не любила категорически. Однажды в детстве, когда они гостили на даче бабушкиных с дедом друзей, прыгнула следом за местными мальчишками в холодную речку, так

потом две недели болела. Как-то не получилось у них дружбы с водным закаливанием.

А в этом озере вода даже в самое засушливое лето, в самые жаркие, шпарящие солнцем деньки не нагревалась выше семнадцати градусов. Нет, любители окунуться находились, но так, скорее ради экзотики и закаливания не то тела, не то силы воли, но таких было мало, ведь у многих жителей имелись свои личные бассейны на участках, в основном крытые.

И, как ни печально, но Анна вынуждена была с прискорбием признать, что ее курортствование на водах, пожалуй, закончено на пробном этапе этой привлекательной затеи, поскольку загораение, увы, тоже совершенно не ее тема. У Ани очень белая и чувствительная к солнечным лучам кожа. Она и на море-то, на которое старалась вывозить каждый год Ромочку, на пляже всегда сидела под навесом, предусмотрительно одевшись во что-нибудь легкое, но с длинными рукавами. Ну и широкополая шляпа, очки обязательно.

Но в этот приезд с подачи тетушкой замечательной идеи питерская барышня решила, что, раз с плаванием не заладилось, будет она оздоравливаться посредством приобщения к спорту и фитотерапии, то бишь дышать полезными фитонцидами. А где водятся полезные-то эти самые фитонциды? Правильно – в хвойном лесном массиве.

А вот хвойного леса у нас здесь завались – на километры вокруг поселка простирается. Дикие места вообще-то. Хоженные, но дикие.

Когда Александра Юрьевна выбирала для себя участок, она руководствовалась простыми, но важными требованиями: тишина-покой, никакой суеты, поменьше соседей, прекрасный, чистый воздух и великолепные виды на гору, лес и озеро. Посему ее участок и расположился последним от въезда и первым от озера, на правой, южной стороне поселка, на крайней из улиц, рядом с подножием скалистой горушки, поросшей соснами и елями, отделенной от заборов грунтовой колеи.

Чуть позже появился участок того самого загадочного соседа Антона Валерьевича, как бы впереди, но левее, несколько в стороне, и вида-обзора на озеро Александре Юрьевне на загораживал.

Это так, про расположение и планировку, вид, так сказать, сверху.

Решив дышать правильным воздухом, очищая легкие от питерского смога и сырости, Аня с помощью Лены достала из дальнего закутка в кладовке вполне себе рабочий горный велосипед, который когда-то привезла тетушка в надежде раскатывать по лесам, поддерживая правильный образ жизни, диктующий внедрение спорта в массы. С массами, осваивающими спортивные навыки, как выяснила тетушка Александра методом проб, ей оказалось не по пути, по крайней мере в велоспорте, и агрегат отправился пылиться в дальний закуток, чтобы не мозолить глаза немым укором.

Водитель соседа, чей дом находился рядом с тетушкиным, подкачал шины спортивного инвентаря, отрегулировал сиденье, смазал цепи, произвел профилактику, где требовалось. И на четвертый день своего внезапного отпуска Анна почти торжественно выехала на железном коне через заднюю калитку на грунтовую дорогу, провожаемая и напутствуемая тетушкой Александрой и Леной, твердо заявившими, что верят в ее спортивное будущее.

Метрах в ста пятидесяти от грунтовки, дабы не раздражать своим урбанистическим видом обзирающих пейзажи жителей, нарушая естественную красоту природы, среди сосен тянулся решетчатый трехметровый антивандальный зеленый забор, взбираясь на естественные преграды в виде разбросанных по лесу валунов, поднимающиеся скальные выходы, и спускаясь с них, надежно обхватывая Озерное с двух сторон от поста охраны на въезде и до самого озера. Имелись в этом обманчиво-воздушном сооружении и калитки с электронными замками, ведущие в лес за территорию поселка.

Одна из таких ближайших калиток, к которой и направлялась Анна, располагалась на хорошо протоптанной тропе, сворачивавшей с грунтовки, метрах в ста от дома тетушки Александры, которая, петляя между валунами, довольно полого взбиралась импровизированным «серпантинном», если, конечно, можно было назвать таковым эти метания вокруг базальтовых глыб. Вот на эту самую тропу и свернула Анна.

Первый раз она катила все же с некой опаской и настороженностью в разведывательную, так сказать, пробную поездку: приспособиться к езде как таковой, проверить свои силы, опробовать агрегат на неровных лестных тропинках.

Но, как ни странно, если не считать подъема, на котором ей пришлось даже спешиться и вести велик, что называется, «в поводу», она практически сразу приновилась к ритму езды, да и велосипед показывал себя самым наилучшим образом, мягко преодолевая неровности ландшафта. Ей даже понравилось.

После верхней точки скалы начинался плавный спуск, и где-то метров через триста-четыре ста тропинка делилась надвое: одна, основная, так и тянулась вперед, а вторая, менее нахоженная, отворачивала влево. Аня поехала дальше по главной, натопанной.

Приблизительно через пятьсот метров, может, чуть больше, от основной тропы отходила еще одна небольшая тропка влево, и где-то через километр, практически перпендикулярно движению, снова влево уходила совсем уж еле заметная, почти заросшая тропочка, а все та же главная начинала загибаться, уходя вправо по большой дуге.

Не меняя своего решения, Анна поехала дальше по основной, уходя вправо. Но вскоре как-то резко и сразу почувствовала, что ноги устали, руки, спина, видимо от непривычного напряжения, тоже, и Аня, развернув велик, покатила обратно, так и не разведав, куда же ведет тропа.

На следующее утро проснулась почему-то рано-рано, вышла на балкон, вдохнула полной грудью и замерла, захваченная увиденным, – только начинало светать, и тишина стояла нереальная, воздух звенел от прохладной, прозрачной чистоты, а природа словно замерла, затаила дыхание в ожидании чуда рождения нового дня.

И так вдруг Аня захотелось в эту минуту, в это неповторимое мгновение обновления природы, солнечного торжества оказаться в лесу, подышать этим воздухом там, среди сосен и редких елочек. И, чтобы долго не размышлять и не передумать, она торопливо оделась, прихватила бутылку воды, тихонько вывела велик из гаража и, выйдя через заднюю калитку, отправилась в поездку по вчерашнему маршруту.

И, хоть ноги немного постанывали от непривычной нагрузки, на этот раз она проехала гораздо дальше и даже подъем преодолела не пешком, а на велосипеде. И покатила вперед – ехала и ехала себе неторопливо, поглядывая по сторонам, вдыхая полной грудью смолистый душистый воздух, пока неожиданно перед ней не расступились высокие деревья и она не оказалась на самой высокой

точке над косогором, а перед ней открылась небольшая полянка, поросшая низкорослыми кривыми деревьями и кустарниками среди камней, косогором спускавшаяся к еще одному озеру.

Озеро было не такое большое, как у поселка, оно вытянулось почти правильным овалом, посверкивая среди надолбов и валунов, нагроможденных на мелководье прибрежной полосы, за которыми практически от самого уреза воды поднимался по покатой скальной возвышенности величественный лес-богатырь, вставший ровными корабельными соснами как призрачными воинами.

От нахлынувших, захвативших эмоций, вызванных этой великолепной картиной, Аня даже дыхание затаила, переживая момент глубокого душевного потрясения, до слезы прямо, вот как расчувствовалась.

Постояла так, постояла, созерцая, вбирая в себя красоту, и выдохнула.

Осмотрелась повнимательней и заметила, что тропинка, по которой она ехала, здесь и заканчивается, а немного правее есть удобный спуск к воде – тропинка не тропинка, скорее обозначенное направление, ведущее к совсем небольшому пятачку, метра три длиной, ограниченному с двух сторон большими валунами, выступавшими из воды, словно закаменевшими охранниками, вставшими на караул по бокам ровного бережка, чуть присыпанного песочком.

Пошла к приглянувшемуся местечку, придерживая ретивый велик, норотивший убежать под горку, пристроила его у одного из валунов, присела и поплескала рукой в воде, просто так, от удовольствия и ощущения душевной радости какой-то, и подивилась – теплая! Не парное молоко, но и не пятнадцать градусов!

– А вот интересно, если... – подумалось внезапно открывшей в себе любознательность юного натуралиста Ане. И, быстренько скинув спортивные тапки, стянув носки, сначала робко попробовав пальцами ног и ступней водичку, удивившись еще разок, смело вошла в озеро аж по щиколотку.

Нет, ну надо же, теплая вода-то!

И тут Аню посетила мысль посмелей предыдущей.

Поозиравшись по сторонам, прислушавшись к тишине на предмет «не пылит ли дорога, не идет ли оккупант» в лице местных туристов,

намеревающихся помешать ее смелым планам, и не выявив таковых, Анюта быстренько принялась раздеваться. Понятное дело, купальник с собой она не прихватила, кто ж знал, что такая удивительная возможность подвернется, но и так сойдет, даже интересней.

Не загоняясь более глупостями и сомнениями, поеживаясь от холодного утреннего ветерка, Аня разделась и сиганула с разбегу в теплую водицу нагишом.

И задохнулась... Про теплую это она, пожалуй, вспылила на радостях... Вообще-то градусов двадцать, не больше. Не Карибы, прямо скажем, и не Черное море в разгар сезона, но постепенно привыкаешь к температуре, и хоть бодрит, но очень даже ничего.

Она поплыла вперед и только тогда поняла природу удивительной теплоты воды, обнаружив на дне нагромождение каменных валунов, тянущихся словно изгиб огромной подковы, кое-где выступавших над поверхностью, отделяя таким образом небольшой заливчик от основного озера некой естественной преградой. А поскольку образованный затон был мелководен, поэтому и прогревался под солнышком намного больше, чем остальная вода.

Ради эксперимента Анна даже рискнула заплыть за «ограждения», выйти, так сказать, на стратегические водные просторы. И быстренько вернулась назад – да ну на фиг, холодно там! Не понравились ей стратегические просторы.

Побултыхавшись на мелководье в свое удовольствие минут пятнадцать, она выбралась на берег, спешно обтерлась хлопковым худи, оделась и вскоре уже катила по тропинке назад в поселок, вполне собой и жизнью довольная, испытывая легкий, честно заслуженный физическими нагрузками голод.

За завтраком в самых восторженных тонах, помогая себе восклицаниями и неудержимой жестикуляцией, рассказала тетушке и Лене о своем географическом открытии, выслушала историю края и места, на котором возник поселок, и того самого озера от Александры Юрьевны, поставила тетушку в известность, что намерена ездить туда регулярно.

Не то пугала родственницу любимую, не то себя уговаривала.

Но, как ни удивительно, с того дня Анна, любившая во всем упорядоченность и планирование, взяла за правило ездить на дальнее озеро каждое раннее утро, плавать нагишом и неторопливо

возвращаться обратно, получая от этих занятий колоссальное, редкое удовольствие и заряд бодрости на весь день.

А сегодня вот не получилось – утро сложилось как-то разбрызганно непланово. Честно признаться, вчера она засиделась за работой. В абсолютной ночной тишине так хорошо работалось, да и шугануть ее некому было: привыкшие здесь рано ложиться и рано вставать тетушка с Леной давно уж мирно почивали, как и положено людям на дачном отдыхе. Поэтому утро раннее Аня проспала самым безмятежным образом, а после завтрака увлеклась неожиданно портретом загадочного соседа, а потом явилась Бибиси...

Но ведь никто не мешает ей отправиться на озеро прямо сейчас.

Скорее всего, благодати плавания голышом не получится, все-таки день-деньской и вполне могут найтись любители посетить тот чудесный уголок природы, не зря же к нему такая проторенная дорожка ведет. Да и она вот уж два утра не купалась голой по некоторым объективным причинам.

Аня надела купальник, спортивный костюм сверху, сунула в небольшой рюкзачок полотенце, квадрат тонкого поролона для сидения на земле, белишко на смену, а еще альбом для рисования и несколько карандашей в специальном чехольчике, спустилась вниз, прихватила бутылку воды, крикнула тетушке, предупредив об отъезде, и отправилась в гараж за великом.

Она медленно катила по тропинке через лес, любуясь стоявшими величественно соснами, выроставшими как будто из каменных валунов, демонстрируя поражающую силу жизни, стремление всего живого на Земле пробиться, тянуться вверх, к солнечному свету. Катилась и размышляла о том, что имеется теперь у нее маленький секрет от тетушки. Нет, секрет-то сам по себе большой, но по секретной сути маленький.

Каждая порядочная, уважающая себя девушка просто обязана иметь маленькие секретки от тетушки. По-хорошему оно, конечно, полагалось бы иметь таковые от матушки, но мать Анны была фигурой скорее умозрительной, где-то даже мифической, поэтому секретки она утаивала от тетки Александры, человека близкого, родного и реально присутствующего в ее жизни.

Итак, секрет. И заключался он в том, что однажды...

А точнее, два дня назад, позавчера, как у нее повелось, ранним рассветным утром неспешно, в удовольствие, в меланхолично-расслабленном настроении прокатившись по привычному маршруту, Анята, уже почти выехав из-под высоких сосен на возвышенность перед полянкой, внезапно резко тормознув, буквально слетела с велосипеда и, перехватив тот за руль, неосознанно отшатнулась назад на несколько шагов.

На берегу озера, на песчаном пятачке пляжика, который она уже считала своим, практически личным пространством, стоял неизвестный мужчина. Первой неосознанной реакцией девушки, заметившей незнакомца, был естественный испуг, отчего Анна и шуганулась назад, под прикрытие деревьев.

Ну а кто не испугался бы на ее месте – выезжаете вы вся такая себе на релаксе, близком к медитативному состоянию – природа-погода, белочки-птички, ранний рассвет, тишина, расслабуха полная, – и вдруг бац – незнакомец, поджидающий вас в вашем укромном, тихом месте.

Ладно, что облом случился с планами-ожиданиями, бог бы с ними, но страшновато же. А вдруг это лихой какой человек, да не один, а где-то недалеко его товарищи в палатке досыпают, присоединятся чуть позже? А?

Когда пугаешься, разные страшилки в голову лезут, а уж с Аниной-то фантазией и воображением целый сериал криминальный перед глазами промелькнул. Все четырнадцать серий с ужасной трагической судьбой наивной, доверчивой героини. В один миг.

Но хоть и далековато было, присмотревшись повнимательней к незнакомцу, Анята с удивлением обнаружила, что это тот самый загадочный сосед, которого она называла Летучим голландцем.

Такой таинственный человек, о котором с удовольствием судачили поселковые дамы, обсуждая с жарким любопытством за чайком на своих верандах непонятого соседа, что объявлялся редко и каким-то необъяснимым образом – общественный транспорт до самого «Озерного» не ходит, лишь до поселка в пяти километрах от него, и такси, достаточно редкое явление, все в основном на своих машинах добираются. Но никто не слышит и не видит, как приезжает машина этого соседа. Загадка.

Вот и в этот раз он образовался на своем участке таким же таинственным образом – тихо и незаметно – дня три назад. Анна видела его пару раз издалека, а один раз совсем близко, когда ходила на этот его знаменитый причал, думала порисовать открывающиеся с него виды да и набросать эскиз его дома с этого ракурса. И неожиданно столкнулась с самим хозяином, в момент, когда она вышла на причал, выбравшимся из лодки, по всей видимости, вернувшись с рыбалки.

Мужик казался совершенно мрачным и подозрительным из-за отросшей двухдневной щетины на щеках и недовольного выражения лица – то ли рыбалка не удалась, то ли присутствие девицы, разгуливающей на его причале, раздражило. Зыркнул на Анюту недобрым цепким взглядом из-под бровей, изобразил что-то вроде короткого кивка, видимо должного означать приветствие такое своеобразное, обошел замершую перепуганным сурком девушку и протопал по доскам мостков на свой участок.

А Аня смотрела ему вслед и думала: какой угрюмый, неприветливый мужчина и определенно опасный, странный какой-то человек... и ужасно притягательный. По совершенно необъяснимой ей причине Аня испытывала какую-то прямо внутреннюю потребность и неприсущее ей любопытство, пробуждающее желание понять этого человека, понять природу его нелюдимости и суровости – это у него просто характер такой недружелюбный или за этой холодной отстраненностью скрывается какая-то тайна.

А тут вдруг раз – и вот он на ее поляне, у ее затончика, стоит, созерцает водную гладь озера. Борься с тем самым необъяснимым приступом любопытства Аня не стала, да и с чего бы над собой измываться подобным образом. И, пристроив за деревом «железного коня», согнувшись в три погибели, мелко перебирая ногами, скрытно потрусил от низкого деревца к каменной глыбе, от нее до другого, а от него к кустам, подбираясь поближе к заливику, чтобы, оставаясь незамеченной, рассмотреть получше соседа из засады.

А посмотреть было на что. Вот честное слово, было на что посмотреть определенно, и это зрелище вполне стоило того, чтобы, неприлично отклячивая зад, почти на коленках ползать между камнями и деревьями.

Не приглашенная на «представление», Анна неожиданно оказалась на сеансе легкого мужского стриптиза – сняв и бросив на валун куртку, мужчина скинул обувь, расстегнул ремень и решительными четкими движениями принялся снимать с себя какие-то необыкновенные спортивные штаны, ну такие, которые со множеством функциональных карманов, но при этом не сковывают движений, в них спокойно даже на шпагат можно садиться, крутые штаны, Ромка у нее постоянно такие клянчит. Чисто по-мужски, натянув на локоть, «голландец» сдернул одним рывком с торса футболку и остался в плавках, очевидно намереваясь войти в воду.

А Анна засмотрелась даже не столько по-женски, хотя, конечно, очень даже по-женски, но и замороженно, как художник, любясь великолепием такой природы, а сердечко-то застучало, она от эмоций даже рот чуть приоткрыла...

Рассветное солнце, показавшись из-за леса, подсветило великолепное тело вошедшего в уже достаточно зрелый возраст мужчины, мышцы, сформированные явно не в качалке, а многолетними тренировками, использовались их носителем по назначению, а не красоты ради. Они скорее походили на защиту, на жесткий каркас, оплетавший жилами скелет, перекачиваясь при каждом движении.

Он подошел к воде, постоял у самого ее края, о чем-то задумавшись, внезапно резко развернулся и посмотрел прямо на Анну. Вернее, на тот куст, за которым та старательно пряталась, сидя на корточках и от этого пристального взгляда непроизвольно тут же распластавшись на животе.

Стоял и выжидательно смотрел. Аняте показалось, что он смотрит прямо ей в глаза. Ее окатило как кипятком от испуга, потом сразу же резко стало холодно, а сердце все тарабанило и тарабанило, уже непонятно по каким причинам.

Он же никак не может ее видеть! Она достаточно далеко и не шумела совсем, тихо перебиралась от дерева к валунам и кустам, а сейчас так и вовсе лежит и не дышит. Или может?

– Выходите, – произнес мужчина спокойным уверенным голосом просьбу-приказ, – что вы там прячетесь?

Аня икнула с перепугу и приглашение проигнорировала.

– Не пугайтесь, я вполне мирный гражданин и на девушек не нападаю, – усмехнулся мужчина.

– А не на девушек? – пискнула из-за куста Анюта, сообразив, что напрочь рассекречена, вон он даже знает, что за ним девушка подсматривает.

– По обстоятельствам, – снова усмехнулся он.

Безнадежно вздохнув, Анна, подтянув колени, поднялась на ноги, отряхивая с ладоней и спортивных брючек налипшие частички земли вперемешку с песком.

– Здравствуйте, – кивнула она неуверенно и пошла к нему.

А он вдруг взял и улыбнулся.

Открыто так, весело – дивное дело! Сегодня он был чисто выбрит и смотрел на девушку веселым, приветливым взглядом, явно потешаясь над сложившейся ситуацией. И оказалось, что он совсем не такой уж угрюмый и мрачный, и гораздо моложе, чем Анне представлялось раньше, и вполне себе интересный мужчина.

Нет, опасный, без сомнения, непростой, но все же интересный.

– Я заметил вас, когда вы выехали из леса, – сообщил он остановившейся от него метрах в трех девушке.

«Что он мог там заметить?» – подивилась Анюта. Отсюда до возвышенности на кромке леса, где заканчивается тропа, добрых метров восемьдесят, не меньше. И он внизу, а она наверху. К тому же, как только Анна его увидела, и потом, все время, что кралась партизанкой по кустам, она не сводила с него взгляда, а он ни разу – вот ни разу! – не повернулся и стоял спиной к ней.

– Где ваше транспортное средство? – продолжал улыбаться мужчина, явно забавляясь ситуацией и смущением Анны.

– Там, – махнула она рукой назад, – под деревом лежит.

– Понятно, – кивнул он.

Честно говоря, было странно вести почти светскую беседу с практически голым незнакомцем, но похоже, что его это обстоятельство ничуть не смущало.

– Вы приезжаете сюда плавать? – поинтересовался он.

– Да, – подтвердила Анюта, – тут вода теплая. – И отчего-то решила объяснить данное обстоятельство: – Тут залив небольшой, мелкий, вот вода и нагревается.

– Я понял, – снова усмехнулся сосед. – Выходит, нам обоим нравится плавать на рассвете, подальше от людей.

– Выходит, так, – выдохнула Анюта, подумав, что она бы предпочла вообще без людей и голышом, да вот не судьба сегодня.

Он, наверное, понял, о чем она подумала, или прочитал по выражению ее лица и попытался как-то примирить с ситуацией.

– Я, видимо, нарушил ваше уединение, но, надеюсь, мы друг другу не помешаем.

– А я нарушила ваше, – внезапно сообразила Анна, что он, скорее всего, тоже не ожидал встретить тут кого-то столь ранним утром. – Вы же сюда не первый раз приходите?

– Не первый, – подтвердил мужчина.

И, не затягивая больше беседу, кивнул и вошел в воду. Нырнул... Анна затаила дыхание – таким красивым движением он это сделал – и все ждала, когда вынырнет. Ждала, ждала... Заволновалась... Он вынырнул уже в самом озере, под водой проплыв весь заливчик.

И поплыл – размашисто, мощно загребая руками, наверняка каким-то сложным плавательным стилем – Анна не разбиралась каким, но поставила себе заметку в памяти обязательно посмотреть в Интернете, когда вернется домой, каким он там кролем-брассом отмахивал в воде.

Стояла и как замороженная провожала взглядом удаляющуюся плывущую фигуру.

Потом вдруг словно опомнилась: а она-то чего! Он вернется, и все будет сложно и неловко, и уже не поплескаться свободно. Быстренько скинув рюкзачок, достала из него поролоновую подстилку, кинула ее у валуна, на нее полотенце, сняла одежду и побежала к воде.

Все время, что находилась в воде, Анна была как стрелка компаса, всегда показывающая на север, то есть в каком бы направлении она ни двигалась и как бы ни бултыхалась, взор ее был постоянно направлен на озеро, на плывущую в нем фигуру мужчины.

Когда мужчина, поднырнув, развернулся и поплыл назад, Анюта сообразила вдруг, что ведь придется выходить из воды и срочным порядком переодеваться, поскольку еще совсем раннее утро и на воздухе вообще-то холодно. Представила себе, как это будет неловко и конфузно, если они выйдут из воды одновременно, и заспешила, засуетилась.

Выскочила на берег, схватила свои вещички и, спрятавшись за большим валуном, быстренько вытершись, переоделась в сухое бельишко и оделась в теплое – пробирает так ощутимо, после теплой-то водицы.

И уже спокойно, неторопливо села на коврик и стала ждать соседа. Ну не сбегать же на самом деле, следует о чем-то поговорить, проявить дружескую учтивость, да и любопытство неугомонное не дремлет, может, удастся что-то про него разузнать.

Он выходил из воды, и Анюта отвернулась как бы невзначай – я тут природу лицезрею, люблюсь, ну, чтобы не рассматривать его самым неприличным образом, но не удержалась-таки, бросила короткий взгляд, мысленно представив, как можно изобразить это тело в движении и статике.

– Вы где переодевались? – спросил, выйдя на берег, самым невинным образом предмет ее изучения.

– Вот там, за валуном, – подсказала Аня, указав место.

– Да, удобная позиция, – согласился сосед, подхватил вещи и, пообещав: – Я быстро, – направился к валуну.

И действительно, быстро вернулся – прямо какой-то очень шустрый переодевальщик оказался – и, подойдя к Анюте, спросил:

– Можно? – кивнув на коврик.

– Конечно, – показательно пододвинулась она.

Поддернув штанины спортивных брюк, мужчина присел рядом. Помолчали, глядя вдаль на тихую, гладкую, как стекло, поверхность воды, на окружающую озеро панораму, уже подсвеченную с одной стороны выкатившимся из-за горы солнцем.

– Почему вы прятались и подглядывали? – внезапно спросил он.

– Сначала интуитивно испугалась, – честно призналась Аня. – Ну знаете, когда уверен, что никого тут быть не может и весь такой расслабленный, спокойный, и вдруг незнакомый человек. В моем случае крепкий, здоровый неизвестный мужчина.

– Ну да, – согласился тот самый крепкий мужчина.

– А потом... Я вас узнала, и мне стало ужасно любопытно, – улыбнувшись, посмотрела она на него. – Вы же наш сосед из дома над озером. Ужасно таинственный, загадочный и мрачный. И было уже как-то неудобно показываться, и немного опасалась вот так выходить, и что? Представляться? Глупо получилось, – сконфузилась она и

призналась совсем уж откровенно: – Я ведь действительно подсматривала за вами.

– Ожидали полного стриптиза? – усмехнулся он.

– Да нет, что вы, – уверила не самым убедительным образом Аня и рассмеялась, сообразив, что ее лукавство очевидно. – Просто знаете, из вас бы вышел великолепный натурщик. У вас красивое, классически гармоничное тело, если бы вы решили позировать, художники бы в очередь вставали, чтобы заполучить такого натурщика.

– Пожалуй, уступлю дорогу молодым, – хмыкнул ее собеседник. – Уверен, что художники предпочтут юных мужчин с рельефными мышцами, а не возрастных потрепанных образчиков.

– Смотря какие художники, – задумавшись, посмотрела вдаль Аня.

– Вы художница? – скорее утвердил, чем спросил мужчина.

– Художница, – снова повернулась к нему Аня и сделала очередное честное признание: – Я рисовала ваш дом. Сверху. Забралась на гору, нашла хороший ракурс и нарисовала. У вас удивительный дом. Мощный, загадочный, со своим характером. Непростой.

– Спасибо, – поблагодарил сосед. – Мне он тоже нравится.

– А чем занимаетесь вы? – спросила с любопытством Анна.

– Очень прозаичным делом, далеким от искусства, ничего возвышенного и красивого, как у вас. Но в данный момент я с удовольствием предаюсь отдыху, – ушел он от прямого ответа и спросил, откровенно уводя от темы: – Будете еще плавать?

– Нет, – отказалась Аня и пояснила: – Пора возвращаться, тетушка на завтрак будет ждать, а ждать она не любит.

Каким-то слитным, единым движением, легко, казалось, что без каких-либо усилий, он поднялся с коврика, галантно протянул руку девушке, помогая подняться и Ане.

– Ну, что, тогда до свидания, – попрощался мужчина и предположил: – Может, еще встретимся, когда придем сюда поплавать.

– Вполне возможно, – кивнула Анна.

– Вас проводить? – предложил он.

– Нет, спасибо, – отказалась Аня, чувствуя какую-то неожиданно охватившую ее маетную неловкость.

Быстренько сложила и затолкала в рюкзачок подстилку, закинула его на плечи и скомканно попрощалась:

– До свидания, – и, махнув рукой, заторопилась, поднимаясь по косогору наверх к тропинке, где оставила свой велосипед.

А взобравшись на возвышенность, обернулась и увидела, что мужчина за это время успел довольно далеко пройти по берегу и вдруг, словно почувствовав ее взгляд, повернулся именно в этот момент и помахал ей рукой.

Она ехала назад и, конечно же, размышляла об этой неожиданной встрече и об этом так и оставшемся загадочным мужчине. Ну а о ком?

Вообще-то, что бы ни утверждал этот сосед, но большие сомнения в том, что он мирный безобидный гражданин, оставались. Как-то с трудом верится, что мужик этот – убежденный пацифист, любитель бабочек и мимимишных видео в Сети, вот ни разу не похож. И не потому, что обладает внешностью типичного бандита или злодея какого безбашенного, нечто из классификации Ломброзо, с низким лбом и тяжелым взглядом из-под тяжелых надбровных дуг – отнюдь.

Вполне себе приятная внешность, можно сказать, даже по-мужски привлекательная, но достаточно обычная. Только чувствовалась в нем некая спокойная уверенность, внутреннее равновесие сильного духом человека, решительного, способного на мощные поступки и действия.

И, без сомнения, весьма опасного человека. Анна отчетливо чувствовала исходящую от него духовную и физическую силу. Но странное дело, тем самым своим обостренным внутренним чутьем и видением она совершенно четко знала, что ей незачем его опасаться. Мало того, когда они сидели рядом, смотрели на озеро и разговаривали, пусть и коротко, она чувствовала поразительное, абсолютное внутреннее спокойствие. Странное такое чувство, незнакомое.

И, только подъезжая к задней калитке ворот, Аня сообразила, что они не представились друг другу и она все так же не знает, как его зовут. И расстроилась этому обстоятельству как-то уж слишком глубоко для столь незначительной мимолетной встречи и ерунды.

И утаила от тетушки с Леной факт своего полужнакомства с соседом, и ворочалась в постели, и все никак не могла заснуть, вспоминая его выразительное, интересное лицо, непростой, словно

сканирующий, глубокий взгляд и красивое тело мужчины в великолепной форме, подсвеченное розовыми рассветными лучами.

А утром ехала к заливу и чувствовала непонятное нетерпение, словно спешила на свидание, и, сама себе поражаясь, остужала свою странную восторженность и нетерпеливое ожидание едкими ироничными и колкими замечаниями, напоминанием про возраст, и все равно нервничала в предвкушении возможной встречи. Трепетала.

Еще на этапе покупки и оформления участка Северов провел полную, тщательную рекогносцировку окрестностей поселка в радиусе тридцати километров. Ну так, пробежался, в легком режиме ежедневных тренировок, расширяя круги от центра – просто интересно, да и не помешает знать, где он собрался построить дом мечты и отдохновения.

Получилось с этим поселком и его желанием занять тут собственность все случайно и как-то внезапно. Но когда он приехал сюда и увидел воочию, а не на картинке – это озеро, сосны, в мешанине каменных глыб поднимавшиеся по периметру на скалы, – даже этот спуск к воде, состоявший, казалось бы, из одних валунов и базальтовой плиты, который он собирался приобрести, то почувствовал практически сразу – это его.

Вдохнул поглубже, задержал дыхание, а на выдохе уже точно знал, что совершенно созвучен с этим местом, что оно дает ему силы, наполняет чем-то чистым, истинным и здесь у него будет тот самый дом.

Это как с женщиной: когда любишь, то сразу, и не любишь тоже сразу.

Первое время Антон редко наезжал в Озерное, такой расклад был по службе, никуда не денешься, но при любой возможности старался приехать в поселок и находиться в нем как можно дольше. Последние годы это удавалось все чаще.

Разумеется, он знал, что местные жители относятся к нему с настороженностью, считая не совсем чтобы своим, мало того, тщательно поддерживал имидж замкнутого, нелюдимого и опасного человека, чурающегося общения с другими людьми, – так оно удобней, отсеивает лишние вопросы и чужую навязчивость.

Никогда не пренебрегавший основным постулатом «Знание – сила и безопасность», Северов обладал достаточно полной информацией

про всех владельцев жилья в поселке, про их домочадцев и обслуживающий персонал и, разумеется, про «крестную мать» этого элитного поселения Александру Юрьевну был прекрасно осведомлен, даже более чем. А вот ее племянницу увидел впервые.

И как-то так эта племянница его зацепила, вот прямо с первого взгляда, когда, возвращаясь с тетушкой и ее компаньонкой, очень красивой девушкой Леной, с пляжа «Майами», прошла метрах в трех от него, не заметив Антона, собиравшего между сосен сухие шишки про запас для камина, настолько увлекшись беседой с женщинами. Как, впрочем, и ее собеседницы.

А он вот засмотрелся. И долго стоял, задумчиво провожая удаляющуюся троицу взглядом.

Второй раз они столкнулись, когда Антон вернулся с рыбалки. Девушка вдруг впорхнула на причал и резко остановилась, увидев его, и уставилась изумленно. А его что-то так проняло не по-детски. Он посмотрел в эти любопытные, немного настороженные светло-зеленые глазищи и чертыхнулся про себя.

Да ладно. Да ну...

И весь последующий день, мысленно посмеиваясь и иронизируя над собой, напоминая про возраст и что там в какое ребро прилетает, хмыкая и покручивая головой, вспоминал девчонку. Вот прямо стояла она у него перед глазами.

Она напоминала Антону куколку-балетницу. Была у его деда старинная музыкальная шкатулка, у которой открываешь крышку – и выплывает из недр фарфоровая фигурка куколки-балерины на постаменте и крутится под механическую музыку. Мальчонкой он замороженно смотрел на эту куколку и осторожно трогал пальчиком, боясь повредить в ней что-нибудь хрупкое, и, наверное, благоговел, так поражало его искусство мастера, сотворившего эту маленькую куколку настолько точно, что она была как живая.

Эта девчонка чем-то очень напоминала ту самую фарфоровую балеринку: стройненькая, не худющая, а изящная, вся такая гармонично скроенная, ладненькая. Эдакий типаж женщины-девочки, в чем-то навсегда остающейся наивной, чистой, светлой.

Ну надо же, все удивлялся себе Антон. И вздыхал, признавая очевидный факт: вот так вот, Антон Валерьевич, вот так.

Приезжая в дом у озера, он всегда переключал в себе некий тумблер, перестраиваясь практически сразу же на режим отдыха и душевного расслабления. Занимался только тем, от чего получал настоящее удовольствие: рыбачил, много читал исключительно настоящие книги на бумажных носителях, много гулял, рано ложился спать, рано вставал. Для полноценного отдыха и сна Антону давно уже хватало часа четыре-пять, а здесь то ли воздух был особенным, то ли и на самом деле организм расслаблялся, но спал он часов по шесть, просыпаясь перед самым рассветом, и отправлялся в лес на пробежку.

Нравился ему этот лес, дышалось тут сладко, во всю ширь, и, пробежав привычную дистанцию, там же, в лесу, на удобной полянке, он обычно делал серию ежедневных упражнений, а после по настроению: либо возвращался домой, либо добегал до дальнего озера и плавал.

Вот так несколько дней назад он решил поплавать и, почти уже спустившись с косогора к озеру, вдруг заметил эту девушку, плавающую в теплом заливчике. И тормознул, зашел за ствол сосны, чтобы не напугать ненароком ее своим появлением. А потом она вышла из воды.

Голенькая. И розовые лучи солнца, выползавшего из-за скалы, словно окутали ее мокрое гибкое тело, засверкав на каплях воды.

М-да. Вот и все, как любит приговаривать его матушка. Вот и все.

Днем Антон прогулялся по грунтовой дороге, что буфером проходила между стенами заборов, ограждающих участки, в том числе и Александры Юрьевны, и лесом, и поднялся по «серпантину» на верх пригорка – побродил, одним словом.

А на следующее утро, мысленно остужая себя и посмеиваясь над собой, над неким предчувствием, ожиданием, теплившимся в груди, побежал на пробежку, решив, что сегодня он обязательно *захочет* искупаться в дальнем озере. Он совершенно определенно знал, чувствовал, что она приедет на своем велосипеде. И она приехала.

Северову стоило больших трудов, чтобы не расхохотаться во весь голос и сохранять внешнее спокойствие, когда девушка ползала по косогору, прячась за кустами и камнями, громко посапывая от усилий и сосредоточенности, производя какофонию звуков своими разведывательными передвижениями.

А потом, разоблаченная в подглядывании, она подошла к нему, и, разговаривая, Антон вдруг обратил внимание на ее узкие ладошки с длинными тоненькими пальчиками...

И эти тоненькие, изящные пальчики, производившие невероятно красивые, завораживающие его движения, сместили что-то у него в мозгу окончательно.

Или поставили на место.

Незамеченным он проводил ее до калитки общего забора, перед подъемом на гору, даже бежать не пришлось, так, трусил чуть сзади по лесу, настолько медленно она ехала, погрузившись в свои размышления. И проследил с вершины, как девушка спустилась по «серпантину» со скалы, проехала по грунтовке и завела велосипед на участок через заднюю калитку.

И на следующее утро снова отправился на дальнейшее озеро.

– Здравствуйте! – обрадованно поздоровалась девушка, остановившись наверху. Помахала ему рукой и принялась торопливо спускаться с косогора вместе с велосипедом на этот раз. – Мы с вами, – чуть запыхавшись, остановилась она возле него, – даже не представились вчера друг другу, – и протянула ему свою тонкую изящную ладошку. – Я Анна.

– Антон Валерьевич, – принял и очень осторожно пожал эту фарфоровую ладошку Северов.

– Вот и замечательно! – чему-то радовалась девушка.

Как и вчера, поплавали каждый по своей программе: он – нагрузочно, на скорости, чтобы сильно не охладиться; она – плескаясь как малек на мелководье. И когда Антон вышел из воды и переоделся, то предложил:

– Я хотел бы показать вам одно место, – указал он рукой вправо вдоль берега, в сторону леса.

– Далеко? – безмятежно поинтересовалась девушка.

А Северова прямо вот шоркнула эта ее доверчивая безмятежность: а если бы он был козлина какой с гнусными намерениями, а она выказывает полную готовность неизвестно куда и неизвестно с кем идти.

– Нет, не далеко, – сдержал он себя, чтобы не начать назидать наставлением по безопасности.

И, уже привычно за последние дни, мысленно усмехнулся, посмеиваясь над собой, – эх его пробрало-то, однако.

– А велосипед? – спросила девушка, не подозревая о штормивших в мужчине мыслях и чувствах в свой адрес. – Или лучше на нем поехать? В принципе, – посмотрела она задумчиво на своего железного друга, – мы вполне можем поместиться на нем вдвоем, если вы поведете, а я сяду на раму. – И посмотрела на Антона веселыми зелеными глазами: – В старых советских фильмах герои так часто девушек катали.

Северов тут же представил себе, самым красочным и ярким образом, что ему придется претерпеть, если он посадит девушку впереди себя на раму, а она откинется ему на грудь для равновесия... Ну, в общем, нет пока.

– Тут недалеко, пешком удобней, – заверил Антон. – А велосипед мы вон под тем кустом спрячем, на всякий случай, чтобы не вводить в искушение какого-нибудь заблудшего туриста, случись здесь таковой.

– Ну давайте спрячем, чтобы не вводить, – согласилась девушка.

Пристроив агрегат, он повел Анюту вдоль берега, налево от залива в сторону леса, где метров через двести между двух сосенок начиналась еле заметная тропинка, которую натоптал сам Антон, приходя сюда. Тропинка практически сразу забирала вверх, поднимаясь по довольно крутому склону, но была достаточно удобной, чтобы по ней можно было спокойно пройти.

Не спрашивая и не предлагая помощи, просто взял Аню за руку и повел за собой, помогая подниматься. Вскоре подъем стал более пологим, а тропинка поворачивала вправо, держась параллельно озерному берегу. Они прошли еще метров пятьсот, плавно, но все же поднимаясь и поднимаясь вверх, когда Антон свернул еще раз направо и перехватил поудобней за локоток руку девушки, которую так и не отпускал весь путь, придерживав более основательно.

– Здесь осторожней, – предупредил он, выводя Анну на большой, практически плоский огромный валун, нависший над озером. Провел ее почти к самому краю, развернул, поставив перед собой, продолжая придерживать за локоть, и повел рукой: – Смотрите.

А она вдруг перестала дышать и словно застыла вся.

Да, он понимал.

Вид, открывавшийся с этого места, был совершенно потрясающий, невероятный. Дыхание перехватывало от этой строгой, сдержанной и величественной красоты.

Озеро лежало перед ними во всей красе, как на ладони, и вздыбливающиеся по его берегам, карабкающиеся вверх каменные глыбы и валуны скал, среди которых высились гордые ровные сосны и низкорослые деревца кое-где между ними, отражались как в зеркале в неподвижной глади воды. И над всем этим великолепием царила небывалая тишина, нарушаемая лишь еле слышным плеском воды и щебетом птиц.

Они стояли молча и смотрели, сливаясь с природой, становясь ее частью, принимая ее в сердце и душу как неожиданный, великолепный дар.

Через какое-то время она повернулась к нему, подняла лицо, посмотрев своими светло-зелеными глазами, переполненными непролитыми восторженными слезами, и произнесла с глубоким чувством, тихим, переполненным эмоциями голосом:

– Спасибо.

А у него всколыхнулось сердце, пропустив пару ударов.

М-да, как-то вот так. «Что ж теперь сделаешь», – подумалось ему.

На следующее утро девушка не приехала, Антон прямо расстроился и все подшучивал над собой и даже было подумал: а не наведаться ли в гости к Александре Юрьевне, дабы выяснить причину, по которой ее племянница не приехала сегодня купаться.

И, запрокинув голову, засмеялся в голос над этой мелькнувшей мыслью, которую чуть не принялся обдумывать всерьез.

Анюта ехала и думала о том, что знала имя-отчество соседа еще до того, как тетушка открыла им с Леной его сегодня, и про то, что ее секретик как-то незаметно ширится и наполняется, становясь все объемней и значительней, грозя перерасти в полновесную тайну, а этого не хотелось бы. Зачем? Тетушка – не тот человек, от которого Анна что-либо утаивала, а ровно наоборот, делилась всеми своими делами и переживаниями, да и начинать не собиралась.

А еще она с сожалением думала о том, что сегодня не встретит Антона Валерьевича, потому как едет не утром, а днем. И предвкушала, как, наплававшись, пойдет на тот валун, что он ей показал, и порисует.

Вчера она просто задохнулась от красоты, дышать не могла, когда он привел и поставил ее перед собой на этот надолб, нависший над озерной гладью, и повел рукой, будто преподносил, дарил ей эту великую, роскошную драгоценность.

Анне всю ночь снилась эта величественная картина. И руки невозможно было удержать, так хотелось немедленно перенести эту красоту на холст или бумагу, еле сдерживала себя, зная, что обязательно будет рисовать с натуры. Вот сегодня и порисует, а завтра утром обязательно поедет в их урочный утренний час и покажет Антону Валерьевичу, что у нее получилось изобразить. Почему-то у Ани даже тени сомнения не возникало, что он появится в привычное время, как было уже дважды, хотя они ни о чем не договаривались.

Засиделась она на том валуне над озером несколько часов, до сумерек, так увлеклась, что и подмерзнуть успела, и оголодать. Вспомнила, что тетушка наверняка изворчалась вся, ее дожидаясь, не имея возможности выказать свое негодование лично, – Аня не брала с собой телефон в эти поездки, желая полного, абсолютного погружения и слияния с природой, не прерываемого звонками и сообщениями, врывавшимися бы в эту умиротворенность из техногенной обыденности.

Тетушка, разумеется, ворчала и выговаривала ей за такое легкомыслие не раз, вспоминала о своих тиранских требованиях и сегодня, когда Аня вернулась, встретила пропавшую племянницу строгим выговором, но забыла обо всех претензиях и наставлениях о безопасности, рассматривая наброски Анны. В общем, искусство, как обычно, победило суетность бытия.

А ранним утром Анна, беспрестанно улыбаясь и уже совершенно определенно трепеща и волнуясь в предвкушении встречи с соседом, сложив вещи в рюкзак и не забыв прихватить альбом с набросками, выкатилась на велосипеде из задней калитки и неспешно поехала по привычному уже маршруту.

В лесу царил рассветная тихая благодать, птицы еще не звенели на все лады, а лишь тихо-тихо щебетали, словно опасались спугнуть утро. И было так торжественно и величественно, словно в органном зале еле слышно позванивали трубы, готовясь зазвучать всей своей мощью.

Анюта настолько расслабилась и погрузилась в себя, в какое-то отрешенное, почти медитативное состояние, войдя в резонанс с настроением и энергией природы, что не замечала, куда едет, автоматически крутя педали, что чуть не свалилась с велика, когда наехала на упавшую посреди тропинки довольно толстую ветку.

Суетливо задергала рулем, пытаясь удерживать равновесие, совладала, слава богу, не рухнула, но, остановившись, спрыгнула с сиденья, чтобы прийти в себя. Переход от состояния практически полного внутреннего покоя и расслабленности к нервическим трепыханиям и борьбе за равновесие был столь резким и неожиданным, что она как-то сильно напряглась и понервничала.

Стояла, успокаиваясь, дышала полной грудью, в какой-то момент даже глаза прикрыла, пытаясь снова расслабиться.

И вдруг услышала стон...

– Ум-м-м-м...

Ну точно – тихий такой, но совершенно натуральный стон!

Аня прислушалась, прямо-таки вся обратившись в слух, неосознанно даже сдвинувшись в ту сторону, откуда донесся непонятный звук.

Слушала, слушала... Нет, ничего.

Почудилось, наверное, решила она и уж собралась снова оседлать велик – пора вообще-то, ее там, может, сосед дожидается для заплыва и милой беседы, когда снова раздался этот пугающий звук.

– Ум-м-м-м... – тихо, но достаточно отчетливо и мучительно простонал кто-то.

– Что такое? – насторожилась Аня.

И, придерживая велосипед за руль, двинулась в том направлении, откуда определенно доносился этот странный звук. Который именно в этот момент снова пропал. Анна остановилась, прислушалась, даже дыхание затаила.

– М-м-м-м-м... – послышалось более отчетливо.

Стон тяжелой, какой-то безысходной боли. И, отбросив сомнения, она поспешила туда, откуда долетал этот болезненный стон. Она спешила, почти бежала, велосипед бултыхался по кочкам, камням, ухабам и упавшим веткам, задевая периодически педалью ее по ноге и сильно замедляя этим движение.

А стоны становились все отчетливей и громче, и в какой-то момент Анна поняла, что находится прямо возле источника звука, но не видит никого вокруг.

И вдруг стон повторился так четко и ясно, совсем рядом, но вроде как снизу.

Анюта стояла у края ямы, когда-то давно образованной вывороченным корнем мощного дерева, росшего у большого валуна, скорее всего, рухнувшего во время бури. Дно ямы было завалено сломанными ветками, шишками, высохшими хвойными иголками, наносимыми ветрами и паводками в яму за долгие годы, но сверху этой кучи, выпадая из общей картины давно высохшего, старого сухого лесного мусора, был навален свежий лапник.

И очевидно, что где-то именно под ним и находился человек, издававший страдальческие стоны.

Привалив велосипед к ближайшему сосновому стволу, Аня торопливо спустилась в яму, не самым аккуратным образом – умудрилась зацепиться ступней за выступающий из стены корень, рухнула на попу и, обрушивая вниз лавины сухой земли, перемешанной с песком, скатилась к завалу.

Но это все ерунда, она даже не заметила, быстро раскидала ветки лапника в сторону и замерла, оторопело уставившись на обнаружившегося человека. И было от чего – мужчина лежал как-то неестественно и неудобно: на боку, руки бессильно вытянуты вперед, ноги, наоборот, согнуты в коленях, ступни как-то ненатурально вывернуты, он походил на выброшенную на помойку большую сломанную куклу, а клетчатая рубашка на его груди была залита кровью. И горло, и часть лица, словно его сначала держали вниз головой, пока кровь текла по нему, а потом бросили. И была это совершенно жуткая и абсолютно нереальная картина.

Он снова застонал, и Анна встряхнулась, выходя из заторможенного созерцания. Упала на колени возле раненого, больно оцарапав при этом правую голень, лишь мимолетно обратив на это внимание, и замерла, наклонившись над ним, не зная, что надо делать и как помочь.

– Мужчина! – позвала она.

И потрясла бессильно-суетливо перед собой ладошками, не зная и не понимая, как к нему прикоснуться, издала какой-то придушенный

писк со страху – ну невозможно трогать человека, залитого кровью, который так стонет! Осторожненько похлопала его ладошкой по щеке.

– Мужчина, – снова позвала Аня почему-то шепотом.

– Эм-м-м-м... – застонал тот.

И в этот момент она увидела, как из маленькой дырочки на его груди выплеснулась темная, смолянистая какая-то жидкость, совсем чуть-чуть. И ее буквально накрыло холодным страшным пониманием, что эта жидкость не что иное, как кровь.

У нее мурашки побежали по всему телу от этой простой четкой мысли. Аня рванула со спины свой рюкзачок, торопясь, путаясь непослушными, трясущимися пальцами в завязках, открыла, выхватила полотенце и приложила его к этой маленькой страшной дырочке.

Прижимая полотенце, вдруг вспомнила, что где-то она читала или слышала, что надо обязательно зажать рану и остановить кровотечение, и судорожно пыталась сообразить, как же прижать-то эту рану и вообще что делать дальше. Мужчина застонал громче и протяжней, а Анна окаменела, заметив еще одну такую же маленькую черную дырочку чуть ниже солнечного сплетения, на заскорузлой от подсыхающей крови ткани рубашки.

Накрыв другим краем полотенца и прижав второй рукой и эту дырочку, она смотрела остановившимся от испуга взглядом, как буквально на глазах, за считанные мгновения полотенце пропитывается кровью. И в этот момент Аня со всей отчетливостью поняла, что одна не справится, и, наклонившись к лицу мужчины, пообещала:

– Я сейчас! Потерпите немножко, я сейчас вернусь! И приведу помощь! Я быстро!

И ринулась выбираться из ямы. Хватаясь за выступавшие из стен щупальца корней, перепачкавшись в земле с песком, она вылезла наверх, вскочила на велосипед и, не разбирая дороги, помчалась как могла к дальнему озеру, к своему пляжику. За помощью.

С обрушившимся на нее шквалом облегчения, от которого на пару мгновений даже что-то ослабло под коленками, высмотрела она фигуру мужчины, стоявшего у кромки воды, и, на всей скорости тормозя у самого края косогора, так что велик аж занесло вбок, Анна проорала, слетая с велосипеда:

– Антон Валерьевич!

Анюта не успела еще прокричать его отчество до конца, а он, сорвавшись с места, уже несся наверх по склону с невероятной какой-то скоростью и поразительной сноровкой, не делая ни одного неловкого или лишнего движения, – плавно, мощно, стремительно.

И, вылетев на косогор, с ходу ухватил обе ее руки, повернув вверх ладонями, выстреливая вопросами каким-то напряженным, четким командирским тоном:

– Ты разбилась? Поранилась? Где? Покажи?

– Я нет, нет, – затараторила Анна, сообразив, что он решил, будто с ней случилась какая-то беда.

– Откуда кровь? – чуть менее напряженно, но тем же строгим командирским тоном задал он очередной вопрос.

– Это не моя, – опустив голову, посмотрела на себя Анна, только сейчас обнаружив, что одежда перепачкана кровью вперемешку с землей, а ладони полностью покрыты красной, уже подсыхающей коркой.

– Там раненый, Антон Валерьевич! – заспешила она с сообщением. – Нужна срочная помощь!

– Так, – коротко произнес он, перехватил у нее руль велосипеда, резко развернул его в обратную сторону, сдернул с себя куртку, в три движения намотал на раму, сел на сиденье и, ухватив Анну за локоть, подтянул к себе.

– Садись, – распорядился он, указав подбородком на раму впереди себя.

Она тут же торопливо уселась, поерзав немного, устраиваясь, и схватилась за руль обеими руками.

– Где? – спросил он.

– В яме у вывороченного корня, что у глыбы такой большой, знаете? – отрапортовала Анна.

– Знаю, – кивнул Северов и, оттолкнувшись ногой от земли, надавив на педали, поехал вперед, распорядившись: – Держись.

Анне казалось, что велосипед прямо-таки летит, уверенно ведомый мужчиной, самым невероятным образом умудряясь объезжать препятствия, не пересчитывая все шишки, камни и упавшие ветки, обоими колесами, как ехала она, когда мчалась к озеру, изрядно отбив копчик.

Они как-то очень быстро оказались у ямы, и, соскочив с велосипеда и сунув руль Анне в руки, Антон Валерьевич снова отдал приказ:

– Стой здесь.

И эдак ловко-быстро, бочком по насыпи склона спустился вниз и присел перед пострадавшим человеком, осматривая того. Всего минуту, наверное, посидел, проверил пульс, приложив пальцы к шее, поднялся с корточек, прихватил с земли позабытый Анной рюкзачок, накиннул его на плечо и так же сноровисто-быстро выбрался из ямы.

– Умер, – сообщил он спокойным ровным тоном.

– А-ах! – бросив руль велосипеда, который, издав неуместный в почти полной лесной тишине железный лязг, грохнулся на землю, Анна прижала пальчики к губам.

Распахнув от ужаса глаза, стремительно наполнявшиеся слезами, она отняла пальцы от лица и призналась потрясенным шепотом:

– Это из-за меня, – и, снова приложив пальцы к губам, покачалась скорбно из стороны в сторону.

– Это вряд ли, – отряхивая ладони от земли с песком, спокойно заметил Северов. – Если, конечно, вы в него не стреляли из пистолета. – И спросил, чуть усмехнувшись: – Вы не стреляли?

– Я? – поразилась вопросу Аня и энергично покрутила головой: – Нет. Я не стреляла.

– Я почему-то так и думал, – улыбнувшись, кивнул ей ободряюще Антон и пояснил: – Умер сей гражданин от двух пуль в область сердца и кишечника. – И добавил, чуть скривившись, как пожаловался: – И ох как хреновато все это.

Тягостно-безнадежно вздохнув, достал из крепления на ремне своих крутых специальных спортивных брюк телефон в необычном противоударном мягком кожухе, быстро набрал номер, приложил к уху аппарат и, в ожидании ответа вздохнув еще разок, посмотрел с большим сожалением непонятым взглядом на Анюту и пожаловался:

– И как же не вовремя-то.

– А это бывает вовремя? – немного придя в себя от первого шока, с сомнением спросила Аня.

– Бывает, Анечка, еще как бывает, – ответил он, улыбнувшись ей ободряюще, и заговорил уже в телефонную трубку: – Да. Я хотел бы сообщить о трупе.

Аня не стала слушать его разговор с полицией, подошла к краю ямы и смотрела на человека, лежащего внизу поломанной выброшенной куклой. Вернее, теперь уже на труп человека.

И именно в этот момент ее накрыло конкретно, затрясло мелкой противной дрожью, желудок перехватило спазмом, к горлу подкатил тошнотворный комок, она все пыталась вдохнуть и никак не могла.

Вдруг сильные руки, ухватив ее за плечи, развернули и прижали к мужской груди.

– Тихо-тихо, девочка, – уговаривал ее мужчина спокойным ровным голосом, снова обращаясь на «ты». – Дыши. Медленно втягивай воздух через нос, – подсказывал он и похвалил, когда девушка последовала его совету. – Вот так, молодец. Задержи дыхание и медленно выдохни, – и снова похвалил: – Молодец. Теперь еще раз: вдохни, не спеши, задержи дыхание. И выдохни. Ну, как? – наклонившись, заглянул он ей в лицо. – Полегчало?

– Д-да, спасибо, – поблагодарила Аня и спросила о том, что никак не хотело отпустить ее: – Это точно не я его... добила? – смогла-таки сформулировать она вопрос и, понизив голос до шепота, призналась: – Я ему рану зажимала полотенцем, видела в одной программе, что надо прижимать к ране что-нибудь, чтобы остановить кровь. А он стонал. Может, я сильно нажала, а он умер?

– Ну, хорошая, наверно, программа, – похвалил Северов с не очень скрытой иронией, – поучительная. Только от проникающего пулевого ранения в область сердца и кишечника вряд ли что-то помогло бы, кроме срочной операции, – отпустил девушку из объятий, посмотрел на нее и спросил с ироничным сомнением: – Ты умеешь делать операции?

– Нет, – честно призналась Анюта, – я умею делать художественную вышивку разными техниками любого уровня сложности, нитяную и самоцветами, бисером и жемчугом. – И, подумав пару секунд, предположила: – Наверное, я могла его зашить.

Кто угодно начал бы тупить, окажись на ее месте, когда ты тихий-мирный гражданин и кровь видел только на порезанном пальчике и разбитой коленке, и вдруг у тебя на руках умирает человек. Ну ладно, пусть не только на пальчике и коленке, а и с бедой Анне приходилось сталкиваться и переживать разное доводилось, но залитый кровью, стонущий человек – это, знаете, конкретно бьет по психике.

Северов начал трястись всем телом в героических попытках сдержать рвущийся смех, покрутил головой и потер рукой затылок.

А Анна, глядя на похотывающего, бессильно прикрывшего глаза рукой мужчину, вдруг очень живо и так красочно-четко представила себе картину, как она накладывает на черные дырочки на груди пострадавшего аккуратные, искусные стежки золотой нитью с жемчугом.

– М-м-да... – произнесла она, признавая нелепость своего высказывания.

– Извините, – махнул примирительным жестом Антон, справившись с приступом смеха, смахнул предательски выступившую слезу, возвращаясь к их текущему положению: – Ань, нам с вами придется дождаться полицию.

– Здесь? – посмотрела она на него обескураженным взглядом, показав на яму, у края которой они так и продолжали стоять, и уточнила на всякий случай: – Прямо вот здесь?

– Зачем же прямо здесь, – успокоил он ее. – В сторонке посидим.

– Да, я понимаю, – кивнула она. – Мы же свидетели.

– Свидетели, – согласился Антон и расширил ее версию: – И подозреваемые. Это во-первых. – И указал рукой на небольшой пригорочек метрах в пятнадцати от ямы, предложив невозмутимым тоном: – Вон там можно удобно посидеть.

– Подождите, – поразились Анна, – почему подозреваемые?

– Идемте, – коротко вздохнув, взял он ее за руку и повел в сторону от ямы.

Место Северов присмотрел действительно удобное – небольшая возвышенность, присыпанная хвоей, как мягкой подушкой, давала прекрасный панорамный обзор местности, а на каменную глыбу и сосну, находившиеся на ней, можно было откинуться спиной. Не спрашивая разрешения, Антон достал из рюкзака Анны, про который та начисто забыла, погруженная в переживания и сильные эмоции, поролоновый коврик, постелил на землю и приглашающим жестом предложил девушке садиться. Что она и сделала, скорее обессиленно плюхнувшись на подстилку, ну и он сел рядом.

– Так почему подозреваемые? – переспросила настойчиво Аня.

– Потому что и вы, и я могли убить этого человека, – невозмутимо пояснил Северов.

– Я его даже не знаю! – задохнулась от негодования Анна.

– Я тоже не знаю, но это не имеет никакого значения. Для полиции важен тот факт, что и у вас, и у меня имелось время, место, – он провел рукой, показывая на лес, – и возможность застрелить потерпевшего. Как вместе, вступив в преступный сговор, так и по отдельности, имея какие-то личные мотивы.

Анна посмотрела на него потрясенно расширившимися от удивления глазами несколько секунд, потом отвернулась, задумавшись над тем, что он сказал. Антон не мешал ей размышлять, не подсказывал, не добавлял уточнений к своим словам, досадуя про себя, что девочка попала в такую неприятную историю. Да и ему эти дела совершенно ни к чему, тем более сейчас. Именно сейчас.

Ох, Анечка, Анечка, ну что тебе стоило проехать по той тропинке чуть попозже, хотя бы минут через десять, когда болезный клиент практически уже мирно испустил дух.

– А во-вторых? – спросила неожиданно девушка и снова посмотрела на него: – Вы сказали «это во-первых». А во-вторых?

– А во-вторых, если мы уйдем, то сюда может прийти кто-то другой и изменить картину места преступления или вообще унести труп. И тогда мы с вами попадем в еще более сложную ситуацию: полицию вызвали, место преступления есть, трупа нет.

– Кому может понадобится перетаскивать этого человека куда-то? – недоуменно посмотрела она на него.

– Например, тому, кто в него стрелял, – пожав плечами, пояснил Антон. – Для того чтобы спрятать более надежно. – И поделился безмятежным тоном своими наблюдениями, сделанными после короткого осмотра трупа в яме: – Этого человека явно убили в другом месте, а сюда привезли, причем вниз головой. И что-то подсказывает мне, что убийца намеревался избавиться от трупа куда как более продуманно, а в яму пристроил временно. Видимо, кто-то его спугнул.

– Убийца?... – протянула потрясенно Аня и, неосознанно схватив Антона за руку, заозиралась испуганно по сторонам, спросив с тревогой: – А если он действительно вернется и стрелять в нас начнет?

– Не начнет, – уверил ее Северов.

– Откуда вы знаете? – уставилась на него своими светло-зелеными глазами, расширившимися от испуга, девушка.

«Охо-хо, эти твои взгляды, девочка, охо-хо, – засмотрелся Антон, тяжело вздыхая про себя, пропадая в этих зеленых озерах...» И эти тонкие пальчики, ухватившиеся за его руку, м-м-да, вот так оно получилось.

«Ну, ладно, фигня война, главное – маневры», – одернул себя Северов любимой присказкой, – «разберемся».

– Сейчас утро, и по лесу могут ходить люди, грибники или такие же любители утренних прогулок, как мы с вами. К тому же он толком и одно-то тело не смог спрятать, а три – это уже кинематографический перебор. Да и ушел он из леса давно, – объяснял он ровным, уверенно-спокойным тоном, разгоняя ее страхи.

– Да, наверное, – подумав, согласилась Анна.

И, как-то сразу поверив его словам, Аня вдруг совершенно перестала трястись, бояться и рефлексировать, успокоенная той невозмутимой внутренней уверенностью и силой, исходившей от этого мужчины, которую она явственно чувствовала. И только сейчас заметила, что продолжает с силой сжимать его руку, смутилась, торопливо отпустила, извинившись:

– Простите.

– Ничего, мне приятно, – улыбнулся он ей по-дружески открыто.

– Как вы думаете, когда они приедут? – торопливо спросила Аня, чувствуя легкую неловкость и странные эмоции, что вызывал в ней этот его теплый, какой-то особенный взгляд.

– Нескоро, – не порадовал Северов. – Пока они там в своем районном отделении расчихаются, пока согласуют с вышесидящим начальством, так просто с кондачка не поедут. Кто ж захочет добровольно подставляться под чиновников и богачей, живущих в «Озерном»... А начальство еще разбудить требуется, оно пока спит. Значит, не меньше получаса только согласовывать будут, назначать крайних, передоверяя друг другу полномочия и ответственность. Это в лучшем случае, потом, пока соберутся, пока доедут, тоже часа полтора, не меньше. Так что сидеть нам с вами, Аня, минимум часа два. Но мы все же облегчим себе задачу, – улыбнулся ей Северов, достал телефон и пояснил: – Озадачим поселковую администрацию происшествием на их территории. Взбодрим немного любимую вашей Бибики общественность, так сказать.

И, набрав номер Аристарха Марковича, кивнул ободряюще Анне, поднявшись с подстилки, отошел в сторонку и о чем-то довольно продолжительно разговаривал.

Анна не прислушивалась к его разговору, откинулась на ствол сосны, закрыла глаза, расслабилась и только сейчас почувствовала, как звенит от напряжения и усталости все тело. Немудрено, все-таки она пережила серьезный стресс, носилась тут по лесным кочкам и ухабам, трясясь на велике, нервничала ужасно. Если бы Анюта не пыталась помочь этому несчастному, скорее всего, она бы намного спокойней реагировала на обнаружение убитого человека. Нервничала, понятное дело, испугалась, переживала, но не до такой степени, а когда вот так – не знаешь, чем помочь, а человек стонет и умирает, истекая кровью, – брр-р-р! Тут же постаралась прогнать эту выскочившую в воображении ужасную картинку.

– Вам, наверное, надо позвонить тетушке? – вывел ее из ленивой задумчивости голос мужчины.

Видимо, она немного задремала, потому что совершенно не слышала, как он закончил разговор и подошел к ней, а открыв глаза, увидела прямо перед собой смартфон, который протягивал ей Антон Валерьевич.

Посмотрела-посмотрела, но брать трубку не спешила.

– Знаете, – подняла она на него взгляд снизу вверх. – Моя бабушка говорила, что если нет срочной необходимости, то с плохими новостями лучше повременить.

– Мудрая у вас бабушка, – убирая телефон в чехол на ремне, улыбнулся он ей и опустился рядом на подстилку.

– Вообще-то она моя прабабушка, – улыбнулась Анюта, вспомнив любимую бабуленьку. – Но я всегда называла ее бабушкой Мусей. И да, она была очень мудрой.

– По-моему, я вас разбудил, – присмотрелся к ней мужчина.

– Да я так, немного задремала. Наверное, последствия стресса, у меня так бывает, – оправдываясь, объяснила она.

– Это называется «адреналиновый откат», – объяснил Северов и вдруг предложил: – Давайте-ка, Анюта, вы устройтесь поудобней и покемарите.

И переложил рюкзачок, похлопав по нему приглашающим к отдыху жестом.

– А вы? – не стала отнекиваться Анна, чувствуя, что ее действительно буквально вырубает какое-то внезапно навалившееся, прямо непреодолимое сонное бессилие.

Может, на самом деле этот, как он там сказал? Откат?

– Спите, я вас постерегу, – пообещал ей мужчина.

Она легла на бок, головой на рюкзачок, пристроив как-то колени-ноги и безотчетно уже проваливаясь в первую сонливость...

– Я на чуть-чуть, просто отдохну... – прошелестела слабым шепотом, уже засыпая.

Северов присел на корточки перед почти мгновенно отключившейся девушкой, порассматривал сделавшееся безмятежным и спокойным ее лицо, все поражаясь, как же его так угораздило.

Ладно, поднялся он на ноги. Надо бы осмотреть вокруг, что и как, пока представители правоохранительных органов всех мастей не понабежали. В том, что срочным порядком к этому делу будут привлечены следователи из центрального областного правления, он не сомневался ни на минуту. Вопрос только, на каком этапе?

– Значит, у вас, гражданочка Погодина, была назначена встреча на берегу дальнего озера с гражданином Северовым? – в который уже раз повторил свой вопрос следователь.

– Да не было у нас ничего назначено с гражданином Северовым! Ни на ближнем озере, ни на дальнем, и вообще нигде! – негодовала от бесполезности попыток объяснить, как все было на самом деле, Анна и начинала повторять в очередной, сбившись со счета, который уже раз: – Я же вам говорила уже, что каждое утро езжу на велосипеде на дальнее озеро, – непроизвольно начала произносить она слова четко, с нажимом, как дебиловатому ребенку, ученику-бестолочи, который не понимает простейших вещей и доходчивых, разумных объяснений. – Вот как проснусь утром, так сажусь на велосипед и еду. Спонтанно, понимаете? Не в какое-то определенное время.

– А зачем едете? У вас ведь в поселке озеро есть, совсем рядом? – безразличным тоном спросил следователь.

– Нравится мне! – изнемогала от тупости этого разговора Анята. – Моцион такой, вместо зарядки. Спорт называется. На дальнем озере есть залив, в котором вода нагревается, мне нельзя в холодной воде, – и вскидывалась возмущением. – Послушайте, зачем

вы в который раз задаете эти глупые вопросы? Я же уже все объяснила вам.

– Вот я и говорю, – не отреагировав на всплеск ее возмущения никоим образом, тем же постным, плоским тоном продолжил задавать вопросы следователь. – Ездите через лес, а на озере у вас назначена была встреча с гражданином Северовым. Для каких целей назначена? Вы состоите в любовной связи?

– Не состоим мы ни в какой связи! – негодовала Анна. – Мы почти незнакомы, виделись и коротко общались всего два раза до происшествия! – И принялась снова взывать к разуму майора со смешной фамилией Крапко: – Послушайте, зачем вы изводите меня этими нелепыми вопросами? Я все вам объяснила, все рассказала, без всякой утайки, и все показала самым добросовестным образом.

– Все ли, гражданка Погодина? – хитро прищурившись, посмотрел он на девушку, буравя ее взглядом. – Все преступники утверждают поначалу, что они ни в чем не виноваты. У вас с гражданином Северовым имелась прекрасная возможность убить пострадавшего.

– И зачем мы тогда сообщили о нем в полицию? – задала она вполне логический вопрос.

– А вот это мы и должны выяснить, – многозначительным тоном заявил следователь Крапко, побуравя девицу подозрительным взглядом, и задал следующий вопрос: – Почему, обнаружив пострадавшего, вы побежали не в поселок за помощью, а поехали на дальнейшее озеро за гражданином Северовым, как вы утверждаете?

– Потому что до озера было гораздо ближе и я надеялась на его помощь, – тяжело вздохнув, ответила она уставшим голосом.

– Значит, все-таки знали, что он там будет? – обрадовался следователь «оплошности», допущенной в показаниях свидетельницей.

– Не знала, но предполагала, – повторила очередной раз Анна.

Там, в лесу, она проснулась от того, что ее тихонько и нежно трясли за плечо. Открыла глаза и увидела склоненное к ней лицо Антона Валерьевича, тронутое легкой улыбкой.

– Полиция приехала, – сообщил он.

Анюта услышала громкие голоса, звучавшие где-то совсем рядом, резко села, немного стусевавшись обстоятельствам и своему

неожиданному сну, обнаружила, что была заботливо укрыта курткой Антона Валерьевича, что тоже несколько смутило, но поняла, что, как ни странно, чувствует себя отдохнувшей и гораздо более бодрой.

И это были последние приятные и спокойные мгновения этого бесконечно затянувшегося ужасного утра. Сначала Анна с Антоном Валерьевичем давали свои свидетельские показания на месте, рассказывая и показывая, как, что и где происходило. После чего их сопроводили домой полицейские, чтобы они могли привести себя в порядок и взять документы для оформления официальных показаний.

Вернее, Анна точно не знала, сопровождал ли кто-то Северова, имея большие сомнения насчет того, что кто-то вообще способен куда-нибудь сопроводить этого мужчину. А вот ее проводил до самого дома молодой молчаливый полицейский, который остался сидеть на скамейке у входа, дожидаясь, когда девушка приведет себя в порядок, чтобы идти вместе с ней туда, где будут проводиться дальнейшие следственные мероприятия, что бы под этим ни подразумевалось. Аня, например, понятия не имела, что это за мероприятия такие.

И это были еще цветочки, скажу я вам! Мирная, можно сказать, жизнь.

Пока она отмывалась от грязи и крови, лежа в ванной, затем Лена обрабатывала многочисленные порезы, мелкие ранки и ушибы Ани, полученные во время спасательной операции, потом переодевалась и завтракала, опекаемая уже обеими женщинами с двух сторон, – она без остановки и передышки рассказывала и рассказывала о происшествии все самым подробнейшим образом и отвечала на многочисленные уточняющие вопросы Александры Юрьевны, не оставлявшей ее ни на минуту с того момента, когда растревоженная тетушка лично открыла двери дома, встречая пропавшую племянницу и маячившего у нее за спиной полицейского.

Пришлось Анюте безнадежно и окончательно расквечиваться, признаваясь в факте своего случайного знакомства с загадочным соседом, и про вторую встречу на озере тоже докладывать.

И только когда Александра Юрьевна посчитала, что Анна чувствует себя достаточно хорошо, добротнo накормлена и обихожена, ответила на все предварительные пока вопросы, она позволила полицейскому, все это время ожидавшемуся на скамейке в компании чайника с крепким горячим сладким чаем, бутербродами и печеньем,

сопроводить племянницу в здание поселковой администрации. Там в кабинете Аристарха Марковича был устроен временный опорный пункт следственной группы, где за столом председателя и расположился майор Крапко, который проводил опрос свидетелей.

И вот уже битый час Аня отвечает на его вопросы, понемногу тупея, тихо зверея, всерьез заходясь негодованием, поскольку они ходят по кругу – он задает и задает одни и те же совершенно идиотские вопросы, выстраивая не менее идиотские предположения и версии, а она втолковывает этому упертому следаку, как все было на самом деле.

Идиотизм полный.

А майор Крапко, повторяя и повторяя нервной барышне одни и те же вопросы, пугая и продавливая, пока без нажима, так, легонько, вновь и вновь с тоскливой обреченностью думал о том, что оказался бы сейчас где угодно, даже на даче у тещи-заразы, и за милую душу, только бы не в этом «Озерном», будь он неладен сто раз.

Никто из их райотдела не хотел, даже под страхом увольнения, соваться в этот поселок и на мелкие происшествия, а уж убийство – это вообще трындец, полная, большая Ж...

До конца его смены оставалось два часа, когда дежурный принял вызов из этого элитного, недоступного «Озерного» и передал его Матвею, который витиевато, прочувствованно выматерился, оценив всю степень своего попадалова. Начальство, которому он тут же доложил о происшествии, оценив «открывающуюся перспективу» этого дела и уже своего попадалова, с чувством завернуло такой трехэтажный выкрутас, что позабористей выступления майора было на порядок, а проматерившись от души до печенок, отдало приказы.

Когда Крапко со следственной группой и экспертами добрались до места преступления и он увидел того самого свидетеля, что вызвал их «на труп», у него мгновенно разнылся зуб, из которого еще год назад удалили нерв, безошибочно предсказывая кучу вонючих неприятностей на всю его майорскую голову.

А когда позже он вносил в бланк протокола данные военного билета того самого бодрого свидетеля, пригласив его для дачи официальных показаний в кабинет председателя товарищества... ох-хо-хо, твою ж дивизию. «Подполковника инженерных войск» Крапко

еще кисло, но как-то проглотил, но на классификации «специального подразделения» безысходно затосковал и скис окончательно.

Перед ним сидел спокойный и безмятежный, как майское солнечное утро, мужик, добродушно-нейтрально улыбаясь, демонстрируя полную готовность к открытому, честному сотрудничеству, как и положено законопослушному гражданину. И на офицера инженерных войск он был похож так же, как домашний Мурзик на дикую боевую рысь. Уж Крапко таких волчар матерых чуял безошибочно, приходилось сталкиваться, повидал – тьфу-тьфу-тьфу – три раза.

И вот что поразительно – ведь ничего особенного: мужик как мужик, самая обычная внешность, ну высокий, жилистый, под одеждой и не поймешь, есть ли вообще у него мускулатура. И двигается не как борец или единоборщик какой, и ни тебе прорисованных мышц и косой сажени в плечах, ни тебе взгляда, буравящего как рентген, ни надменной пренебрежительности, присущей людям богатым и обличенным властью, ни плохо скрываемого скепсиса, обычного для крутых вояк по отношению к простым службистам вроде Матвея, – ничего такого и близко.

Простой такой чувак, сидит вон себе расслабленно, улыбается открыто... а у Крапко за те десять минут, пока он заполнял протокол, от напряжения и какого-то животного интуитивного страха, сводившего живот, вся спина и подмышки мокрые. А он, между прочим, не щегол зеленый, послужил, и под пули бандитские приходилось попадать, а вот трясется что-то там внутри мелко так, испужно.

Посмотрев в окно, чтобы взгляд хоть ненадолго отдохнул от вида этого безмятежного мужика, улыбавшегося одним уголком губ с легкой иронией, Матвей Крапко поносил себя последними словами.

Вот какого хрена он не поменялся с Капустиным дежурствами, а? Теща-злыдня весь мозг проклевала, что им с тестем нужна помощь на даче, что-то там прибить-приколотить, подкопать и починить, шпыняя зятя за его работу бестолковую, с которой он и денег толком не приносит, и дома его нет постоянно, да и помощи от него не дождешься.

А он, вот ведь дурак, еще радовался, что сегодня дежурит и может спокойно забить на все тещины выступления. Ох дура-а-ак, и чего не

поменялся с Капустиным...

Крапко протяжно вздохнул, перевел взгляд с буйной зелени за чисто вымытым окном на мужика и, преодолевая себя, попытался было задать вопросы, которые подготовил для этого «подполковника», но Северов его остановил в самом начале «наступления», предложив со спокойной уверенностью человека, знающего, что все будет именно таким образом, как он решил и сказал.

– Давай, майор, так сделаем, – улыбнулся дружелюбно-сочувствующе мужик. – Чтобы ты не возбуждался и лишними версиями голову себе не забивал, я сообщаю тебе сразу под протокол: убитого я не знаю, видел первый раз в жизни уже мертвым и совершенно определенно не стрелял в него. А чтобы не усложнять наше общение и твою работу, ваш эксперт возьмет у меня смывы на продукты порохового горения с рук, одежды и волос. Это освободит тебя от непродуктивного рвения. Кстати, девочка тоже не стреляла в потерпевшего.

Матвей посмотрел на мужика с тоской, попытался изобразить изучающий следовательский взгляд, не возымевший на того ровно никакого действия, и, дав прочитать и подписать протокол, пробурчав про «не отлучаться из поселка», отпустил.

А какие варианты? Мать его эти, волчару такого!

Зато, что отрадно, после общения с инженерным подполковником он с большим эстетическим удовольствием, компенсируя все пережитые унижения, отрывался на этой свидетельнице, реанимируя пошорканную гордость следователя, повторяя в разных вариациях одни и те же вопросы, практически уже прямым текстом обвиняя ее в убийстве.

– Значит, вы утверждаете... – продолжил Крапко.

Но был прерван ворвавшимся в кабинет Аристархом Марковичем, круглое лицо которого, обычно добродушное и какое-то пушистое, приобрело ярко-бурый, свекольный цвет, глаза возбужденно поблескивали возмущенным огнем, а приземистое, бочкообразное тело, двигаясь с поразительной скоростью, просеменило к столу. Он натужно-мило улыбнулся Анне, попросив девушку:

– Анечка, вы не выйдете на минутку, мне надо кое-что срочно сообщить товарищу майору.

Выйдет, конечно, и лучше насовсем и с большим удовольствием, подумала ворчливо-устало Анна, пожав плечами.

Минут через пять Аристарх Маркович вышел из своего кабинета уже с нормальным цветом своего пышного лица и удовлетворенной улыбкой и галантно придержал дверь перед Анной.

– Проходите, Анечка.

Она и прошла, тяжело вздохнув от безнадежности, с кислой тоской ожидая продолжения бессмысленного допроса. Или что у них тут со следователем происходит? Опрос свидетеля или предъявление обвинения?

И неожиданно обнаружила странную метаморфозу, произошедшую в облике полицейского майора: теперь его лицо сделалось пунцового цвета, как у прервавшего их беседу Аристарха Марковича, при этом, низко опустив голову, он с особо тщательным вниманием вычитывал что-то в бумагах, лежавших перед ним. Но когда Анна подошла к столу, то даже сесть не успела, как следователь, не поднимая на нее глаз, протянул девушке протокол и проворчал слегка севшим голосом:

– Напишите: «с моих слов записано верно» и поставьте подпись.

А Анну вдруг так заело это откровенное хамство. Понятно же, и гадать не приходится о природе столь резкой метаморфозы в поведении этого Крапко – без тетушки Александры, видимо позвонившей и накрутившей председателя, явно не обошлось, хоть Аня и просила ее не вмешиваться. Но этот... следователь мурыжил ее больше часа, а теперь он, видишь ли, притух, испугавшись, и торопится от нее отделаться, даже не извинившись. Сунул бумажки в руки – и все, пошла, мол, свободна.

Да сейчас!

Анна села на стул, взяла в руки бланки протокола и принялась старательно читать написанное.

Может, ей послышалось, но, кажется, майор Крапко издал какой-то придушенный горловой звук и проскрипел зубами. Протокол она прочла, указала на несколько грамматических ошибок, допущенных в тексте, и подписала.

– Не покидайте поселок в ближайшее время, – торопливой скороговоркой пробурчал следователь.

– Какое именно время? – уточнила Анна.

– До выяснения всех обстоятельств, – туманно ответил тот.

– А если вы их до зимы выяснять будете? – поинтересовалась ровным тоном Анна. – Или вообще никогда не выясните?

Майор промолчал, поскрипев зубами и погоняв желваки на скулах, но посмотреть на девицу так и не рискнул, отделался красноречивым сопением.

– Понятно, – кивнула Анна.

И покинула кабинет, не удостоив прощанием майора Матвея Крапко, очередной раз прочувствованно выматерившегося, как только за девицей закрылась дверь.

Но для Анны бесконечный день на этом не закончился.

Неизвестно каким образом Бибиси удалось разузнать о найденном в лесу трупе и выяснить кое-какие подробности этого происшествия, способности добывать информацию у этой тетки были феноменальные, и уже к вечеру весь поселок, оповещенный Степанидой, обсуждал небывалое событие.

Бибиси рвалась посетить Александру Юрьевну, чтобы вытянуть детали и подробности лично у Анны, но Лена стойко защищала «рубежи» и, двинув версию про «почивающую барыню, не велевшую пущать», шуганула настырную тетку.

Надолго ли – вопрос. Понятно же, что рано или поздно Степанида своего добьется и где-нибудь да обязательно подстережет Аню или найдет способ как-то просочиться в гости, чтобы получить «эксклюзивное интервью» свидетельницы. Но хотя бы на сегодня они отделались от общества этой «новостной ленты».

– Ну, что? – встретила племянницу вопросом тетушка.

– Представляешь, – плюхнувшись бессильно-устало в уютное английское кресло, поделилась возмущением Аня. – Этот следователь, майор Крапко, задавал мне одни и те же вопросы в разных вариациях раз сто, наверное. Я ему рассказываю, объясняю, как все происходило, а он уперся: «Вы договаривались о свидании с гражданином Северовым».

– А вы договаривались? – перебила возмущенную речь племянницы Александра Юрьевна, приподняв вопросительно-иронично одну соболиную бровку.

– Тетушка! – попеняла ей Аня.

– Ладно-ладно, – поспешила успокоить ее тетка Александра. – Я тебе верю абсолютно, – и продолжила выяснять: – Что он еще тебе предъявлял?

– Да практически прямым текстом обвинил меня и Антона Валерьевича в убийстве этого мужика! – пожаловалась еще более форсированно-возмущенно Аня.

– Пустое, – отмахнулась величественным жестом красивой холеной руки, блеснувшей бриллиантом на замысловатом перстне, Александра Юрьевна. – Не бери в голову.

– Да как не бери! – разволновалась Анна. – Он же вполне реально может упереться в эту версию и вести следствие в этом направлении, определив нас на место убийц.

– Да не будет никакого следствия, – посмотрев снисходительно на племянницу, со спокойной, величественной уверенностью остудила ее негодование тетюшка.

– Как не будет? Почему не будет? – обескураженно уставилась на нее Аня.

– Да так и не будет, – уверила тетюшка и принялась разьяснять: – Майора этого послали на этот выезд, выбрав из всех остальных, потому что его не жалко и спокойно можно подставить «под катки», назначив крайним. Видимо, гражданин Крапко не на самом хорошем счету у начальства и, судя по тому, как он начал с ходу предъявлять чуть ли не обвинение и гнобить тебя, еще и откровенно туповат. Думаю, он и сам понимает, что его используют лишь для того, чтобы отработал с экспертами на месте преступления, завел и оформил дело. А завтра утром придут следователи областного Следственного комитета и прокуратуры и заберут дело у района. И с вероятностью практически в сто процентов в результате следственных действий установят, что убил кто-то посторонний, не имеющий никакого отношения к «Озерному». Места у нас шикарные, но не заповедник, увы, и люди, предпочитающие отдых с палатками и рюкзаками, частенько заходят в окрестности. Их, конечно, охранники и егеря гоняют, но за всеми не уследишь. Напишут заключение, что какая-то компания что-то там между собой не поделила, и в результате межличностного конфликта потерпевший был застрелен, а преступники тихо скрылись на просторах Предладожья и далее по

любому маршруту в неизвестном направлении. Камер в лесу нет, и хрен кто их найдет.

– Но как же так, тетя Саш? – расстроилась отчего-то Аня. – Ведь совершенно очевидно, что его застрелил кто-то из местных. Кто-то, кто знает местность, знает про эту яму и спрятал его там.

– Вполне возможно, – согласилась с ней тетушка. – Только никто не станет отрабатывать эту версию.

– Да почему? – негодовала Аня.

– Нет, ну Анюта, – попеняла тетушка. – Я понимаю: у тебя выдался ужасный день, стресс и еще этот следователь тебя замучил и допек, но нельзя же совсем отключать разум! – И пояснила с ироничной усмешкой: – Если предположить, что сделал это кто-то из «Озерного», то по правилам следует опросить всех жителей поселка, чтобы сузить круг подозреваемых. Как ты себе представляешь следователя Крапко, задающего вопрос заместителю губернатора, где тот был и что делал ночью с такого-то по такой час и кто может это подтвердить? Или интересуется у начальника департамента, знал ли тот убитого? Или, сидя в итальянском кресле ампир, обитом парчой с золотым тиснением, заполняющего на ломберном столике восемнадцатого века протокол опроса Олимпиады Власовны?

– М-м-да, – согласилась расстроено Аня.

– Да он еще толком не приступил к делу, а уже накосячил не по-детски: наехал на тебя неосмотрительно, видимо, посчитав, что ты тут фигура совсем незначительная и просто гостишь у родственницы. Гордыню свою ущемленную тешил. За что и получит, дурилка недаленовидная.

– Да ладно, тетушка, – примирительно протянула Анна, отмахнувшись. – Что на него обижаться, человек служивый, делает свою работу как умеет. А что перегнул с моим допросом, так его можно понять: расстроен майор, он же наверняка все понимает про свои возможности, про «Озерное» и его обитателей.

– Охо-хо, – тягостно вздохнула Александра Юрьевна, покачав безнадежно головой, – права была бабушка Муся: блаженная ты у нас, Анюта, не от мира сего, пропадешь по светлости своей, – и, поразглядывая племянницу сердобольным, жалеющим взглядом, повторила вздох тяжелый: – Охо-хо.

– Не все так плохо, тетушка, – рассмеялась звонко Аня, – мне вполне удастся очень даже хорошо жить. Работа у меня замечательная, прекрасная просто, и люди меня окружают уникальные, и Ромка у меня золотой.

– Золотой, – согласилась Александра Юрьевна, – только тем и жива, что работа у тебя особенная, исключительная, коллеги-соратники – люди выдающиеся и ребенок замечательный.

– И ты, – напомнила оптимистично Анна.

– И я, – согласилась тетка с ее утверждением. – Ладно, – вернулась она к предмету их беседы, – о тебе мы еще поговорим. А что касается убийства, то, как ни странно, но я склоняюсь к версии о залетных отдыхающих, – поделилась тетушка своим выводом.

– Почему?

– По большей части, – пустилась в подробное объяснение Александра Юрьевна, – в «Озерном» владеют домами-участками люди, имеющие в своем багаже такие непростые тайны, которые могут каждого из них пусть и не до тюрьмы довести, хотя и такое вполне реально, но сильно попортить репутацию и карьеру. Ну не бывает управленцев высшего звена в белых перчатках, с кристально чистой совестью, свободной от грехов, иначе они не управленцы. Сама система часто вынуждает к некоторым, скажем так, свободным трактовкам своих властных возможностей. И эти люди умеют великолепно просчитывать последствия и очень добротны и грамотно охранять свои тайны, пользуясь ресурсами и услугами специальных людей для решения некоторых щепетильных вопросов. Причем я имею в виду далеко не убийство, а гораздо более безобидные вещи на уровне документов и левых дел. Никто бы из них не стал так откровенно подставляться и гадить у собственного порога. Понятно, что те жители поселка, кто занимает высокие посты, обязательно сделают громкие публичные заявления и пообещают держать расследование на контроле, благополучно направляя его на версию о залетных ухарях, стрелявших в нашем лесу, а то и вовсе сведут на нет, тихо отправив в нераскрытые, так называемые висяки. На всякий случай, чтобы не получилось как в том анекдоте: «Проведя тщательное и беспристрастное расследование, вышли на самих себя».

– Но разве никто не захочет разобраться и узнать, кто, как ты говоришь, «нагадил» прямо возле их дома? – не согласилась с

тетушкиным прогнозом Анна.

– Зачем? – пожалала пренебрежительно плечами Александра Юрьевна. – Знать чужие тайны – дело, конечно, прибыльное, но не всегда безопасное. А такие тайны лучше не трогать вообще, чтобы не огрести, как нынче принято говорить. Конечно, есть большая вероятность того, что это убийство совершил кто-то из прислуги. Практически у каждого в поселке имеется обслуживающий персонал. И хотя хозяев, как правило, не интересует, как говорят в Англии, *from belows stairs*, «мир под лестницей», то есть жизнь слуг, но даже в этом случае причастие к скандалу, пусть даже косвенно, одним упоминанием, что человек, работающий на тебя, оказался убийцей, никому не нужно. Так что никакого особого расследования не будет. И все же я склоняюсь к версии, что тут кто-то чужой, не наш отметился, – задумчиво протянула тетушка Александра. И резко выдохнула, переключая тему: – Ладно, на сегодня нам более чем достаточно разговоров об убийстве. – И распорядилась: – Давайте, девочки, накрывайте стол, пора уж. – И улыбнулась многозначительно, посмотрев на Анну, мягким, душевным тоном огласив придуманную ею программу: – Посиди-и-им неторопливо, поу-у-ужинаем, и ты нам с Леной расскажешь, как тебе понравился и какое впечатление на тебя произвел этот загадочный Антон Валерьевич.

– У-у-у-ммм, – простонала бессильно Аня, показательно-театрально уронив голову на колени.

На следующее утро Анна не поехала на дальнее озеро. Да и на ближнее тоже, вообще никуда не поехала. Ну, во-первых, после вчерашнего происшествия было как-то боязно и неприятно оказаться снова в лесу. Вот если бы они пошли с Антоном Валерьевичем на озеро, тогда другое дело, с ним ей совершенно не страшно, а одной стремновато как-то. Во-вторых, тетушка практически в категорической форме потребовала у племянницы отказаться от велосипедных прогулок, хотя бы на ближайшее время. В-третьих, измученная вчерашним бесконечно тянущимся, ужасным, полным стрессов и переживаний днем, Аня проспала мертвым сном без сновидений практически до десяти утра.

И, видимо, чтобы совсем и окончательно уничтожить любые робкие порывы Анны поразмышлять и посомневаться на тему прогулок по лесу, с самого утра зарядил грустный туманный летний

дождь-моросильник, от которого промокает все вокруг, напоминая о быстротечности обманчивого северного лета.

Так что идти вообще никуда не хотелось, и Анна, к откровенной радости Александры Юрьевны и Лены, затеяла печь пирожки.

Бабушка Муся, вернее, прабабушка, но не суть, научила Анну основам пекарского дела, когда та была еще девочкой, и с годами передала внучке все свои тайные рецепты и секретные приемы выпекания, так что Анна достигла настоящего мастерства и искусства в этом деле уже к семнадцати годам и очень его любила и совершенствовалась постоянно.

Настолько любила, что пекарство стало ее третьим творческим талантом после живописи и вышивания. Вся родня, друзья и близкие обожали ее выпечку, откровенно балдея от удовольствия, каждый раз поражаясь вкусоте ее изделий, посылая далеко и надолго утверждения о вреде мучного и печеного, а получаемое от ее пирогов и пирожков наслаждение стоило каждой их калории.

Выпечка, которую она готовила, не имела себе равных, давно уже превзойдя даже шедевры ее наставницы. Как давным-давно объяснила ей Мусечка, для того чтобы тесто подходило, дышало и выпекалось самым волшебным образом, нужны руки. В прямом смысле – сие волшебство зависит от рук, работающих с тестом, от особой энергии и от энергии, излучаемой самим человеком. По всей видимости, Анюта обладала этим редким типом энергии и чем-то там особым в ее руках.

Увы, но печь Анне удавалось редко в силу ее невероятной занятости, разве только что-то быстрое, легкое, не требующее много времени, для Ромчика. Когда Анна увлекалась любимым делом, полностью отдавалась и погружалась в него с головой, то частенько напевала-мычала тихонько какую-нибудь мелодию, сама не зная какую, растворяясь, погружаясь в творчество настолько, что забывала обо всем, словно проваливалась в какое-то иное измерение и пространство. А со своим тестом она всегда разговаривала, нашептывая ему что-то доброе, нахваливая да приговаривая древние «говорилки».

Вот и в этот раз настолько увлеклась и погрузилась в процесс, что и не заметила, как напекла несколько противней пирожков разной формы с разной начинкой. А когда закончила, достала-разложила и обвела взглядом большие плетенки, устеленные хлопковой тканью,

наполненные с горой пирожками, то как-то обалдела от собственного столь продуктивного производственного энтузиазма.

Зато Александра Юрьевна с Леной пребывали от такого погружения Анюты в творчество в полном восторге. И тут же накрыли стол на веранде, где под легкий шумок не столько идущего, сколько висящего туманной дымкой в воздухе дождика, они втроем с благодным удовольствием и наслаждением в неторопливости дачных посиделок распивали чай, обедаясь вкуснейшими пирожками.

– Меня сегодня конкретно достали звонками с самого утра, расспрашивая про вашего найденыша, – пожаловалась тетушка Александра. – Даже Олимпиада Власовна снизошла, позвонила и как бы между делом заметила, что хотела бы услышать подробности из первых уст. То бишь из твоих, Анюта.

– Ну, давай я, что ли, к ней схожу, – предложила без особого рвения Анна, от сытости, пробудившей леность, сидевшая над чашкой с недопитым чаем, расслабившись, словно растекаясь, меланхолично подпирая рукой щеку. – Заодно вон пирожками угощу, а то напекла на взвод.

– Я тебя, разумеется, не заставляю и даже не прошу, но было бы неплохо, – заметила тетушка.

– Тебе для налаживания контактов надо? – уточнила Аня.

– Ну, в принципе, они у меня и так основательно налажены, но следует не забывать регулярно их укреплять и окучивать. А эта старая змея крепко держит своего Костика в руках и ведет дела семьи, влияя даже на его рабочие решения, – делилась размышлениями тетушка.

– Умх, – вздохнула сыто-лениво Аня и посетовала: – Жаль, что Ромки нет, вот бы кто сейчас лопал и стонал от счастья. Я так по нему соскучилась, прямо ужас как.

– Ничего, послезавтра увидите, – напомнила Александра Юрьевна.

– Ум-м-м, – снова вздохнула Аня и решила: – Ладно, схожу. Угощу старушку и побеседую. Ради тебя, тетушка, я и не на такие подвиги способна.

– Мерси, – улыбнулась ей ласково Александра Юрьевна.

Дождь все дрожал в пространстве, как коллоидная смесь, заметно охладив температуру окружающей среды, размачивая все вокруг какой-то особой въедливой сыростью, в которой расплывались, тонули

очертания домов и приглушались звуки. На улицах никого не было: ни встречных, ни поперечных – никаких, даже заблудших. Оно и понятно: жители сидели по домам, не высовывая носа за двери в такую-то погоду.

В этом замершем, остановившемся времени, в промокшей тишине Анне казалось совершенно инородным звуком шуршание ее дождевика и слишком громкими ее шаги, шлепавшие по лужам резиновыми сапогами. А зонтик, который она держала над специальной пекарской корзиночкой с пирожками, прикрытой полиэтиленовым пакетом поверх льняного полотенца, висевшей на сгибе ее руки, что она прижимала к себе, выполнял функцию какого-то нелепого девайса, имевшего непонятное предназначение, ну уж точно не защиты от дождя.

Идти из самого конца, где располагался их участок, к началу улицы, сворачивать, проходить по перпендикулярной улице мимо еще одной линии и идти до середины третьей улицы к нужному дому Анне было лень и совершенно не хотелось. Поэтому она пошла по тем сократам, которые хорошо знала, – узкий, чуть больше метра проход между заборами двух участков, который выводил с их линии на параллельную улицу, а на той надо было пройти три дома вверх и нырнуть в следующий проход между заборами, выходящий к задней стене магазина, стоявшего на центральной улице, и выйти, можно сказать, на главную площадь «Озерного».

Хорошо, что Анна была в сапогах: затея с сократами оказалась не самым идеальным решением, потому как первый проулок превратился в одну сплошную длинную лужу. Во втором дела обстояли чуть получше, вернее, посуше: лужи имелись, как же без них, но не сплошным венецианским каналом, а перемежавшимися озерцами.

Анна шагнула в сумеречную затемненность проулка и, внимательно глядя под ноги, чтобы не ступить в глубину какой-нибудь непредсказуемой лужи и не набрать воды за голенища, уже добралась до середины прохода, когда услышала чей-то властно-недовольный раздраженный голос. Говоривший явно старался сдерживать и приглушать рвущееся из него возмущение, с трудом справляясь с этой задачей, настолько его переполняли эмоции.

– Его нашли! – отчитывал кого-то человек раздраженно. – Я предупреждала, что его нельзя там оставлять, говорила, что его

обязательно найдут! Нет, вы засунули его в эту дыру, толком не спрятав! – переходила на громкий шепот теперь понятно, что женщина.

Анна замерла статуей, когда вдруг осмыслила, о чем именно говорила эта женщина. Та же помолчала, видимо, выслушав абонента, с которым, очевидно, разговаривала по телефону, и снова, не сумев управиться с негодованием, рвущимся из нее, резко выговорила собеседнику:

– Ты хоть представляешь, какие будут последствия? Мне не интересно слушать твои оправдания. Вы сделали непростительную глупость, оставив его там. Теперь придется заметить следы и срочно что-то предпринимать. Ладно, – выдохнула громко женщина, – я придумаю что-нибудь, чтобы исправить ваш идиотизм. Все, – отрезала она повелительно. – Сама позвоню, когда надо будет.

Аня стояла остолбеневшим извоянием, боясь пошевелиться и выдать свое присутствие неловким движением, от которого непременно зашуршит дождевик, чувствуя, как мурашки бегают по спине, и пыталась судорожно соображать.

Это что сейчас было?... Человек говорил о найденном трупе? Ну конечно, о трупе, поняла она, о чем же еще можно говорить, что его нашли, «сунув в дыру, толком не спрятав», и об ужасных последствиях, которые надо заметить?

Или заметить надо следы, а не последствия?

«А кстати, где эта женщина?» – вдруг сообразила Анна, посмотрела по сторонам, как будто что-то можно было рассмотреть за высокими сплошными заборами, стоявшими стенами с двух сторон. Этот проулок был необычным, в нем сходились задние заборы трех участков: двух по четной стороне, как бы углами, и одного по нечетной.

Но это совершенно не значило, что говорившая находилась на одном из этих участков, прогуливаясь под дождем, она с такой же вероятностью могла оказаться и впереди, зайдя за магазин, прячась от посторонних глаз. С того места, где замерла Аня, застигнутая властным голосом женщины, задняя стенка магазина не просматривалась, находясь как бы за углом, зато очень хорошо было слышно все, что там происходило.

В этом Анна имела возможность как-то убедиться. Вот так однажды она была вынуждена пережить горячий разговор двух людей, укрывшихся от любопытных глаз за магазином, договаривавшихся о свидании в перерывах между жаркими поцелуями. Она тогда, помнится, переживала, что они нацелуются вдоволь, договорятся, пойдут вперед по проулку и обнаружат ее и всем станет ужасно конфузно. Не пошли, слава богу.

А чей это был голос? Женский точно. Какой-то очень знакомый...

– Вы тут прячетесь или задумались? – спросил кто-то прямо над ухом Анны.

– А-а-а-а! – заорала она, подскочив на месте, дернувшись всем телом от страха и обнаружив, что это всего лишь Антон Валерьевич, накинулась на него, выговаривая: – Вы что творите! – от переизбытка эмоций и облегчения вдруг принявшись колотить его мокрой ладошкой по предплечью. – Вы испугали меня до смерти!

– Я не хотел, Анечка, извините, – с искренним раскаянием извинился мужчина, – не ожидал, что вы так испугаетесь.

– Вы совершенно неслышно подошли, – смутилась столь неконтролируемой вспышке своего негодования с непозволительными элементами рукоприкладства Анюта.

– Да нет, я шлепал по лужам, подходя к вам, – пожал он недоуменно плечами и предположил: – Вы, наверное, задумались?

– Да, я задумалась, – пробурчала она, стушевавшись окончательно.

– Что несете? – переключил внимание девушки Северов, указав подбородком на корзину, висящую на сгибе ее руки.

– Пирожки, – рассеянно ответила Анюта.

– Пиррожки-и-и... – заинтригованно протянул Антон Валерьевич.

И тут же сунулся к корзине, приподнял пакет и шумно втянул в себя воздух, принюхиваясь.

– Ум-м-м-м... – показательно прикрыл глаза, демонстрируя, какое восхищение произвел на него аромат.

И с какой-то молниеносной быстротой, так, что Анюта и моргнуть пару раз не успела, приподнял полотенчико, выхватил из корзины пирожок и снова старательно прикрыл полотенцем и пакетом содержимое корзинки, распрямился, изобразив старательно невинное выражение лица.

– С чем пирожки? – спросил мужчина, с необычайным удовольствием и радостным предвкушением рассматривая пирожок в руке, понюхал его, едва не замурчав.

– Этот с яйцом, зеленым луком, соленым огурчиком, взбитым сливочным маслом и укропом, – улыбнулась Аня.

А он вдруг посмотрел на нее каким-то непонятным, задумчивым взглядом, растянувшись на пару мгновений, и откусил чуть не с половину пирожка. И прикрыл глаза... Жевал, мычал и покачивал головой, выражая полный восторг и абсолютную благодать.

– Вкусно? – спросила заинтересованно Аня.

– Волшебно, – произнес он в восхищении, проглотил и откусил еще кусочек. – Ум-м-м, потрясающе. Просто сказка.

Он жевал, а она стояла и смотрела во все глаза, как мужчина поедает пирожок, излучая полное эстетическое наслаждение самим процессом дегустации.

– Вы пекли? – спросил Северов, покончив с лакомством.

– Я, – кивнула, разулыбавшись, Аня.

– Я на вас женюсь, – самым серьезным тоном пригрозил мужчина.

– За пирожки, что ли? – уточнила Анна.

– И за них в числе прочего, – кивнул он и поинтересовался: – И куда вы эту красоту несете?

– Олимпиаде Власовне для поддержания тетушкиных связей на должном высоком уровне, – принялась объяснять Анна. – Вы знаете Олимпиаду Власовну? – спросила она и, получив отрицательный ответ, принялась объяснять: – Она в свое время занимала очень высокий правительственный пост, а ее сын сейчас начальник департамента предпринимательства и инновационного развития. Тетушка Александра утверждает, что Олимпиада Власовна хоть и старая змея, давно пережившая свой яд, но не потерявшая железной хватки ни на йоту, которой и держит сына и все его семейство в своих руках и имеет на Константина Игоревича большое влияние. У них там все очень непросто, у чиновников. Связи-расчеты, интриги, свои дела непонятные. А я вот поддерживаю на должном уровне, – качнула она корзиной. И вздохнула: – Как-то так.

– Понятно, – кивнул Северов и поинтересовался: – А что вы в переулке застряли?

– Ой! – вскинулась, чуть не подскочив, Анна, вспомнив о подслушанном разговоре. – Антон Валерьевич! Тут такое дело... – И, посмотрев по сторонам, но не обнаружив ни одного свидетеля, придвинулась поближе к Северову и перешла на заговорщицкий жаркий шепот: – Я шла и вдруг услышала, как женщина разговаривает по телефону. Она сказала: «Они его нашли... Я говорила, что нельзя его там оставлять, что его найдут, а вы его там бросили. Засунули в эту дыру и толком не спрятали». Ругала того, кто сделал такую глупость. И еще сказала, что теперь придется «заметать следы», – и посмотрела вопросительно-выжидательно на Северова. Но, не дождавшись никакой реакции, пояснила: – Вы понимаете, что эта женщина говорила о трупе, который мы с вами нашли?

– Или обсуждала с подружкой сериал, – не впечатлился мужчина.

– Да нет, что вы. Она так отчитывала человека по телефону, очень строго. Говорила, что это было идиотизмом и теперь придется придумывать, как ликвидировать последствия и заметать эти самые следы. Это точно было не о сериале.

– Анята, это мог быть разговор о чем угодно, – пояснил Антон. – О коте Борисе, нагадившем у соседки, которой того оставили на передержку, о краже батончика в магазине. Вариантов множество.

– Послушайте, – очень серьезно произнесла Анна. – Это совершенно определенно был разговор не о коте, батончике и сериале, а о преступлении. Вы не слышали, каким тоном она разговаривала, а я слышала, – и поделилась: – Тетушка сказала, что никто ничего расследовать не станет и все спишут на каких-то чужих людей.

– Александра Юрьевна – мудрая, проницательная и очень дальновидная женщина, – согласился с выводами тетушки Александры Северов.

– А вам самому не хочется разобраться и найти убийцу? – поинтересовалась Анна.

– Нет, – однозначно отрезал Антон. – И вам не советую увлекаться этим детективом.

– Но полицейские подозревают нас с вами, – убеждала его Анна, приводя следующий аргумент.

– На то они и полиция, чтобы подозревать, – пожал он равнодушно плечами.

– И вас несколько не тревожит, что преступник на свободе?

– Нет, – уверил он ее. – Сейчас меня тревожит только то, что вы собираетесь отнести эти волшебные пирожки какой-то старой даме в целях укрепления деловых связей, а мне, увы, не удастся насладиться их великолепием и попробовать те, что с другими начинками.

Анюта посмотрела на него долгим задумчивым взглядом и предложила:

– А вы пригласите меня на чай.

Теперь пришла очередь Северова какое-то затянувшееся мгновение изучающе рассматривать выражение ее лица. Посмотрел-посмотрел странным, нечитаемым взглядом и произнес, придав тону особой торжественности:

– Анна Александровна, могу ли я быть удостоен чести пригласить вас на чай?

– Я принимаю ваше приглашение, Антон Валерьевич, – исполнив чинный, плавный поклон головой, ответила Анна. И тут же испортила всю разыгрываемую церемониальность, поделившись радостным предчувствием: – Мне ужасно хочется посмотреть ваш дом вблизи и внутри. Он меня просто завораживает. У вас потрясающий дом, сказочный просто. И ваш участок, вы его так преобразили.

Северов, усмехнувшись ее почти детской непосредственной горячности, галантно предложил:

– Тогда разрешите? – протянул он руку к корзине.

– Да, с удовольствием, – отдала она ему свою ношу вместе с зонтиком. – Спасибо, тяжеловато оказалось таскать ее на сгибе локтя.

– Прошу, – забрав у нее корзину, повел рукой Антон приглашающим двигаться вперед жестом и спросил, когда девушка пошла назад по проулку: – Александра Юрьевна не сильно будет сетовать, что вы так и не добрались до Олимпиады Власовны?

– Ничуть. Единственное, надо поставить ее в известность об изменении моих планов, – уверила Аня и спросила, в свою очередь: – Но вы ведь тоже, Антон Валерьевич, шли куда-то по своим делам?

– Я просто гулял, заметил вас и решил поздороваться.

Не стал объяснять ей Северов, что «гулял» он вполне целенаправленно в сторону дома ее тетушки, решив нанести дамам визит под предлогом обсуждения вчерашнего происшествия, якобы узнать, как прошел опрос Анны следователем, представиться лично

Александре Юрьевне – в общем, наладить дружеские добрососедские отношения.

Вот так шел и вдруг увидел Анну, выходящую из калитки, не заметившую его, и последовал за девушкой, только разговора той тетки, о котором она так живо рассказывала, не слышал, чуть задержавшись, пропуская ехавшее по дороге VIP-такси, водитель которого, притормозив возле Антона, уточнил расположение интересующего его номера дома.

Когда они вошли на его участок, Анна закрутила головой, торопливо, но очень внимательно рассматривая дом, да и сам участок в пределах видимости, пока они шли по дорожке. Антон отметил, как изменилось выражение ее лица, да и сама она стала сосредоточенной, погруженной в свои мысли, цепким взглядом художника присматриваясь к деталям. И подивился: надо же, ей и на самом деле захватывающе интересно.

Но, оказавшись в теплом пространстве дома, Аня вдруг почувствовала, что успела даже не замерзнуть, а скорее отсыреть, что ли, и Северов, заметив, как девушка, сняв свой дождевик, непроизвольно ежится, поспешил провести ее в большую комнату, служившую кухней-столовой-гостиной, интересно разделенную на зоны разными дизайнерскими приемами; усадил в низкое уютное кресло возле камина, в котором тлели дрова багровым жаром, а сам занялся завариванием чая и накрытием стола.

Анюта, погрев руки у огня, достала смартфон и позвонила тетушке, коротко оповестив, что зашла в гости не совсем чтобы к Олимпиаде Власовне, вернее, совсем не к ней и даже в противоположном направлении.

– К кому? – спросила дотошная Александра Юрьевна.

– Я потом тебе все объясню, – стрельнув взглядом в сторону хлопотавшего в кухне хозяина, прикрыв ладошкой микрофон, горячим шепотом пообещала Анюта.

– Да ладно, – усмехнулась тетка, сразу же сообразив, почему это племянница секретничать взялась. – Угодила к Антону Валерьевичу в гости, да еще и с пирожками?

– Так получилось, – оправдалась, продолжая шептать в ладошку, Анна.

– Мне нравится, как получилось, – одобрила столь радикальную перемену планов тетка Александра и предупредила: – Только долго там не засиживайся, а то я тут изойду любопытством. Наладь прочный дружеский контакт и приглашай Антона Валерьевича к нам в гости.

– Налажу, – ворчнула Анна и прервала разговор, снова коротко стрельнув взглядом в сторону Северова, пытаюсь определить, слышал ли тот ее переговоры с родственницей.

Да бог его знает, слышал или нет – по внешнему невозмутимому виду этого мужчины ни фига не определишь. Как возился с накрыванием стола, так и продолжает накрывать-носить что-то из кухни в столовую.

– Скажите, Антон Валерьевич, – достаточно громко, чтобы тот мог отчетливо расслышать, спросила Анна, возвращаясь к занимавшей ее теме, – вам на самом деле не хочется разобраться с этим преступлением?

Он помолчал, ответив не сразу.

– Знаете, Анна, – позволил себе легкий вздох неодобрения Северов, – горячее неумное стремление во что бы то ни стало докопаться до истины частенько приводит туда, где искатель не захотел бы оказаться ни за что, даже под страхом смерти.

– Но для человека внутренняя потребность в торжестве справедливости является естественной, а для русского человека – так и вовсе основополагающей чертой национального характера, его сущности, – возразила с горячностью Анна. – Разве вам самому, Антон Валерьевич, не хотелось бы, чтобы она восторжествовала и вы могли бы жить спокойно дальше, зная, что вас никто не обвинит в убийстве?

– Все готово, прошу к столу, – пригласил хозяин вместо ответа.

Анюта прошла в зону столовой и заворожилась, рассматривая огромный стол из цельного продольного спила ствола какого-то исполинского дерева, в трещинах и разломах, залитого специальным смолянистым составом.

– Какая красота, – поделилась она впечатлением, все проводя пальчиками по гладкой лакированной поверхности столешницы, словно поглаживая ту, здороваясь.

На столе красовались выложенные с особым почтением красивыми рядами на плоской плетеной тарелке ее пирожки, фарфоровые вазочки с вареньями, колотыми орешками и

засахаренными фруктами. На небольшом круглом подносе уместился большой пузатый чайник из того же сервиза, что вазочки и чашки с блюдцами.

Дождавшись, когда гостя сядет, Северов занял свое хозяйское место во главе стола, разлил чай по чашкам, сразу же ухватил пирожок с плетенки, откусив чуть не половину и прикрыв глаза, не скрывая восхищения, мурча от удовольствия, вдумчиво пережевывал, запивая горячим душистым чайком.

– Вы мне не ответили, – напомнила Анюта.

Он разочарованно вздохнул, внимательно осмотрел, словно любуясь, остатки пирожка, запихнул его в рот, прожевал и на этот раз, не удержавшись от демонстрации восторга всем своим внешним видом, запил чаем и только после того, как поставил чашку на блюдце, ответил:

– Справедливость, Аня, и спокойствие – понятия весьма условные и дела скорее смерти, чем жизни.

– Это почему? – удивилась Анюта такому высказыванию. – По моему, в нашем случае это как раз очень даже конкретное понятие.

– Да? – посмотрел на нее мужчина, иронично усмехнувшись, чуть дернув уголком губ. – И в чем, по-вашему, должна выражаться эта справедливость?

– Как в чем? – переспросила Аня, все так же удивляясь вопросу, ответ на который столь очевиден, как ей казалось. – В том, что убийцу арестуют, осудят и отправят в тюрьму.

– А если убитый был последней мразью, подонком, садистом, мучившим, избивавшим и творящим насилие над детьми, и его убийство – не что иное, как месть какого-нибудь несчастного отца, ребенка которого тот замучил? Или человек, стрелявший в него, защищал свою жизнь или жизнь своих детей? – поинтересовался Северов, прихватив с плетенки пирожок с другой начинкой, откусил, пожевал, повторив мимикой и мычанием степень своего наслаждения, и спросил уже более благостно: – Тогда какой справедливости вы бы желали?

– Ну-у-у, – протянула неуверенно Анюта. – Я все равно хотела бы, чтобы в этом деле разобрались по той же справедливости. Но ведь мы не знаем, за что его убили.

– А когда узнаем, будет поздно: «закон суров, но он есть закон», – процитировал Антон. – И человека посадят, невзирая на мотивы, пусть даже оправдывающие его, потому что он убил. Тогда это будет торжеством справедливости?

– Да, – уверенно кивнула Аня. – Будет. Вот такой несправедливой справедливостью, но будет, – и добавила: – По крайней мере, в этом преступлении не обвинят и не станут подозревать другого человека, а то и вовсе накажут за его дела кого-то невинного. Имел смелость и волю отомстить, имей мужество и понести за это ответственность, а не прятаться за других людей. Я так считаю.

– Вы идеалистка, – мягко улыбнулся ее горячности Северов.

– Не совсем чтобы патологическая, но да, есть такой момент, – вздохнув, призналась Анна, но увести себя от волнующей ее темы не дала: – Тетушка Александра склоняется к мысли, что это были разборки-дела каких-то пришлых, чужих людей, может, туристов или рыбаков, которые часто приезжают на озера. Говорит, что жильцы поселка люди не того уровня, чтобы опускаться до банального убийства, тем более, считай, что у себя дома.

– Она во многом права, – согласился Северов и спокойно пояснил: – Но, скажем, я с тем же успехом могу отнести себя к числу чужих, хоть и являюсь жителем поселка.

– Это почему? – подивилась Аня.

– Хотя бы потому, что я не вхожу в число аппаратчиков, которые в «Озерном» составляют костяк владельцев, и к людям того уровня состоятельности, которые могли позволить себе покупку участка в этом поселке. Я даже не середнячок, по их меркам. У меня, как говорится, «труба пониже, дым пожиже». И могу назвать вам еще троих-четверых владельцев, которые так же недотягивают до высокой планки основного состава жителей, которых снисходительно терпят, но так, что называется, через губу. И их так же легко можно отнести к категории «не свои, да наши», рассматривая априори как возможных кандидатов в назначенные обвиняемые. Как там говорится в «Скотном дворе» Оруэлла? «Все животные равны, но есть животные равнее других».

– Вы говорите печальные вещи, Антон Валерьевич, – вздохнула бессильно Анна.

– Не расстраивайтесь, Анечка, – посочувствовал он ей, – таков порядок законов и правил, установленных человечеством и не меняющийся от начала времен. Человеческой природе присуще стремление объединяться в группировки по интересам, возможностям, разуму, запросам и способностям, что диктует ему инстинкт сохранения: с теми, кто тебя хорошо понимает, кто разделяет твои установки и ценности, проще и легче выживать и договариваться. И отстаивают, защищают свою клановость, власть и возможности любыми доступными способами. Есть только одно, что не поддается никакой классификации, кастовости и принадлежит всем, – искусство, красота, творчество.

– Тут вы ошибаетесь, – возразила ему Анна. – И в искусстве существует кастовость, да еще какая, до драк и побоев не раз доходило между великими мэтрами. Даже Микеланджело и Леонардо да Винчи строили козни друг другу, ведь большая часть великого мирового художественного наследия – это заказные, хорошо оплачиваемые работы. И борьба за клиента во все времена была серьезной и бескомпромиссной. Соревновательности нет только у настоящей великой красоты, у самого творческого процесса как такового, а люди с их страстями слабы, какими бы гениями они ни были.

– Расскажите мне о вашей вышивке, – попросил Антон. – Это увлечение или работа?

– Это моя увлекательнейшая работа, – рассмеялась Аня. – А что именно вы хотели бы узнать?

– Все, с самого начала. Почему и как вы этим занялись.

– Как занялась? – задумалась она на пару мгновений и, посмотрев на него, улыбнулась. – Если рассказывать с самого начала, то, наверное, с детства. Сколько я себя помню, я постоянно что-то рисовала, при этом разговаривая с тем, что изображала, проживая в воображении целые истории, передавая их в рисунке, погружаясь в это занятие с головой.

И отчего-то, не испытывая никакой неловкости или ложной стеснительности, она взялась рассказывать этому малознакомому мужчине свою историю, по мере погружения в воспоминания и объяснения сама увлекаясь своим повествованием все больше и больше.

Родители Анечки, одноклассники, учившиеся в серьезном техническом вузе, поженились на первом курсе института и родили дочь, когда им обоим только-только исполнилось по восемнадцать лет.

У Саши, отца Анюты, папа, мама, старшие брат и сестра жили в двухкомнатной квартирке в спальном районе Ленинграда. А мама Анечки Виктория проживала с родителями на набережной реки Мойки, в престижном центре, в двух больших комнатах коммунальной квартиры в старинном особняке.

Выбор, где и с кем проживать молодоженам, был очевиден, и в коммуналке на набережной Мойки теперь поселилось две семьи. Вроде бы и замечательно, только возникала одна насущная проблема: кто будет сидеть с младенцем? Родители учились, Виктория даже академку не стала брать. Анюта родилась весной, и Вика, готовясь к родам, экстерном сдала все зачеты и экзамены, а осенью с помощью мужа и преподавателей продолжала учиться дома, приходя в институт лишь на лабораторные работы и сдачу зачетов и экзаменов. Ничего, продержалась очень даже неплохо, не съехала на тройки и незачеты, справлялась, а в феврале уже приступила к полноценной учебе, начав посещать все лекции и занятия как положено.

Это к тому, что родители заниматься новорожденной дочкой не могли, бабушке Милане, маминой маме, было сорок три года, когда родилась внучка, а деду Юрию – сорок пять, и они очень много работали. Про родителей молодого мужа Александра и упоминать не стоит – там тоже все работали, да и жили далеко от новой родни и в гости-то друг к другу ездили крайне редко, что уж говорить о какой-то помощи с младенцем.

И как-то так само собой получилось, практически по умолчанию, что всю основную заботу о девочке взяли на себя ее прабабушка Марьяна Фроловна (которую родня и друзья звали не иначе как Мусей) и прадедушка Анисим Прохорович, родители бабушки Анечки Миланы.

Прабабушке в ту пору исполнилось шестьдесят четыре годка, но была она крепка здоровьем, энергична и полна сил, взвалив на себя заботу не только о правнучке, но и о дочери с мужем и младших студентах.

Жили бабушка Муся с прадедом в исторической части города, но с другой стороны Невы, на Васильевском острове, недалеко от

Университетской набережной, в отдельной квартире.

Дед Анисим, пройдя всю Отечественную войну, хоть и был не единожды ранен, свое самое тяжелое ранение получил уже в Германии, оставшись без правой ноги, ампутированной до колена, вернулся к семье в Ленинград инвалидом.

Но живости натуры, бодрости духа, жизнестойкости, потрясающего юмора и иронии нисколько не утратил. И, выйдя из госпиталя, сразу же вернулся на родной завод, из стен которого ушел добровольцем на фронт в июле сорок первого года. И проработал в нем долгие годы, продолжая трудиться и после выхода на пенсию в качестве наставника, передавая опыт молодежи.

Анисим Прохорович пришел на завод четырнадцатилетним пацаненком и, работая, заочно окончил сначала ремесленное училище, потом техникум, а потом и институт, такая у него была тяга к саморазвитию и познанию. И, начав с подмастерья, дошел до первого зама директора завода, сделав огромное количество рационализаторских новаций, по большей части воплощенных в производство, и за свой труд не однажды был награжден и премирован и представлен к самой высокой награде – Звезде Героя Соцтруда.

А эта награда, чтобы вы знали, давала, помимо прочего, и достаточно большие привилегии, одной из которых явилось улучшение жилищных условий, выразившихся получением отдельной прекрасной квартиры, не однокомнатной, а как бы полуторакомнатной, и не где-нибудь, а недалеко от Университетской набережной.

Старинной планировки, с какой-то огромной основной комнатой, дверью на черную лестницу, здоровенной кухней, просторной ванной с окном и неким непонятым восьмиметровым закутком с узеньким оконцем. По тем-то временам – историческая часть города, отдельная благоустроенная квартира, это было очень круто. Да и по нынешним зашибись такую квартиру-то получить.

Но деятельный Анисим Прохорович на этом не остановился и, сделав обмена-переобмены с родней жены Марьяны Фроловны, сумел организовать еще и две отдельные комнаты в коммуналке для дочери, в которых она и поселилась с мужем, человеком приезжим, не ленинградцем, а потому жильем никак не обеспеченным.

Как только правнучку Анечку принесли из роддома, на следующее же утро прабабушка Муся пришла к детям на Мойку и принялась за

хозяйские дела, помогая молодой матери освоиться с младенцем и освобождая Викторину от забот, чтобы та могла спокойно учиться.

Бабушка Муся, помимо заботы о младенце, еще и готовила еду на три семейства: для внучки с мужем, для дочки с мужем и для себя с дедом Анисимом – и топталась-хлопотала, хозяйничала до глубокого вечера, пока дочь с мужем, бабушка и дед Анечки не возвращались с работы. Собирала судки с едой для деда Анисима и ехала на троллейбусе домой на Васильевский.

И так каждый день практически целый год, пока Виктория не вернулась на учебу. Тогда бабушка Муся решила, что пусть дочь с зятем и Виктория сами разбираются со своей жизнью и бытом, и просто забрала Анечку к себе, посчитав, что так всем будет удобней и, главное, ей больше не придется мотаться каждый день на Мойку к детям.

Всем и было удобно. Анечку сначала приносили, а потом и приводили, когда та пошла своими ножками, родителям-студентам и бабушке с дедом и оставляли на выходные, да и то не в каждые. Поскольку избалованная Мусей родня, освобожденная от необходимости подчинять свои жизни и быт интересам ребенка и заботе о нем, расслабилась, напомнив себе, что у них есть много увлекательных занятий помимо работы и учебы. Старшее поколение – бабушка-дедушка Анечки – вспомнило о театрах, музеях, кино, общении, встречах-посиделках с друзьями, туристических походах, поездках по стране в отпуск. А родители Анюты, помимо на самом деле очень серьезной, забирающей большую часть времени и сил учебы, не отказывались от пирушек в общежитии с друзьями и от тех же походов с рюкзаками и гитарами, и туризм и кино с театрами не обделили своим вниманием.

И получилось так, что Анечка росла не с родителями и даже не с дедом-бабушкой, а с прабабушкой и прадедом. Мнения же самой девочки насчет того, с кем и где она бы предпочла жить, никто не спрашивал.

Для большинства детей жизнь, лишенная постоянного тесного контакта с родителями и, главное, с мамой, имеет серьезные необратимые последствия для психики и восприятия жизни в целом. Ведь связь матери и ребенка – это самое важное как на физиологическом уровне, так и на духовном, энергетическом, что есть

у человека. Об этой порой мистической, необъяснимой связи матери и дитя написаны целые трактаты и защищено неисчислимо число научных диссертаций.

Наверняка и для Анечки отсутствие постоянного тактильного, душевного и ментального близкого контакта с мамой оказало бы на психику девочки и идентификацию ею своей личности негативное влияние, если бы не два фактора. Первый – все же она не была полностью лишена общения с мамой, Вика любила дочь и старалась проводить с ней время, занималась с Анечкой в выходные, да и на неделе, бывало, приезжала к бабушке Мусе. Понятно, что этого мало, но все же было.

А второй – сама Анечка, у этой девочки имелся свой огромный, яркий мир.

Мир ее воображения, ее фантазии, того, что она примечала вокруг себя, что интересовывало ее, на что обращала внимание – смешную птичку на веточке во время прогулки, спящего на солнышке толстого рыжего кота, детей, игравших в песочнице, смешную старенькую машину, еле телепавшую по дороге, катерок, весело гудевший на реке, – и так до бесконечности. Ее занимало все вокруг, становясь частью ее внутреннего мира.

Она погружалась в свои фантазии, транслируя, перенося их на бумагу, и этот мир был столь захватывающе ярким и интересным, что ей некогда было печалиться и думать о том, что она давно не видела мамочку и папочку. Ей вообще всего было достаточно, и даже с избытком в ее маленькой жизни – радости, яркости бытия, общения, любви.

У нее в жизни было с избытком тепла, ласки, любви во всех ее проявлениях, обнимашек и поцелуев, нежной заботы. Ее холили, лелеяли, понимали и вполне серьезно относились к ее дарованиям и фантазиям – и все это давали ей от всей щедрости души прадедушка и прабабушка. Между Анечкой, бабушкой Мусей и дедом Анисимом была удивительная близкая связь, поразительное чудо духовного родства и глубокое душевное совпадение.

Когда Ане исполнилось пять лет, ее родители развелись, и папа уехал работать по распределению аж в какую-то загадочную далекую Сибирь, а мама осталась в Ленинграде, стараниями бабушки и

бабушки и благодаря их связям получив распределение на работу в родном городе.

А в жизни маленькой Анечки ничего не поменялось, кроме того, что теперь она не встречалась с папой, зато он звонил и долго разговаривал с ней по телефону. И ей это ужасно нравилось, Анютка чувствовала себя взрослой, причастной к чему-то таинственному и непонятному, и, слушая голос отца в трубке, прорывавшийся через помехи, громко, звонко и весело кричала в ответ в тяжелую красную трубку, которую придерживал для нее дед Анисим.

Ни Виктория, ни бабушка Милана с дедом Юрием не предложили прабабушке Мусе отдохнуть от забот о маленьком ребенке и вернуть девочку домой, предоставив заботам мамы. Все словно забыли о том, где и с кем положено жить маленьким детям. Но старшие работали, мама Виктория теперь тоже работала и пыталась устроить-наладить свою личную жизнь.

А Анечку традиционно никто не спросил, с кем хочет жить она сама. Всем снова было удобно.

В пять лет Аня впервые увидела свою родную тетку, сестру мамы Виктории, Александру. Она ворвалась в дом бабушки Муси с дедом Анисимом волшебным вихрем – стройная, невероятно красивая, энергичная, какая-то нездешняя, из других, неведомых сказочных стран: копна шикарных волос, расплескавшихся по плечам крупными блестящими локонами, отливающими червлёным золотом, белозубая улыбка, загар, светло-зеленые, такие же, как у Анюты, глаза поблескивают весельем, узкая юбка, шелковая кофта, колышущаяся волнами при каждом движении, каблуки и потрясающий запах экзотических, каких-то чудесных духов.

Она распространяла вокруг себя такую мощную энергию жизни, тайну, загадку, манящие дали неведомых стран, женскую красоту и привлекательность, что буквально потрясла маленькую племянницу, смотревшую на нее с открытым ртом, расширившимися от удивления и восторга глазами.

– Ты королева? – спросила Александру Анечка, замороженно уставившись на необыкновенную родственницу.

В то время Анюту очень живо интересовали королевы с королями и принцы с принцессами, которых она рисовала бесконечно, наслушавшись сказок, что читал ей на ночь дед Анисим и

детсадовские воспитательницы, эдакий сказочный период «молодого художника».

– Возможно, – склонившись к ней, ответила загадочным голосом тетка Александра, не разочаровав ребенка.

– Я так и знала, – произнесла совершенно зачарованным шепотом Анютка, замороженно глядя на тетушку восторженными глазами. И предупредила, потребовав: – Я тебя сейчас нарисую, ты никуда не уходи.

– Не уйду, – пообещала «королева».

И, пока Александра находилась в гостях у бабушки с дедом и взрослые сидели за накрытым торжественно столом и разговаривали, Анечка все рисовала и рисовала портрет этой прекрасной королевы, разложив на другом конце стола свои художественные принадлежности и постоянно сверяясь с оригиналом. А закончив, торжественно вручила тетушке Александре ее портрет, Та внимательно рассмотрев подарок, посмотрела на племянницу серьезным задумчивым взглядом и просила показать ей другие рисунки, которые долго и вдумчиво изучала, после чего обратилась к бабушке Мусе:

– Бабуль, вы понимаете, что девочка обязательно должна учиться в художественной школе? Совершенно очевидно, что у ребенка талант.

– Да, понимаем, Сашенька, – согласилась с ней бабушка Муся. – И уже все решили: вот пойдет в школу, тогда и отдадим в художку.

– Обязательно, ба, – повторила настойчиво тетушка. – Что бы ни случилось, даже если денег не будет хватать, я стану платить, только проследи, чтобы она училась. А то мама с отцом и Вика своими делами заняты, завертятся в суете, денег не найдут или вообще рукой махнут, ты же Вику знаешь.

У Анечки начался новый этап жизни. Как и у Советского Союза, в котором они жили, – самый конец восьмидесятых, в стране перемены, и далеко не радостные. И на прадедушку Анисима, ставшего основным добытчиком для двух семей – дочери с зятем и внучкой Викторией и их с женой Мусей и правнучкой Анечкой, – легла тяжкая забота по обеспечению.

Как инвалиду войны и Герою Социалистического Труда, ему полагались особые преференции и привилегии: он имел хорошую, даже большую, честную пенсию, ежемесячный обязательный паек с дефицитными товарами и продуктами и возможность приобретать, без

стояния в многочасовых очередях, те же продукты и дефицитные товары по спецзаказу.

Мама Виктория снова вышла замуж, когда Анечке исполнилось семь лет и та пошла сразу в две школы: общеобразовательную, в которую 1 сентября ее вели прабабушка с прадедом, и художественную. В которую ее отвели они же. С отчимом ее познакомили, но виделась она с ним всего несколько раз, да и с мамой практически перестала встречаться, потому что она переехала жить в квартиру к новому мужу и у них оказалась какая-то очень сложная жизнь с непонятными тогда ребенку трудностями и проблемами.

Впрочем, прожила мама Вика с новым мужем недолго и уже через три года вернулась назад, в коммуналку на набережную Мойки, все так же забыв и даже не подумав предложить бабушке Мусе и деду Анисиму забрать к себе и к бабушке с дедом родную дочь.

Что думала по этому поводу сама прабабушка, которой наверняка было непросто растить маленького ребенка в свои семьдесят два года, и прадед Анисим семидесяти восьми лет, Анна так никогда и не узнала.

Но бабушка Муся ни разу не произнесла про мать Анны не то что дурного слова или какую-то непродуктивную критику, а даже намек на таковые. Наоборот, всегда рассказывала и повторяла Анечке, какая у нее умная и трудолюбивая мама, сумела окончить с отличием такой сложный и непростой технический вуз, как много она работает на ответственной должности. А прадедушка при таких ее речах только улыбался и кивал, поддерживая супругу.

Может, они и высказывали иное мнение самой внучке Виктории и дочери с зятем, но этого Аня не знала, да и не вникала в отношения взрослых, ей было не до этих дел – она рисовала.

Нет, не так. Она Рисовала.

Бабушка Муся подходила к письменному столу внучки, стоявшему в большой комнате у окна, отгороженному ширмой от комнаты, за которым та делала уроки и рисовала, обнаруживала так и нетронутый стакан узвара и печенье, что принесла перекусить ребенку еще два часа назад, смотрела, как, погруженная в свой внутренний мир и занятие, Анечка даже не замечает подошедшую к ней бабушку. Гладила по голове, вздыхала тяжело, качала головой и сокрушалась:

– Как же ты жить-то будешь, блаженная?

И так сама пугалась этой будущей страшной жизни правнучки, что принимала определенные меры к предотвращению той самой нелегкой жизни, что, по ее мнению, ожидала Анюту.

Учила готовить, консервировать овощи, варить варенья, делать сухие заготовки из грибов и ягод, серьезно учила пекарскому делу и ведению хозяйства и обязательно шить-вышивать.

– Зачем? – спрашивала Аня, не очень довольная, что ее отвлекают на всякую ерунду от самого главного в жизни занятия. Но никогда не спорила с бабулей.

– Затем, – твердо пресекала Муся все попытки правнучки отлынивать от постижения ее важной науки и поясняла: – Жизнь – она, знаешь, не роза лепестковая, так вдарит и закрутит порой, что только держись да трудись, чтобы выжить. А держаться и выживать всегда легче, когда что-то умеешь толковое делать и знаешь, куда руки приложить. Художник – дело хорошее, но когда голод приходит или времена лихие, страшные, то о картинах и художествах вспоминают в последнюю очередь, а прокормить себя надо уметь.

Аня не возражала, училась премудростям и навыкам бабули, чтобы ту не расстраивать, тем более что лихие тяжелые времена, которых так опасалась бабушка Муся, пришли и наступили гораздо раньше того ожидаемого призрачного будущего, как говорила та же Мусечка: «нас не спросивши», ударив по стране девяностыми, революционными годами.

Вот тогда-то и выяснилось, что у мамы Виктории одна из самых выигрышных профессий по тем нелегким временам – специалиста газодобывающей отрасли. Кто бы мог подумать. Но, для того чтобы хорошо зарабатывать и проявить себя в этой отрасли, Виктории Юрьевне пришлось подписать контракт и уехать на несколько лет на Север, где базировалась основная газодобывающая промышленность страны, правда, на весьма высокую стартовую должность.

Север в девяностые – это была еще та засада.

Но, как ни странно, изнеженная жительница культурной столицы, немного рафинированная и избалованная, Виктория оказалась достаточно толковым руководителем, проявила незаурядные способности, жесткий характер и... в третий раз вышла замуж за коллегу из Питера.

Анисим Прохорович очень тяжело перенес развал Союза, восприняв этот предательский акт как глубоко личную трагедию. И последовавшие за этим события воспринимал как смерть своей любимой страны в страшной агонии.

Будучи убежденным патриотом Родины и человеком честным и искренним в своих убеждениях, он терялся и недоумевал, наблюдая, как разом исчезла куда-то людская благовоспитанность, нравственность, добропорядочность, уступив место изменным инстинктам, звериному, ненасытно жадному, темному, хлынув из людей со всех углов и щелей, открывая дорогу порокам всех мастей и объявляя вседозволенность.

Дед не мог слышать и смотреть по телевидению потоки зловонной грязи, полившейся со всех сторон на историю его страны, на выдающихся деятелей Советского Союза. И самое гнусное, что больше всего ранило его, – это принижение, низвержение победы советского народа в войне, инсинуации разного толка и откровенное вранье, которое распространяли о войне, о ее героях, о них, солдатах, прошедших и выигравших эту страшную бойню.

Он переживал настолько остро и настолько болезненно общую людскую деградацию, гибель своей страны и всего светлого, что было в ней, что серьезно заболел, как-то всего за пару лет превратившись из бодрого жизнерадостного человека в немощного, старенького и растерянно-беспомощного. Бабушка Муся и Анечка ухаживали за ним, оберегали как могли, старались подбодрить, поддержать морально, но он становился все слабей день ото дня, растеряв безвозвратно свой природный оптимизм, лишь подшучивал иронично над своей физической немощью. И однажды очередная «Скорая» увезла Анисима Прохоровича в больницу, из которой тот не вернулся домой, умерев через пять дней.

Смерть любимого мужа в одночасье подкосила бабушку Мусю, которая в один момент резко сдала, словно кто-то выдернул из нее прочный жизненный стержень. Начала хворать всерьез и тяжело, почти слегла, и каждую ночь Аня слышала, как бабушка разговаривает с любимым Симочкой, как она называла деда, и все успокаивает его, что, мол, скоро придет. Просила, чтобы он там не маялся, не волновался. И, заткнув рот кулачком, чтобы не потревожить бабушку,

Анечка плакала в подушку, слушая этот разговор бабулочки с любимым.

На похороны деда из неведомых краев, как всегда стремительная, излучавшая энергию, великолепная и какая-то совершенно заграничная, приехала тетушка Александра. И, когда на поминках Милана Анисимовна поделилась с дочкой, что они с отцом приняли решение забрать бабушку Мусю и Анечку к себе, та посмотрела на мать и прямолинейно поинтересовалась:

– Я так понимаю, что вы хотите, чтобы она побыстрее умерла?

– Да что ты такое говоришь, Саша? – возмутилась Анина бабушка.

– То есть, – очень жестким тоном отчитала Александра родную мать, – вы хотите выдернуть Мусю из зоны ее безопасности и комфорта, из квартиры, в которой они прожили с дедом десятки лет, в которой даже родные стены помогают, где все устроено и налажено так, как ей удобно и нравится, из привычной жизни и перевезти к себе в коммуналку, чтобы привыкшая каждый день принимать по утрам душ Мусечка стояла в очереди в общую ванную и туалет и стала приживалкой в уголке одной из комнат?

– Но... – растерялась Милана Анисимовна такой трактовке их с мужем благих намерений, – мы же хотим как лучше. Она же почти слегла, мы с Юрой к ним с Аней переехать не можем, это будет ужасно неудобно всем.

– А так будет неудобно только ей и Анечке, – кивнула понимающе головой Александра, смутив окончательно мать своей прямоотой. – Вы мало думали об их с Аней жизни и удобстве, никогда не спрашивая Мусю, как ей приходится с маленьким ребенком, и не предлагая своей помощи ни в чем. И сейчас снова намерены сделать так, как удобней вам, мало заботясь о ней самой и о ребенке.

– Никто не хочет делать хуже для бабушки! – недовольная и задетая за живое такой жесткой отповедью дочери, резко отрезала Милана Анисимовна.

– В таком случае не трогайте ее, дайте Мусечке спокойно дожить там, где ей хорошо. И Аню не трогайте и не дергайте, пусть будет возле бабушки. А с остальным я разберусь.

И разобралась, найдя через свои каналы замечательную медсестру-сиделку, которая ухаживала за бабулей, делала ей уколы, поднимала с постели и очень здорово с ней ладила. И домработницу

Аглаю Васильевну, приходившую к ним три раза в неделю, занимавшуюся теперь их хозяйством.

Но никакой заботой и прекрасным медицинским обслуживанием было уже не остановить неотвратимость ее ухода. Бабуленька Муся умерла через год после смерти мужа. Ушла мирно и тихо – ночью во сне.

Собиравшаяся утром в школу Анечка старалась делать все тихонечко-тихонечко, чтобы не разбудить заснувшую бабушку, которая редко теперь нормально спала ночами, лишь к утру обычно начиная немного подремывать. А когда вернулась из школы, обнаружила дома плачущую Аглаю Васильевну, от которой узнала, что Мусечка – ее любимая, ее родненькая, самая замечательная Мусечка на свете – не спала и не дремала утром, а была уже мертва, когда Аня тихо и осторожно одевалась-собиралась.

Для Анечки смерть бабушки стала настоящим ударом, страшным шоком, жуткой потерей, словно разверзлась какая-то черная, бездонная яма где-то внутри, вызывая жуткую боль, утягивавшую ее в какую-то безумную, беспросветную тьму...

И растерянность.

Анечка не знала, не могла понять, как ей теперь жить дальше, как вообще можно жить без Мусечки? Не воспринимала ничего из того, что говорили ей бабушка с дедом и другие люди, словно их слова обтекали ее сознание стороной, не проникая в него, и она все смотрела растерянным взглядом на них, недоумевая, что они хотят, что объясняют и зачем куда-то перевозят ее вещи из дома.

Начала что-то соображать, когда вдруг обнаружилось, что ехать домой, на Васильевский, ей нельзя, а надо остаться ночевать, и не просто ночевать, а теперь и жить в уголке большой комнаты в коммуналке вместе с дедом с бабушкой.

Как? Почему? Для чего?

А потому, объяснили они Аняте, ей всего четырнадцать лет и она не может оставаться одна в квартире, а должна жить с родными людьми и теперь будет находиться здесь, на Мойке.

Это было ужасно. Просто ужасно.

Вся ее жизнь сломалась в один миг и никак не могла выправиться, с каждым днем становясь только хуже и хуже, словно она падала в какую-то бесконечную страшную пропасть.

Привыкшая плескаться по утрам в душе в свое удовольствие, Аня обнаружила, что теперь сделать это невозможно, мало того, не так-то просто попасть и в самую ванную комнату, а попав, она начинала отдраивать ее, чистить и мыть, чтобы спокойно искупаться.

Бабушка Муся была невероятно чистоplotной и держала дом в идеальной чистоте и внучку приучила к тому же, а тут...

Но страшнее всего был тот вакуум, что образовался у Ани в душе, неотвратимо пожиравший ее психику и жизнь.

Замечательный юмор и ирония деда и бабуленьки, их дружба с внучкой, доверительное, открытое общение, царящая атмосфера любви и уважения в их семье являлись частью души девочки, ее наполненности радостью бытия. Она привыкла жить в состоянии бесконечной любви и постоянных ее проявлениях даже в самых незначительных мелочах.

А с бабушкой Милой и дедом Юрием у них не получалось душевного контакта с самого начала. Нет, конечно, они ее любили как умели и старались как-то облегчить горе внучки и привыкание к новой жизни, но были бесконечно далеки от нее, не было той теплоты, той любви и единения, той близости душевной, в которой она привыкла существовать. Просто Анечка была для них... чужая. Своя, разумеется, к тому же единственная родная внучка, но не близкая. Далекая и непонятная.

Подросток, переживающий столь глубокую душевную драму, отяжеленную еще и тем, что его вырвали из привычной среды, вынужденный привыкать к новым условиям жизни, не чувствующий и не получающий поддержки и заботы, поскольку бабушка с дедом не видели и не понимали, насколько тяжело, страшно, одиноко и плохо Анне, – это сто процентов закончилось бы трагедией и бедой с тяжелейшими последствиями для психики, да и для самой жизни девочки.

Если бы не встреча с одним замечательным человеком, сумевшим понять горе этого ребенка, его одиночество и потерянность, сумевшим помочь и спасти. Человеком, оказавшим огромное влияние на всю ее дальнейшую жизнь и творчество.

Находясь в глубочайшей депрессии, Анечка практически не спала ночами. Когда она пожаловалась бабушке Миле на бессонницу, та, посоветовавшись с каким-то знакомым врачом, купила снотворное,

которое и наказала принимать внучке на ночь. Аня не стала спорить, получив пузырек с таблетками, кивнула неопределенно на требование бабушки принимать обязательно, да и только.

Таблетки она исправно прятала и выбрасывала по утрам в унитаз, когда ходила в туалет. Но теперь, чтобы дед с бабушкой не догадались, что внучка так и не спит, она долго лежала, закрыв глаза, стараясь не шевелиться, притворяясь спящей, и ждала, когда они заснут в своей спальне в дальней комнате, и тихонько, с осторожностью, выбиралась из комнаты и отправлялась на кухню. И рисовала в закутке у окна на кухонном столе, принадлежащем их семье, сбегая в свой мир хоть ненадолго.

Вот там, на той самой темной ночной кухне, она и познакомилась с тем, кто стал для нее близким другом, наставником и родным человеком, приняв эстафету у Мусечки и деда Анисима.

Четырнадцатилетняя Анечка не могла тогда знать законов работы человеческой психики и не понимала, что ей жизненно необходимо было в тот период найти какую-то прочную психологическую опору, в которую можно было бы надежно вцепиться, найти помощь, понимание, поддержку, чтобы не сойти с ума, безвозвратно не поддаться черноте, разраставшейся у нее в сознании, и справляться со своими душевными терзаниями, выбираясь к свету.

Аня потом часто думала, а не бабуля ли с дедулей послали и направили ей этого человека, чтобы срочно спасти, помочь и согреть правнучку.

Он был профессором-историком и заразил девочку увлеченностью своим предметом. А точнее, историей костюма. А если совсем уж быть точной, занимался этот необыкновенный человек в тот момент научной работой, разыскивая в архивных документах упоминания в древних летописях и в воспоминаниях о старинных техниках вышивания самоцветами и жемчугами одежды и предметов роскоши, принимая участие с группой соратников в восстановлении костюмов для Русского музея.

И Аня с огромным воодушевлением пустилась в увлекательное путешествие по истории и мастерству вышивки, в которое он ее пригласил.

Через год их коммуналку выкупил новоявленный олигарх, расселив жильцов по купленным для них квартирам, но Анна

продолжила свое новое увлекательное занятие, встречаясь с наставником и старшим другом практически каждый день после школы.

А еще через год она поступила в Санкт-Петербургскую академию художеств. Сразу же после поступления у нее возник серьезный конфликт и недопонимание с бабушкой и дедом. Аня заявила родственникам, что хочет вернуться в свою квартиру на Васильевском. Милана Анисимовна и Юрий Иванович были совершенно обескуражены заявлением внучки, но, главное, не столько им, сколько той силой воли и настойчивостью, проявленными ею в намерении всерьез добиться своего требования, которую и не подозревали, не замечали в ней никогда раньше.

И отказали. Категорически отказали. Запретив даже возвращаться к этой теме. И кто знает, чем бы закончилось возникшее между ними противостояние, если бы не появилась, как всегда, непостижимым образом объявляясь в самый важный, переломный момент жизни Анечки, тетушка Александра.

– Мам, а в чем, собственно, проблема? – выслушав негодующий, возмущенный рассказ матери и отца о требовании Анны, спросила Александра. – Квартира эта Анютина, Муся с дедом давно все оформили на девочку.

– Ты что, не понимаешь? – возмущалась бабушка Мила. – Ей нет еще и семнадцати лет, она не может жить самостоятельно. К тому же мы эту квартиру сдаем, а это хорошие деньги, хотя бы на содержание самой Ани.

– Мам, – объяснила, как обычно прямым текстом, без церемоний и экивоков Александра. – Ей с вами плохо и тяжело. Анечку вырастили бабушка и дед в атмосфере полной любви и заботы, дружбы, открытого проявления чувств и взаимопонимания. У них царили в семье смех, шутки, радость, любовь и глубоко доверительные отношения. А у вас ничего подобного нет. Ты ее даже не обнимаешь, не целуешь, ни разу при мне не спросила, как у девочки дела, ела ли она вообще сегодня и что ела вообще и где была. Вы практически не разговариваете с ней, вы как чужие.

– Да что ты говоришь? – возмутилась Милана Анисимовна. – Мы ее любим, стараемся наладить нашу жизнь.

– Ну и как, наладили? – оборвала ее старшая дочь. – Такое ощущение, что она вам мешает, как подобранный ребенок дальних родственников, которого вы терпите из-за необходимости. Вы с отцом и с нами не очень-то ласковые были, никогда не говорили, что любите, редко баловали, я даже не упоминаю про простые объятия, проявления нежности и родительской ласки. Не то что вы были строгие, нет, просто холодно-отстраненные. Наверное, это из-за отца, из-за его жестких правил и установок в семье. Сейчас не важно, в чем истоки вашей холодности. Но мы с Викой к этому привыкли, мы выросли в этой атмосфере, да и Муся с дедом нам с Викторией во многом компенсировали эту вашу дистанционную отстраненность. А Аня другая, она очень нежная, чистая, светлая душой, трепетная девочка, ей с вами тяжело жить, – и остановилась, заметив недовольное, закаменевшее осуждением и обидой выражение лица матери.

Помолчала, качнув бессильно головой, понимая всю бесполезность что-то объяснять, растолковывать, пытаться высказать застарелые детские обиды. Пустое это. Да и поздно что-то объяснять. И просто отдала распоряжение:

– Значит, так, жильцов из бабушкиной квартиры выселите, приведите ее в порядок и переселите туда Анюту. Ей от дома до академии десять минут быстрым шагом, это куда как удобней и безопасней, чем от вас с двумя пересадками на общественном транспорте тащиться. Я уже позвонила Аглае Васильевне, она с удовольствием согласилась работать у Анечки, как они и привыкли до смерти Муси, три раза в неделю.

Милана Анисимовна попыталась было возразить, но дочь остановила ее отсекающим жестом руки:

– Я оплачу услуги домработницы и Анечку буду содержать сама. Я уже открыла счет в банке на ее имя, куда и стану ежемесячно переводить деньги. Так будет гораздо лучше для девочки. Да и вы вздохнете свободно, это же понятно, что вас напрягает и тяготит жизнь с ней.

Вот таким образом благодаря тетушке Александре Анечка стала совсем самостоятельной. Ну, почти – зарабатывать пока она не умела и не могла. Зато она училась. С восторженным трепетом в душе, с непередаваемым удовольствием она училась, обретая в других студентах и преподавателях людей, столь же увлеченных, как и сама, и,

главное, разделявших ее отношение к живописи, к изобразительному искусству как таковому, понимавших ее. Людей, с которыми она говорила и думала на одном языке.

Их студенческая жадность до творчества была столь захватывающей и столь всеобъемлющей, что они засиживались в классах и на рисунке до глубокой ночи. Они буквально дышали творчеством, своей влюбленностью в то, что постигали, и это было настолько здорово, что Анечка ожила, расцвела, похорошела, снова обретя веселость духа, легкость, беззаботность, словно воскресла, как спасенный и отогретый с мороза воробушек.

Но и своей увлеченности старинной вышивкой, и работы с интереснейшими людьми – историками, реставраторами, мастерицами, занимавшимися в тот момент этой тематикой, – Анечка не оставляла, стараясь любую свободную минуту посвятить этому занятию.

– Вот так и получилось, что с пятнадцати лет я оказалась в этой теме и так в ней и застряла, – заканчивая экскурс в прошлое, улыбнулась она Северову, слушавшему ее с поразительным вниманием и как-то непонятно поглядывавшему, привычно скрывая свою улыбку в уголке губ.

Она не вдавалась в подробности и детали своего детства и жизни, лишь пунктирно обозначив главные факты, но, рассказывая, сама не ожидая того, погрузилась в картину тех далеких лет, той своей детской и подростковой жизни. Воспоминания нахлынули, захватив, накрыв с головой, заставив заново пропустить через себя те далекие переживания и горечь, боль потерь и радость обретения себя заново.

Она замолчала, расчувствовавшись, и даже отвернулась от внимательного взгляда Северова, рассеянно смотрела в еле попыхивающие угли в камине, справляясь с неожиданно сильными накатившими эмоциями.

Он не мешал ей, ни о чем не спрашивал, молчал, почувствовав, уловив ее состояние. Анна глубоко вздохнула, протяжно выдохнула, отпуская прошлое, снова повернулась к нему и улыбнулась, продолжив рассказ:

– Когда училась на втором курсе, меня привлекли в качестве помощницы к процессу расшивания русского исторического костюма для Венской оперы, постановщики которой обратились к русским мастерам и мастерицам с предложением восстановить подлинные

костюмы пятнадцатого века для оперы Мусоргского. Это было фантастически интересно.

– Получилось? – спросил Антон.

– Да, еще как! – загорелись у нее глаза от радостных, приятных воспоминаний. – Потом была работа для Эрмитажа, и я входила в группу историков и мастеров, воспроизводивших убранство царских комнат, в том числе с вышивкой самоцветами, жемчугом, золотыми и серебряными нитями. Несколько лет мы этим занимались с перерывами. То находились деньги у спонсоров, то нет. Но очень масштабная работа была проделана, невероятно интересная. К выпуску из академии у меня уже набралось много работ вышивкой и один, особенно удавшийся, небольшой портрет неизвестной девушки, вышитый стразами и жемчугом, который получил приз на конкурсе студенческих работ. А тетушка Александра взяла и устроила выставку выпускников для нашего курса. Не всех, а тех, кого отобрали спонсоры выставки, меня в том числе. И эту мою работу купили в первый же день и за довольно приличные деньги. А в последний день выставки тетушка подвела ко мне одного из спонсоров, который сделал мне заказ на портрет своей матушки в той же технике, в которой была выполнена «Девушка». Только формат он заказал солидный.

– Вот не сомневаюсь, что классно получилось! – просто не мог не улыбаться Северов заразительному воодушевлению, которое прямо излучала девушка, рассказывая о любимом деле.

– Не то слово, – похвасталась Аня. – Сама не ожидала, что так здорово выйдет. Дорого, конечно, все-таки я работала с самоцветами, жемчугом и золотой нитью, и достаточно долго. Все-таки хоть и малый поясной портрет, но формат сто двенадцать на восемьдесят шесть, с деталями интерьера на заднем фоне, это, я вам скажу, еще та заморочка.

– И сколько вы его делали?

– Несколько месяцев. Заказчик был в восторге. И маме он очень понравился. Сдала я эту работу... – выдержала она неожиданную интригующую паузу, лукаво поглядывая на него, и закончила фразу:– И ушла в монастырь.

– Куда-а? – опешил Северов.

– В монастырь, – рассмеялась задорно Аня. – Уехала на Урал в женский монастырь, известный своими мастерицами, работающими

по вышивке. Поступила послушницей, чтобы учиться. Сестры владеют техниками старинного вышивания, описание которых сохранились в древних монастырских книгах, которые, в свою очередь, сумели спасти и сберечь от уничтожения в советские времена уцелевшие монахини. Да и сами сестры разработали новые интересные техники. Правда, вышивают они, понятное дело, в основном обрядовое церковное шитье: плащаницы, куколи, митры, воздухи. И, разумеется, иконы.

– Ничего себе поворот. Эх вы, Анечка, закрутили, жизненный зигзаг, – проникся Антон. – И как долго вы там пробыли?

– Полтора года.

– В монахини-то не подались?

– Нет, не подалась, – легко посмеялась она. – Но многому научилась, многое переняла, много рисовала. Там у женщин поразительные лица, а за ними еще более поразительные судьбы. Это время было весьма плодотворно для меня и очень познавательно. И не только в освоении техник и мастерства, но и в том, что я смогла понять там о мироустройстве и о себе, – и решила объяснить: – В монастыре течет очень размеренная, суровая, аскетичная жизнь по укладу, установленному веками. Жизнь, состоящая из труда и молитвы, огражденная от мирских соблазнов и суеты, дающая возможность находиться в несуетливости душевной, внутренней тишине, настраивающей на погружение в размышления и возможность разобраться в себе самом. Как ни странно, но, соблюдая монастырский распорядок, посещая все службы, постигая таинства обрядов и молитвы, слушая проповеди, выйдя из монастыря, я не воцерковилась, именно там осознав, что Бог – это явление, основа всей нашей жизни, гораздо шире, мощнее, объемнее и непостижимее, чтобы быть ограниченным какой-то одной религией и даже всеми религиями в мире.

– Вы полны сюрпризов, Анечка, – поразился Антон.

– Но это же интересно, – улыбалась она жизнерадостно. – Познавать, учиться чему-то новому, овладевать навыками. После монастыря меня нашел один наш известный олигарх. Представляете? Вернее, как нашел... Как всегда, тетушка позаботилась, показав ему мои работы. Оказывается, они с ним давно знакомы и даже дружны. И вдруг он заказал мне свой большой вышитый портрет. Вот это была

работа, я вам скажу. До сих пор не понимаю, как я умудрилась ее сделать. Сначала написала его портрет в красках, для чего мне понадобилось несколько месяцев, буквально гоняясь за ним не только по России, но и бог знает по каким еще странам, чтобы урвать малую толику времени, когда он мог позировать. Понятно, что его помощники организовали мне возможность в любой момент лететь туда, где этот господин мог со мной встретиться. Потом мне пришлось сделать копию с портрета для основы, и я засела за вышивку. И делала я ее больше полугода. Но получилось очень здорово. Просто обалденно получилось. Жаль, что я не могу вам показать, заказчик запретил любую съемку. Единственное, что он сделал, – это представил обе мои работы, два портрета – маслом и вышитый, – на международной выставке изобразительного искусства в Милане. Всего на один день, и зарегистрировал, как и полагается, мое авторство. И заплатил непорядочно много денег. Прямо очень много. И я отправилась эти деньги тратить, уехав сначала во Францию, учиться и перенимать их техники и основы вышивания, потом в Испанию и Италию. В общем, много где побывала.

– А сейчас вы картины пишете или только вышиваете? – с неподдельным любопытством слушал и расспрашивал ее Северов.

– Ну конечно, – улыбнулась Аня. – Это мой воздух, я не могу не рисовать. Правда, большие полотна в краске редко удается писать, поскольку у меня всегда много заказов и работы с вышивкой, но карандашом, углем, мелками и графика – это обязательно. Мои работы часто выставляются, как с другими авторами, так и индивидуально.

– Было бы интересно посмотреть, – с легким сожалением заметил Антон.

– Хотите, покажу те, что есть у меня в смартфоне, – предложила Аня. – Правда, смотреть картины в таком формате – это все равно что делать уколы по Интернету.

– Очень хочу, Анечка, пусть и в формате онлайн-инъекции, – обрадовался такой возможности Северов.

Она пересела к нему поближе, нашла в смартфоне альбом своих работ и принялась показывать и пояснять, что и когда изобразила и сделала. Они просидели за просмотром больше получаса, пока не закончились все картины, занесенные в память телефона.

– Ну все, – вздохнула Аня, показав последнее полотно.

– В доме Александры Юрьевны есть ваши работы?

– Да, и много. Тетушка – поклонница моего творчества и с удовольствием развешивает мои работы и в питерской квартире, и здесь, и даже в своем рабочем кабинете. Кстати, – вдруг спохватилась Анна, упомянув тетюшку, и посмотрела на часы на экране. – Мне же домой пора, а то Александра Юрьевна гневаться начнет моему длительному отсутствию.

– Я вас провожу, – поднялся из-за стола Северов, улыбнувшись ей короткой мимолетной улыбкой.

– Странно, – засмотревшись на него, заметила Анюта. – Я обратила внимание еще с первой нашей встречи на озере, что вы часто улыбаетесь и вообще человек ироничный, с хорошим чувством юмора, но при том у жителей поселка о вас сложилось устойчивое мнение как о человеке мрачном, хмуроватом, неулыбчивом и опасно неприятливым. Бирюке, не желающем общаться ни с кем. Почему так, Антон Валерьевич?

– Вы про ту дамочку, что я выставил? – усмехнулся он.

– Не стоит недооценивать Бибиси, – предупредила Анна. – Она тут выполняет роль местного новостного информагентства и разносит новости и сплетни с быстротой скоростного вайфая.

– Именно на это и был расчет, – хмыкнул Северов. – Имидж мрачного, нелюдимого и опасного человека дает прекрасную возможность держать людей на расстоянии от себя. Информация в наше время – самый ходовой и дорогой товар, и люди, которые хотят манипулировать вами, задают очень много вопросов. Стоит только один раз ответить на единственный вопрос, и оказывается, что ты уже обязан отвечать на все последующие.

– Понятно, – кивнула Аня, – такой оригинальный и действенный способ оградиться от излишнего любопытства. А как же добрососедские отношения, взаимовыручка?

– В данный момент я как раз налаживаю таковые с глубоко симпатичными мне людьми, – усмехнулся Северов.

– Понятно, – повторила она и посмотрела ему в глаза, спросив: – Но вы, Антон Валерьевич, тоже задаете много вопросов. Сами при этом не отвечая ни на один. Значит ли это, что вы хотите манипулировать мной?

– Нет, – ответил он, не отводя глаз от ее прямого взгляда. – Мой интерес к вашей жизни, Анна, обусловлен совсем иными причинами.

Аня задержала и продлила свой изучающий выражение его лица взгляд на какое-то мгновение и пожала плечами.

– Ладно, – непринужденно усмехнулась она.

«И что? – несколько обалдел Северов столь резкому отступлению. – Неужели не спросит? И докапываться, выяснять не станет? Да ладно!» – даже как-то восхитился про себя он.

Но она спросила. О другом:

– Антон Валерьевич, а можно мне дом посмотреть? – и тут же горячо заверила, увидев несколько ошарашенное выражение лица мужчины: – Снаружи. Не внутри, конечно. Мне невероятно интересно его устройство, – и добавила неуверенно: – Я быстро.

– Идемте, – кивнул Северов, посмеявшись мысленно над собой.

Дом он ей показал. Даже скорее не он ей что-то там показывал, а Анна, ухватив за руку, вела его за собой, восхищаясь теми архитектурными приемами и находками, которые применили архитектор и строители при его возведении, и рассказывая Северову, как это замечательно и грамотно сделано. Таким вот порядком они обошли его дом дважды по периметру, а потом и пробежались по участку.

И только после этой экскурсии Северов проводил девушку до дверей дома ее тетушки, куда и был приглашен Анной, дабы быть лично представленным Александре Юрьевне, на что, честно говоря, и рассчитывал, более того – был уверен, что так оно и произойдет.

– Тетушка!

Проведя Антона в большую просторную гостиную, официально представила Анна Северова сидевшей в кресле с высокой спинкой интересной, изысканной, великолепно выглядевшей женщине элегантного возраста, смотревшей на него с ироничным интересом, умнейшими веселыми светло-зелеными, такими же, как у племянницы, глазами. Ох какой непростой, мощной личности.

– Это Антон Валерьевич.

С легкой вежливой улыбкой пристально рассматривая гостя, Александра Юрьевна тихо, себе под нос, произнесла в задумчивости какую-то фразу на арабском языке. Северов фразу услышал и,

улыбнувшись одним уголком губ, уважительно наклонив голову, выказал свое почтение хозяйке, явно поняв то, что она произнесла.

Тетушка Александра, приподняв удивленно одну соболиную бровку, присмотрелась к гостю более пристально и, чуть поджав губы, сдержанно одобрительно улыбнулась.

У Ани возникло четкое ощущение, что эти двое ведут какой-то молчаливый диалог, прекрасно понимая друг друга.

– Антон Валерьевич, – вмешалась она в этот «разговор» взглядами, представив хозяйку дома гостю, – моя тетушка Александра Юрьевна.

– Ну, что ж, – улыбнулась на сей раз открыто тетушка Александра. – Приятно познакомиться. И как я уже сказала: «Интересный гость – подарок Аллаха», – и предложила Северову: – Мы собираемся ужинать. Присоединяйтесь к нам, Антон Валерьевич.

– «Не откажусь, коль приглашение имею», – принял приглашение цитатой из классика Северов.

– Проходите, присаживайтесь, – указала рукой на соседнее кресло Александра Юрьевна. – Побеседуем, пока девочки накроют на стол.

О чем тихо беседовали эти двое, Анна с Леной не слышали, хозяйничая в кухне и накрывая на стол, но было совершенно очевидно, что хозяйка и гость были увлечены разговором и общением друг с другом.

«Ну надо же», – поражалась Анна, все посматривая в их сторону.

Сам ужин прошел в веселой легкой атмосфере, которую умело создала Александра Юрьевна с непринужденностью высокого профессионала, человека, владеющего мастерством проведения бесед и встреч любого формата и уровня, вплоть до первых лиц государств.

Она рассказала комичную историю из чиновничьих будней, Северов, легко подхватив тон разговора, припомнил свежий анекдот на ту же тему, с которой они плавно спикировали на обсуждение насущного вопроса о коронавирусе, вспомнив несколько смешных историй, произошедших со знакомыми на недавнем карантине.

Было вкусно, весело, непринужденно и дружелюбно. Но после чая с пирожками, завершившего ужин, Антон Валерьевич, сердечно поблагодарив женщин за прием, поспешил откланяться. И Аня отправилась провожать гостя до ворот.

– Спасибо большое, Анечка, за прекрасный день и вечер, – искренне поблагодарил Антон и поинтересовался: – Завтра на озеро не собираетесь? Хотя... – протянул он, посмотрев на затянутое плотными облаками темное небо, – скорее всего, будет дождь.

– Мне как-то страшновато теперь ездить через лес после того, как мы нашли этого бедолагу, – призналась Аня, пожившись от неприятных воспоминаний. – Да и по-любому завтра бы не получилось. Утром я уезжаю.

– Все, закончился отпуск? – спросил он, всматриваясь в сумеречной темноте в ее лицо.

– Нет, еще не закончился. Поеду в Питер, у меня кое-какие дела, а послезавтра утром отправлюсь аж в Северное Приладожье.

– Тоже кое-какие дела? – не то спросил, не то подсказал мужчина.

– Да нет, не дела. Забираю своего ребенка из спортивно-оздоровительного лагеря для технически одаренных детей, закончилась его смена. – И пожаловалась: – Соскучилась ужасно. Из-за этого карантин нам, родителям, запретили навещать детей, общались только по «Вотсапу». А Ромка там, в этом своем лагере, такой все время занятой, деловой, что и поговорить ему некогда, все на бегу: «Привет, все в порядке, здоров, у меня все хорошо, пока». Это, конечно, хорошо, что ему интересно и все такое. Ну ладно, послезавтра увидимся и наговоримся. Вот. А оттуда, объезжая Ладогу поверху, мы вернемся с ним в «Озерное». Вот такой большой вояж.

– Вы хорошо водите? – поинтересовался вроде как между прочим Антон.

– Средне, – покаялась Аня. – Я не самый лихой водитель, осторожный очень, могу засмотреться, задуматься, отвлечься, поэтому и осторожничаю, – и похвалилась, компенсируя признание: – Зато в аварии ни разу не попадала, хотя стаж у меня больше десяти лет.

– Давайте я вас отвезу, – внезапно предложил Северов. – Мне тоже надо бы в Питер. И на моей машине проще проехать по тем местам и дорогам, куда вы собрались.

– Антон Валерьевич... – пришла в полное замешательство Анна, – ...это как-то неудобно. Зачем вам кататься, это же километров пятьсот выйдет, не меньше?

– Я в отпуске и свободен в ближайшее время, места там сказочно красивые, с удовольствием полюбуюсь, и мне так будет спокойней.

Он уже принял решение, поняла Аня, и не отступится, потому что ему на самом деле так будет спокойней. И, поняв это, она в момент перестала сомневаться, удивляться и пытаться отговаривать этого добровольного помощника.

– Хорошо, – легко согласилась Анна. – Тогда выезжаем в шесть утра.

– Я за вами заеду.

– На этой вашей страшно загадочной машине? – вдруг улыбнулась она совсем по-девчоночьи.

– На ней, – кивнул Северов и, попрощавшись, вышел за калитку ворот.

– Антон Валерьевич вызвался отвезти меня завтра в Питер, а после в лагерь за Ромой, а оттуда привезти нас в «Озерное», – вернувшись в дом, сообщила Анна о предложении соседа.

– Ну, где-то так я и предполагала, – не удивилась ни разу тетушка Александра.

– А вы не забыли, что его подозревают в убийстве того несчастного? И мы этого человека совсем не знаем. А ты так легко согласилась с ним ехать бог знает куда, – высказала свои опасения Лена.

– Он этого не делал, – отмахнулась от обвинения как от ерунды Аня и напомнила, в свою очередь: – Меня тоже подозревают, ну и что? И, кстати, просили поселок не покидать, а я уматываю, почти в ночи.

– Ерунда, – отмахнулась тетушка, – я сообщу следователю, что ты уехала по важным делам. Ты же подписку о невыезде не давала. Ну а что касается причастности Антона Валерьевича к этому нелепому убийству, то это просто смешно. Если бы этому мужчине понадобилось кого-то лишить жизни, он бы сделал это с элегантным профессионализмом и, конечно же, не разбрасывался бы полутрупам где попало.

– Это разумеется, – согласилась с тетушкой Аня. – Но я совершенно по иной причине утверждаю, что он этого не делал. Я вижу, чувствую и точно знаю, что это не он.

– Ой-ей... – вздохнула безнадежно-протяжно Александра Юрьевна, посмотрев на племянницу сердобольно. – Все-таки ты у нас блаженненькая, Аннушка, знаешь человека два дня и так уверена в его порядочности. Но этот твой поразительный дар, способность видеть

истинную суть человека, тщательно скрываемую личину – единственное, что питает мою надежду, что ты не дашь обдурить и обмануть себя всякому мошеннику и недостойному мерзавцу. Хотя они сейчас такие ушлые, бойкие пошли, что и твой дар не спасет.

– Антон Валерьевич уж точно не относится к их числу, – уверила тетушку Аня.

– Определенно не относится, – согласилась Александра Юрьевна. – Еще и поэтому я очень рада, что он предложил свою помощь в поездке. Мне будет абсолютно спокойно за тебя и Рому, а то я вся извелась, думая о том, что ты собралась в столь непростую поездку одна на машине.

Прогноз, сделанный Северовым накануне вечером, полностью подтвердился, и закончившийся было ночью дождь снова зарядил с утра, повиснув в пространстве мелкой водной взвесью, делаая призрачно-расплывчатым весь мир вокруг.

В этой туманной призрачности они и выехали из поселка, обменявшись лишь парой приветственных слов, когда Аня загрузила в багажник сумку с вещами и села в машину. Да так молча и катили какое-то время, пока Антон не разбил затянувшееся молчание вопросом:

– Сколько лет вашему сыну?

– Двенадцать, – улыбнулась Анна, как всякая любящая мать, встрепенувшись с готовностью бесконечно рассказывать о своем чаде, когда кто-то из собеседников, проявив неосторожность, спросит что-то о нем.

Антон Валерьевич неосмотрительности не проявлял, а вполне себе расчетливо и намеренно задал этот вопрос и ожидал продолжения, понимая, что коротким ответом здесь не обойдется. И не ошибся в своих расчетах:

– Он у меня замечательный, – улыбаясь, принялась рассказывать Аня. – Очень умный. Технически одаренный ребенок. В технике и электронике разбирается на уровне серьезного специалиста. Принимал участие в акции помощи детям из малообеспеченных семей, у которых нет компьютеров, во время карантина. Сам подписался, кинул ключ в сетях, чтобы ему приносили старые и поломанные компьютеры, мониторы, клавиатуры. Чинил, разбирал, собирал из деталей, целыми

днями что-то паял, настраивал, и мы с ним развозили починенные и уже рабочие компы по адресам нуждающихся детей.

– Надо же, – искренне поразился Северов.

– Он увлекается еще и робототехникой, придумал и сконструировал робота-помощника. И этот его проект выиграл на конкурсе, – с радостью хвалилась Аня.

Замолчала, посмотрела в боковое окно, о чем-то глубоко задумавшись. Повернулась, посмотрела на ведущего уверенно и спокойно машину Северова и поделилась своими тревогами:

– Я постоянно думаю и переживаю, все ли я делаю для него как надо, как было бы правильно? Я совершенно не знаю, как воспитывать мальчика. Вернее, я консультируюсь со специалистами и детскими психологами и перечитала массу литературы, то есть теоретически подготовлена, но из всей полученной информации вынесла самое главное: женщина самостоятельно, без участия мужчины, не может воспитать и вырастить из мальчика настоящего мужчину, сильную личность, способную брать на себя ответственность и справляться с трудностями. Просто в силу устройства женской психики, в силу физиологии и природы женщины, которая там, где надо настоять, может заставить и потребовать, увлечь личным примером, научить проявлять упорство, пожалеет, приголубит, сопли вытрет и попустит: «Ну, зачем так мучиться, сынок, займись чем-то более легким». Да и масса иных, очень важных и значимых житейских и психологических мелочей, которые может передать мальчику, научить его только мужчина.

– А отец Ромы в его воспитании не принимает участия? – задал напрашивающийся вопрос Антон.

– Кто? – рассеянно переспросила Анна, погруженная в свои мысли, в прокручивание привычных переживаний.

– Отец Романа? – повторил Северов.

– А-а... отец, – протянула Анна и призналась, пожав смущенно плечами: – Да я его даже не знаю.

– О как, – подивился Северов, с интересом посмотрев на девушку.

– Ну, вернее, как, – принялась пояснять она. – Я знаю, кто он. И видела его фотографии. Знаю, что кончил мединститут и стал врачом, что он борец, в том смысле, что занимается какой-то там борьбой,

такой настоящий русский богатырь: крупный, высокий, прекрасно сложенный русоволосый красавец и очень здоровый человек.

– Звучит как описание донора, уж извините, – заметил очевидную аналогию Северов, все изучающе поглядывая на Аню.

– Ну, в каком-то роде, наверное, так и есть, – развела она ладошки в стороны жестом признания. – Ромка – не мой сын, он мой брат. Мама родила Ромочку от бойфренда младше ее на двадцать лет, в сорок четыре года.

Виктория давно уже жила в Москве, сделав великолепную, можно сказать, головокружительную карьеру, став одним из ведущих специалистов в самой крупной российской газовой компании. С третьим мужем они не развелись, но давно жили отдельно друг от друга, каждый своей жизнью, переводя отношения в деловую и дружескую плоскость, что устраивало обоих.

Женщиной Виктория была интересной, притягательной и обворожительной, к тому же большие заработки позволяли ей держать себя в великолепной форме, так как пользовалась она услугами самых дорогих специалистов и новаций в косметологии. Мужской интерес к ней был всегда высок и неизменен, и она могла выбирать себе любовника из большого числа претендентов на эту роль.

С Андреем у Виктории сложился настоящий длительный роман, насколько могут быть настоящими отношения с мужчиной у женщины, для которой карьера и работа находятся на первом месте двадцать четыре часа в сутки и даже перее, чем на первом месте. Вот такие и сложились, но при всем этом полтора года они были вместе.

Беременность свою Виктория откровенно прозевала, занятая бесконечными перелетами, совещаниями, делами и любовной романтикой в перерывах между ними. Спихватилась, когда срок оказался уже достаточно приличным и делать какие-то движения было поздно, кроме, разумеется, искусственного выкидыша, предложенного докторами, на что Виктория ответила категорическим возмущенным отказом.

Родила она легко, без осложнений и трудностей. Отец же ребенка не был поставлен в известность о его существовании, Виктория заранее позаботилась, чтобы Андрей даже не подозревал о ее беременности, расчетливо расставшись с ним как-то не очень хорошо и обидно, чтобы не иметь повода к возврату к этим отношениям.

С помощью своих замов, нескольких секретарш и двух нянь, перекроив графики и перенося большую часть деловых встреч в Москву, она организовала свою работу таким образом, чтобы держать ребенка на грудном вскармливании, не прекращая активно работать, почти год.

А через год привезла сына к дочери Анне в Питер.

Анюта совершенно растерялась, когда, открыв дверь, увидела мать, которую видела последний раз несколько лет назад на юбилее тетки Александры и с которой практически не общалась. Виктория Юрьевна была не одна, ее сопровождала няня с ребенком на руках и, видимо, охранник, положенный ей по статусу, такой здоровый, молчаливый детина.

Как деловой человек, Виктория Юрьевна сразу же приступила к изложению дела, ради которого посетила дочь. Как только, отойдя от первого шока, Анна пригласила мать за стол, подав чай с вареньем и легкими пирожочками, что напекла утром, – как чувствовала, что придется принимать гостей.

– Анечка, – пропустив вступительную часть, сразу же оповестила о цели своего визита мама: – Я хочу оставить Ромочку тебе. Мне предложили очень серьезный контракт, возглавить строительство газовой промышленности в одной из латиноамериканских стран, как ты понимаешь, это долгосрочный проект, который займет несколько лет.

– И что мешает тебе взять ребенка с собой? – не поняла Анна.

– Ребенок и мешает, – пояснила Виктория. – Он требует любви, заботы, беспокойства о себе, а я буду сосредоточена только на работе и, переживая за него и думая о нем, могу упустить что-нибудь жизненно важное в работе, да и ему не смогу уделять должного внимания. К тому же что скрывать: мать я никакая, тебя бросила на бабушку с дедом, практически не принимая участия в твоей жизни, не помогла и не поддержала, когда ты очень нуждалась в этом, просто потому что не знала и не понимала, что тебе требуется помощь и поддержка. А Саша вот всегда знала и чувствовала, что ты нуждаешься в помощи, и волновалась о тебе, переживала и помогала, в гораздо большей степени став тебе матерью, чем я. Но это не потому, что я тебя не люблю или равнодушна к тебе, просто для меня работа, дело, которым я занимаюсь, всегда на первом месте. Я карьеристка и не

скрываю, что получаю удовольствие от такой жизни и от своей реализации в деле.

– Ладно, мам, это все прошлая жизнь, что ее перебирать-то теперь, – остановила ее признания Анна. – Бабушка Муся всегда мне рассказывала, какая ты умница, какая трудолюбивая и упорная, гордилась тобой. Я никогда не обижалась на тебя и не питала иллюзорных ожиданий. У меня нет никаких претензий к тебе или отцу. Все сложилось как сложилось.

Виктория Юрьевна смотрела на дочь долгим изучающим взглядом и, покрутив пораженно головой, произнесла совсем другим, лишенным всякого деловизма, прочувствованным тоном:

– Права была Мусечка: светлая ты у нас, блаженная какая-то. Ни на кого не обижаюсь, никого ни в чем не виню, ни к кому претензий не имею, ни от кого ничего не жду. Как ты у нас с Александром такая получилась, загадка, – покрутила еще головой, все поражаясь, и, резко выдохнув, вернулась к своей обычной манере изложения, деловито-напористой: – Ладно, дочь. Ты права: все сложилось как сложилось. Честно говоря, Ань, я поняла, что не тяну ребенка ни физически, ни морально. Оказалось, что мне это просто тяжело и не по нервам. У меня сложилась определенная жизнь, карьера, в которую никаким образом не встраивается ребенок, пусть даже с кучей нянюшек. И я решила, что лучше тебя о нем не сможет позаботиться никто. Вот такая я мать-кукушка, – усмехнулась она, – подкидываю своих кукушат. – И спросила, посмотрев цепким изучающим взглядом на дочь: – Возьмешь Ромку в сыновья?

– Ну, конечно, возьму, – улыбнулась открыто и светло Аня. – Ты же это знала и просчитала с самого начала, мам.

– Знала, – кивнула Виктория Юрьевна, все-таки облегченно вздохнув: знать-то она знала и рассчитала, но все же нервничала и не была уверена до конца. И предложила, улыбнувшись: – Ну, раз основная договоренность достигнута, приступим к деловой части нашего соглашения.

Отказываться от материнских прав Виктория Юрьевна не собиралась, оформив совместную опеку с Анной на Ромку и подписав генеральную доверенность на разрешение дочери вести все юридические дела ребенка. Зато ее муж, который официально считался отцом ребенка, поскольку они все еще состояли с Викторией в браке,

оформил отказ от отцовских прав на мальчика. Виктория продумала и позаботилась обо всех мелочах и частностях, даже о такой, как обучение новоявленной «матери» обращению с младенцем, для чего была нанята специальная няня-медсестра из педиатрического центра.

И Ромочка остался жить с Аней. Навсегда.

– Мальчик знает о существовании родной матери? – находясь под впечатлением от рассказа девушки, расспрашивал Северов.

– Да, конечно. Он знает, кто его мать и где она находится, чем занимается, и иногда даже общается с ней по видеосвязи. Но очень редко. Мне кажется, что он воспринимает тот факт, что у него есть какая-то далекая, прекрасная и богатая мама, как элемент какой-то жизненной игры. Не то чтобы совсем иллюзию, раза четыре они даже встречались, то есть это все-таки реальная для него женщина, но какая-то все же абстрактная.

– А про отца он спрашивает?

– Спрашивал, а как же. Как любой нормальный ребенок, особенно мальчик. Я объяснила, что его отец расстался с мамой задолго до его рождения и понятия не имеет, что он родился. На этом настояла его мама. До сих пор не знаю, правильно ли я поступила.

– Про погибшего летчика или полярника было бы хуже, – поддержал ее Антон. – И больней, когда бы мальчик узнал, что это фейк откровенный и его дурили всю жизнь.

– Я вот тоже так подумала, – вздохнула Аня, поделившись переживаниями: – Я Ромке стараюсь вообще не врать. Он такой необыкновенный человек, чувствует обман, вранье и ужасно негодует, если ловит меня даже на мелком обмане в благих целях. Сердится и требует: не обманывай меня, лучше мы по-честному во всем разберемся, – и разулыбалась, вспомнив сына. – А я уточняю: даже если я спрятала от тебя вредные конфеты, а ты спрашиваешь, есть ли они у нас? А он говорит, честно признайся: «Спрятала и не покажу куда», а я искать начну. И смеется: так-то и целый квест получится.

– А как он к вам обращается? Мамой называет?

– Когда совсем маленький был, называл мамой, ему это было обязательно нужно, я консультировалась со специалистами. Позже стал называть «мама Аня», он еще немного картавил тогда, и получалось смешно, какая-то «мамания», как в мультике про телка. Года три назад все чаще начал называть по имени, но и мамой зовет. Он

надо мной шефство взял как над совершенно технически неграмотным человеком. С техникой у меня и на самом деле дружбы как-то не получается и с электроникой тоже. А вот Ромка... Я его очень рано отдала в научный кружок, прямо с семи лет, у них там наставники серьезные, часто и ученые проводят занятия, а его научный руководитель – очень хороший человек. Главное, что он среди мужчин, это очень важно. Он уже решил, что будет поступать в военно-космическую академию Можайского. Стали узнавать, какие требования к поступающим, оказалось, что для того факультета, куда собрался Рома, обязательно нужна хорошая спортивная подготовка, лучше всего владение каким-нибудь боевым видом спорта, единоборством. Я понятия не имею, куда его отдавать и вообще что это такое. Нужно же обязательно найти грамотного тренера-наставника, а не просто какого-нибудь левого инструктора не пойми с каким дипломом. А как определить, кто хороший, кто нет?

– Я вам помогу, – как-то так спокойно, как о чем-то само собой разумеющемся, сказал Северов.

– Да вы что, Антон Валерьевич! – воскликнула Анята восхищенно и переспросила: – Что, правда?

– Правда-правда, – усмехнулся он ее горячности. – Вот встретимся с вашим Ромкой, я посмотрю его физику, прикину, в каком направлении ему лучше заниматься, а там решим вопрос.

– Спасибо, – прониклась она, – спасибо вам огромное, Антон Валерьевич.

– Пока еще не за что, Анячка, – все улыбался он ей.

Так и ехали: Анна подробно и обстоятельно расспрашивала и выясняла у Северова как у человека военного и знающего про академию, куда Ромка собрался поступать, спрашивала его мужское мнение, что и как лучше делать для мальчика, он терпеливо и подробно отвечал, объяснял.

И такой у них интересный разговор завязался, плавно перешедший на обсуждение общих перспектив и перемен в российской армии, которой ее ребенок собрался посвятить жизнь, а от этой темы спланировали на обстановку в мире в целом, коронавирус не минули обсуждением.

Разговаривали, обменивались мнениями и не заметили, как приехали в Питер. Северов довез Анну до дома на Васильевском,

высадил и даже проводил до дверей квартиры.

И у каждого закрутились дела, встречи на весь день, так что созвонились они лишь поздно вечером, подтвердив завтрашний отъезд в определенный час, и попрощались, пожелав друг другу спокойной ночи.

Спокойствия которой не сложилось ни у одного из них.

Закончив разговор с Анной, задумавшись, Антон остался стоять у окна, глядя на вечерний Питер, на подсвеченный купол Казанского собора, возвышающегося над крышами домов, и размышлял о том, как поразительно стремительно меняется его жизнь во всех ее аспектах.

Он на самом деле находился в законном отпуске, только приуроченном к ожиданию нового назначения на должность, а вместе с должностью и повышением в звании. Интересная предстоит работа. И очень сложная, ответственная, но, увы, уже не полевая, хотя Северов давно отошел от плотной работы с командой «в поле», но порой случались моменты, когда приходилось брать руководство на себя, возглавляя группу. А теперь все сплошь тактика и стратегия, штабное оперативное руководство и планирование.

Вот так.

И тут Анна...

В тот момент, когда уже ничего такого не ждал, спокойно принимая свою жизнь в тех реалиях, которые сложились, и вполне довольствуясь ими.

Да и что ждать-то? Сорок восемь и вся жизнь – только служба. Семью, жену-детей не нажил, хотя и пытался, но вот нет, не срослось...

Антон женился в восемнадцать лет, будучи курсантом второго курса военного училища, на девушке старше его на четыре года, с которой встречался пару месяцев, проводя увольнения и самоволки исключительно в ее постели, и которая однажды поставила его перед фактом беременности.

Женился, как порядочный человек, как воспитывали его отец с матерью и дед с бабушкой, рассудив про себя, что такого офигенного секса у него не было ни с кем и зачем искать что-то лучшее, когда есть великолепное. Ну а жена курсанту нужна по определению, чтобы скрашивать его дальнейшую службу.

Но с выстраиванием долгосрочных планов Антон явно погорячился. Как говорил его дед, цитируя кого-то из известных личностей: «Когда мужчина женится до восемнадцати лет, он женится не на женщине, а на своих фантазиях».

Вот уж точно, с фантазиями у Антона в то время все еще бушующего пубертата все было зашибись как здорово, и большую часть из них он благополучно осуществлял с молодой женой в постели, не задумываясь вообще ни о чем другом. Кроме учебы, понятное дело.

А тут как бы между делом в разговоре выяснилось, что Наталья вовсе не ждет ребенка, а придумала и имитировала свою беременность, потому что очень хотела выйти за него замуж, с оправдательной базой «люблю до страсти, не могу!».

Ладно, как-то так проехали этот момент на тормозах и даже посмеялись, лишь увеличив усилия в постельных утехах, ранее несколько сдерживаемых, чтобы не навредить ребенку. Ну, а если вредить некому, то и понеслась...

Следующим открытием для Антона оказалось, что вообще-то молодая жена не планировала никуда уезжать хоть за каким до страсти любимым мужем, настаивая, чтобы он и его родня как-то так устроили, заплатили, если надо, договорились, чтобы он остался служить в столице. Доходчивые, как Антону казалось, аргументы, что его служба не подразумевает сидения в столичных городах да и в любых других городах тоже, а ровно наоборот, подразумевает активные скрытые действия в полевых условиях войны и в основном на территории противника, на молодую жену не возымели ровно никакого впечатления.

Потом Северов сделал для себя следующее поразительное открытие, обнаружив, что Наталья, оказывается, не блещет особым умом, да и не особым не блещет тоже, а если честно, вообще откровенно туповата. Что разговаривают они с ней на разных языках, что у нее единственный и основной интерес в жизни – страсть к вещизму, шопингу, в те времена еще именовавшемуся покупками.

Много еще чего открыл тогда для себя удручающе удивившего в жене Антон и к выпуску из училища развелся, не мудрствуя и не пытаясь анализировать провал своей семейной жизни.

А так как их курс выпустился в начале девяностых, то они практически всем выпуском сразу же попали в разные горячие точки, кто куда, и там такое началось...

М-да... Ладно, не об этом. Жив остался, относительно цел и не инвалид, списанный подчистую, так это, считай, фортуна поцеловала. Далеко не всем так повезло из их выпуска.

Но его выдернули из всех кровавых заварушек и направили учиться в засекреченное заведение при известной академии. Учиться, помимо прочего, «работать в поле» и «на выезде». Вот точно не до амурных дел тогда было. К тому же то, что Северов холост, явилось одной из множества обязательных причин, по которой его выбрали в это заведение и особое подразделение из числа прочих кандидатов.

И началась служба. Не подразумевавшая никакой возможности для долгих ухаживаний за барышнями и длительных знакомств – короткий отпуск, который редко когда и отгулять-то полностью получалось, соскакивая раньше времени по срочному вызову, и вперед – на очередное задание.

А когда поднялся в званиях, регалиях и накопленном уникальном опыте, служба Антона стала чуть поспокойней, большую часть проходя в руководстве операциями из центра, без непосредственного личного участия в них «на местах», там уже и родители, особенно мама, начали массивную обработку сына на предмет женитьбы и долгожданных ими внуков, ненавязчиво напоминая ему про возраст.

Северов не имел ничего против семьи и женитьбы и не возражал, солидаризируясь с намеками родителей, да и на самом деле возраст уже серьезный, пора бы. Да вот только, пока он Родине служил, бегая под чужими и своими небесами, всех приличных ровесниц и умненьких да пригоженьких девушек чуть помоложе разобрали в жены.

Когда Северов был еще зеленым старлеем, их командир, отпетый бабник и лихой ходок, частенько говаривал после удачного свидания, довольный, как мартовский кот, победивший всех кошек в округе:

– Запоминайте, салаги: хорошая жена из рядового сделает генерала.

– А что ж вы сами, тарищ капитан, не женитесь? – подкалывали они его.

– Так я в генералы и не стремлюсь, не имею такой жизненной задачи.

Северов хоть и имел такую жизненную задачу, но пока ему приходилось решать ее самостоятельно, не прибегая к помощи хорошей жены-толкача к генеральским погонам. А поди ее найди!

Тут только как повезет. Ему вот не везло. Практически у всех парней из его группы и боевых друзей были крепкие семьи, прекрасные жены и дети. А вот он...

То какая-нибудь социальная цаца попадется с больши-и-и-ими жизненными ожиданиями и претензиями, у которой четкий планчик-список в голове имеется, где перечислено: кто и что и в каких количествах должен сделать для ее шикарной жизни. То представительница «офисного планктона» с горделивым «я старший менеджер», которая соскакивала, в прямом смысле, с Антона, торопясь ответить покупателю на звонок даже посреди ночи выдержанно-приветливым голосом.

Ухоженные, в требованиях современных модных тенденций, дамочки настораживали и откровенно веселили Антона своей внешней «оттюнингованной» похожестью. Вызывая не дающие ему покоя пару идиотских вопросов: «У барышни сделано лицо, губы-зубы, щеки, ресницы-брови, грудь, ягодицы, липосакция. И вот интересно: а какова была изначальная „заготовка“ для „скульптора“? И если ее потискать во время секса, ничего не останется у меня в руке?» И, ловя себя на этих мыслях, Северов совершенно неприлично начинал ржать прямо во время очередного свидания, а порой и его продолжения в постели.

Еще, что странно, по неизвестной Северову причине на него почему-то постоянно велись молодые совсем девчонки. И настойчиво так велись, не парясь и не морочась никакими ограничениями приличий, предлагая себя в подруги или в партнерши по сексу с прямолинейной откровенностью, игнорируя лишние условности.

Северов как-то сразу скисал, посматривая на этих фитоняш «я блогер про спорт и красоту, у меня зачетный блог, подпишись», или еще того не чище – бьюти-блогерш в прыщах, типа натуралес рулит, или на иных разнообразных певиц ЗОЖа и блогерш всех мастей.

И совсем уж впадал в кручину, когда представлял себе удручающую картину: молодую красавицу жену, которая пишет в соцсети: «Всем чмоки-чмоки в чатике, продолжайте без меня». На

этом месте грустный смайлик и далее текст: «Пойду побазарю со своим френдом, он у меня такой динозавр, предпочитает живой треп, нет бы в личку написал! Нормуль бы все обсудили. Ну, чмоки». И еще один смайлик тяжелой работы.

Но это все так, ворчание на тему, не более того. Может, стареет?

Он не святоша и не моралист ни разу – обычный живой мужик и отношения с женщинами складывались у него по-разному, да и женщины в его жизни случались разные. Ну не получилось чего-то серьезного, семейного, и что теперь? И так бывает в жизни.

Все ведь на самом деле просто – ты либо чувствуешь сразу, что это она, либо чувствуешь, что не она. И тоже сразу. И не важно, насколько тебе нравится женщина, насколько сильно она тебя заводит и привлекательна для тебя сексуально и даже насколько тебе с ней хорошо и комфортно, – это либо она, либо не она.

Кому-то и влюбленности достаточно, и прочных дружеских отношений, кому-то сексуального совпадения, кому-то простого житейского расчета, чтобы строить семью и жить вместе.

Ему – нет, недостаточно. И всегда было недостаточно.

Вот и все, как говорит его мама. Вот и все.

Анна промоталась весь день, переделав целую кучу дел, в том числе решая кое-какие вопросы по школе Ромы – скоро начнется учебный год, а они намеревались сидеть в «Озерном» до конца августа.

Уставшая, но удовлетворенная тем, что успела сделать все, что запланировала, вернувшись домой, она улеглась на диван, закинув ноги на валик, мысленно все еще куда-то торопясь, в суете, в делах, прокручивая в голове все сегодняшние встречи, разговоры, обдумывая, что надо прихватить с собой из вещей для Ромки.

Чувствуя, как постепенно отпускает напряжение и расслабляются мышцы, она начала подремывать совсем немного.

По-хорошему следовало бы перебраться в кровать, но это же надо встать, почистить зубы, умыться...

...какая-то мимолетная мысль, какая-то интересная идея промелькнула ярким росчерком у нее в голове, оставив после себя лишь ощущение чего-то очень важного, что следовало бы непременно сделать, что необходимо вспомнить. Чего?

Анюта аж взбодрилась, куда только вся дремота делась. Поменяла положение, резко сев на диване, напряженно пытаясь вспомнить, о чем она подумала, что это за шустрая мысль такая была?

Нет, не получается. Она посидела, расслабляясь, откинув голову на спинку дивана. Что-то она упустила, что-то интересное и очень важное...

И внезапно, повинувшись какому-то смутному, интуитивному, неподконтрольному порыву, не оформленной до конца мысли, Анна поднялась и направилась к кладовке, в которой хранилось множество вещей, сложенных и расставленных в определенном порядке, позволявшем легко находить нужное.

«Ну да, только в том случае, когда ты вспоминала об этом нужном не лет двадцать назад, когда даже при ремонте и новом обустройстве кладовки запикивала это самое позабытое „нужное“ в самый дальний угол вместе с ненужным», – ворчала про себя Анюта, встав на верхнюю ступеньку стремянки и ковыряясь в ящиках с тем самым «нужно-ненужным».

Вот, нашла! Достала она старую пухлую чертежную папку для хранения листов больших форматов. Аккуратно донесла до ванной, вытерла с нее пыль и только после этого вернулась в комнату. Положив папку на стол, отчего-то постояла над ней, не спеша открывать, словно не решаясь увидеть ее содержимое.

И осторожно, медленно, оттягивая момент, развязала завязки и открыла. Достала первый лист с портретом. Постояла, посмотрела и начала просматривать другие рисунки и вдруг замерла, достав очередной портрет, пораженно уставившись на сделанный ею когда-то давно, совсем позабытый рисунок.

Полночи Анюта не спала, пересматривая содержимое папки снова и снова, вспоминая, прокручивая в голове далекие события, те давние разговоры, чувства и эмоции. Так расчувствовалась, разволновалась, что решила что-нибудь испечь для умиротворения души и прагматичной цели ради – взять с собой в дорогу и порадовать Ромочку его любимыми вкусняшками.

Уснула только под утро, уставшая, опустошенная и довольная.

Как только Северов подъехал к подъезду ее дома, у него зазвонил телефон. Посмотрел на экран – Анна.

– Да, – ответил он.

– Здравствуйте, Антон Валерьевич, – поздоровалась та и попросила: – Вы могли бы подняться ко мне?

– Здравствуйте, Анечка, – непроизвольно улыбнулся он, услышав ее голос. – Иду.

– Проходите, пожалуйста, – встретила она его у открытых дверей в квартиру и предложила, когда тот зашел, закрывая за ним дверь: – Чай или кофе со слойками будете?

– Вы передумали ехать? – спросил Антон, сразу же почувствовав, что она напряжена и явно чем-то озабочена.

– Нет, что вы, – уверила его Анна. – Просто мне надо кое-что вам показать. Я думаю, если мы задержимся с выездом ненадолго, это же не сыграет решающей роли?

– Не сыграет, – согласился с ее предположениями Северов и спросил: – Аня, почему вы нервничаете?

– Это так заметно?

– Это заметно, – подтвердил он.

– Да, нервничаю, – призналась девушка и пригласила: – Идемте.

Антон вошел следом за девушкой в большую комнату, осмотрелся, рефлекторно откладывая в памяти все мелочи и детали, как делал всегда, попадая в незнакомое помещение. Аня жестом пригласила гостя подойти к круглому пустому столу, покрытому вязанной крючком скатертью, поверх дорогой парчи (что мимолетно удивило Северова, ему казалось, что Анна предпочитает несколько иной стиль в интерьере, хоть это и смотрелось весьма изысканно). Но это так, замочки для себя, детальки, дополняющие образ девушки и все то, что он уже о ней понял и почувствовал.

– Присаживайтесь, – предложила хозяйка.

Отошла на шаг к дивану, взяла с него большую чертежную папку и, замывшись на пару мгновений, словно решаясь на что-то, шагнула к присевшему на стул Антону и положила ее перед ним.

– Я хотела показать вам это... – сказала она, открывая папку, взяла лежавший сверху рисунок и протянула ему.

Увидев рисунок, Северов на какой-то миг окаменел, вглядываясь в портрет, который держал в руках, и желваки заходили у него на скулах.

– Кто рисовал этот портрет? – спросил он немного охрипшим от сдерживаемых эмоций голосом, заранее зная ответ.

– Вот еще... – протянула ему следующий рисунок Аня и ответила, когда тот взял лист у нее из пальцев. – Это я нарисовала. Давно. Очень. – И протянула ему еще один рисунок.

– Дед... – справляясь с эмоциями, тихо произнес Антон.

– Да, Константин Григорьевич, – кивнула Аня, протягивая ему еще один портрет. – Он очень любил вас, – печально улыбнулась она. – И ужасно переживал, что в столь страшное, разрушительное время вы находитесь на переднем рубеже защиты разваливающейся страны, умирающего строя. Переживал, что профессия, которую вы выбрали, смертельно опасна и зависит от руководящих вами командиров, среди которых попадаются не всегда честные и сильные духом люди, и обязательно найдется кто-то из таких, кто готов отдавать предательские приказы, разменивая жизни солдат и офицеров, будучи финансово замотивирован в ухудшении ситуации в стране и полном ее развале, став откровенным предателем или тупо беспринципно жадным. Он очень в вас верил и гордился, нисколько не сомневаясь, что ваша внутренняя нравственная и духовная сила не позволит вам выполнять преступные приказы. И переживал от этого еще больше, понимая все очевидные последствия такого решения. Я передаю его слова практически дословно, хорошо запомнила то, что он тогда говорил и часто повторял.

– Откуда вы его знаете? – спросил Северов, успешно справившись с эмоциями, вернее, прекрасно их контролируя.

– Мы были соседями по коммуналке, – пояснила Аня. – Вы меня, конечно, не помните, мне тогда было всего четырнадцать лет, такая худая, испуганная девочка. Я видела вас всего лишь два раза. Первый – когда вы долго сидели с Константином Григорьевичем в его комнате, о чем-то напряженно беседуя, а я приносила вам чай и пирожки. А второй – когда вы забежали к нему всего на полчаса между какими-то там командировками и были такой возбужденный, веселый, чем-то невероятно взбудораженный, а мы с Константином Григорьевичем готовили вместе на кухне. У меня фотографическая память, я запомнила вас, потом нарисовала портрет по памяти и отдала его Константину Григорьевичу. Он повесил его на стене в комнате и уверял меня, что он ему очень нравится, – и протянула Северову еще один листок, – вернее, два портрета. Этот показался мне менее удачным.

– Похож, – дернул уголком губ Северов, глядя на изображение своего молодого, улыбающегося лица.

– Константин Григорьевич был для меня очень родным и близким человеком, – призналась Анна. – В тот момент единственным родным и близким. Он спас меня в самом прямом смысле, спас мне жизнь. Когда мы встретились, я была маленькой, напуганной, совершенно потерянной девочкой, переживавшей ужасную трагедию, потеряв самых близких и родных людей. Мне было так страшно и так больно, что у меня в душе все кричало постоянно, без остановки от этой жуткой боли и страха. И никому до меня не было никакого дела. Константин Григорьевич сразу увидел и понял мое состояние и сумел обогреть, исцелить, взял под свою опеку и душевную заботу. Он напоминал мне дедушку Анисима: такой же светлый человек, с таким же неподражаемым, великолепным чувством юмора и искристой какой-то иронией. Он увлек меня новым интересным делом, заморозил рассказами об истории русского костюма и дал мне то, за что я смогла ухватиться всей душой и увлеченностью и выбраться из отчаяния. – Она замолчала, захваченная нахлынувшими воспоминаниями. Отвернувшись, торопливо смахнув неудержавшуюся слезинку.

Помолчала, выдохнула, снова повернулась к Антону, улыбнувшись сквозь грусть:

– Я его очень любила. Константин Григорьевич был мне по-настоящему близким человеком. И другом.

– Я вас помню, – произнес Северов ровным голосом, не окрашенным эмоциями. – Не узнал, конечно, вы сильно изменились, но я помню маленькую худенькую девочку с огромными зелеными глазищами. Да и дед про вас рассказывал с такой теплотой, сетовал на ваших родственников и все переживал за вас.

– Он такой был, да, – кивнула, улыбаясь, сдерживая вновь подкатившие слезы, Аня. – Переживал за всех родных и близких.

– Я могу это оставить себе? – спросил Антон, колыхнув листами, которые держал в руках.

– Да, конечно. Я часто рисовала Константина Григорьевича, у меня много его портретов. Выбирайте те, которые вам нравятся, я могу отнести их багетчику, с которым сотрудничаю, он сделает рамки, и вы сможете повесить их у себя, если захотите. А я попробую нарисовать в красках его портрет специально для вас, у меня есть много набросков

и портретов в карандаше, – и уточнила на всякий случай: – Если вы захотите, конечно.

– Спасибо, – проникновенно поблагодарил Северов, уверив: – Я захочу. Очень. – Перевел взгляд на рисунки в руках, помолчал и предложил: – Давайте поедем. А по дороге вы мне расскажете про деда. Хорошо?

– Хорошо, – согласилась Анна.

Пока ехали по городу, все молчали и молчали, каждый справляясь со своими потревоженными и неожиданно хлынувшими потоком воспоминаниями, а когда покинули пределы города и вырулили на нужную трассу, Аня, не ожидая просьб и напоминаний Северова, заговорила тихо, с ноткой печали, которую не могла сдержать, как ни старалась, отчего тон ее рассказа получился каким-то исповедальным:

– Я тогда не могла спать. Делала вид, что сплю, замирала и ждала, когда дедушка с бабушкой заснут. Выбиралась из кровати, одевалась в темноте и, взяв все необходимое для рисования, тихонько пробиралась из комнаты в кухню и рисовала за нашим кухонным столом. Во вторую такую мою вылазку меня и обнаружил Константин Григорьевич...

– Здравствуйте, милая девушка, – улыбнулся ей замечательной, очень доброй улыбкой незнакомый пожилой мужчина и представился: – Меня зовут Константин Григорьевич, я ваш сосед по этому беспокойному жилищу.

– Здравсте... – кивнула она и представилась: – Анна.

Подумала, встала, подошла и протянула ладошку для рукопожатия.

– Очень приятно, – пожал он предложенную тонкую ручку. – Вы что-то рисуете? Можно ли мне посмотреть?

Аня не торопилась отвечать, снова подумала, всматриваясь в лицо этого человека, и опять кивнула. Константин Григорьевич внимательно, вдумчиво и неторопливо рассматривал ее рисунки и вынес свой вердикт:

– Совершенно определенно, что у вас, Анечка, мощный талант и расположенность к живописи. – И спросил, хитровато прищурившись: – Хотите жареной картошки? Я делаю изумительную картошку, вам понравится.

– Хочу, – кивнула она в третий раз.

Так началась их дружба. Сразу. С первого же знакомства. Уже на следующую ночь Анна рыдала, уткнувшись лицом в его теплую домашнюю куртку, выплакивая свое горе, свою беду и страшное одиночество, рассказывала про любимую Мусечку и деда Анисима, про свою пропавшую счастливую жизнь. Он слушал, гладил по головке, утешал и тайком от нее вытирал собственные слезы горячего сочувствия и жалости к этому одинокому страдающему ребенку.

Константин Григорьевич был ученым-историком, доктором наук, профессором, преподавал студентам в университете. Мудрец, масштабная личность, мыслитель, философ, обладавший глубочайшими знаниями и поразительной эрудицией, очень чуткий, тонко чувствующий. Он стал для Анечки самым близким и родным человеком, ее спасителем и наставником, учителем и другом, снова наполнив жизнь девочки смыслом, интересом, новой целью, идеей и радостью бытия. И познакомил с прекрасными людьми, той научной группой, что занималась историческим костюмом и которую он возглавлял.

Когда Анна однажды спросила его, почему он, такой важный человек, живет в коммуналке, он ответил:

– Я за самостоятельность жизни. Когда мой сын женился, я принял решение, что им необходимо уединение и возможность самим строить свою жизнь. Поэтому мы разменяли нашу большую квартиру на отдельную двухкомнатную и вот эти две комнаты, хоть дети и сопротивлялись, и отговаривали меня, – и подмигнул ей: – Но я не стал им признаваться, что хочу не их, а своей полной самостоятельности.

– Но полной... – обвела красноречивым взглядом кухню, заставленную газовыми плитами и кухонными столами Аня, – ... самостоятельности здесь?

– Да, здесь. К тому же мое положение в социуме все-таки позволяло мне в те времена иметь некоторые преференции, и мое руководство добилось специального разрешения: в одной из двух моих комнат отгородили угол и устроили там отдельный клозет и душевой закуток.

И Анна, разглядывая его пораженным взглядом, принималась хохотать, ужасно радуясь такому повороту:

– Вы всех обманули, правда?

– Правда, – улыбался он своей мудрой улыбкой.

– Он как-то сразу понял, что я не только спать, но и есть не могу, и принялся подкармливать меня, а чтобы я не додумалась о его истинных мотивах, обличил это в форму нашей общей тайны, заговора, потому что есть ночами вредно для здоровья, – погрузилась Аня в картины прошлого, улыбаясь воспоминаниям. – Константин Григорьевич резал картошку такими одинаковыми брусочками и жарил ее на специальной старинной чугунной сковородке на сале. И она получалась такая невероятно прекрасная: золотистая, хрустящая сверху и мягкая внутри. Он мелко нарезал стрелки зеленого лука, перемешивал его со сметаной и выкладывал поверх горячей картошки, – она посмотрела на Северова искристым взглядом, признаваясь: – Никогда я не ела такой вкусной картошки. Вот никогда. Сколько ни пыталась сама повторить весь процесс, сколько ни пробовала у других кулинаров и в ресторанах, такой замечательной картошки больше не было в моей жизни. Наверное, она была волшебная.

Аня замолчала, перевела взгляд вперед, на стелющуюся под капот машины дорогу, и продолжила рассказ:

– При расселении Константин Григорьевич выбрал себе квартиру на Васильевском острове. И когда я вернулась жить в квартиру Мусечки и дедушки, то выяснилось, что от меня до его дома всего три остановки или пешком двадцать минут. Я что-нибудь пекла и прибегала к нему вечерами или в выходной, когда могла выкроить время, показывала свои работы, рассказывала про учебу и слушала, слушала, слушала. Константин Григорьевич был поразительным учителем и наставником. Уникальным педагогом. Он очень многому меня научил.

Как-то я застала его растревоженного до невозможности, ужасно расстроенного, испугалась, думала, с ним что-то случилось, заболел. А оказалось, что не с ним, а с вами. Он объяснил, что ваша группа пропала без вести, выполняя какое-то там задание, и командование оповестило родных, видимо решив, что вы все погибли. Константин Григорьевич тряс кулаками и громко возражал невидимому оппоненту: «Не-е-ет, уважаемые, у моего внука не тот характер, не та закваска, чтобы просто так, зазря погибнуть и ребят своих положить на какой-то вашей говенной войне». Я спросила его тогда: если война говенная, то за что тогда воюет Антон? А он ответил: «За все хорошее в этой стране

против всего плохого». Идеалист, но самый замечательный идеалист. И отчего-то кажется мне, что он имел основания на этот свой идеализм. Вот так он в вас верил.

Она резко замолчала, отвернувшись, глядя в боковое окно на пролетающий мимо пейзаж.

– Когда у Константина Григорьевича обнаружили ту страшную болезнь, я все никак не могла в это поверить, – не повернув головы, продолжила Аня. – А он все посмеивался и успокаивал меня, говорил: «Не кручинься, Анюточка, и не такое побеждали...»

У нее перехватило горло, и она замолчала, справляясь с нахлынувшими эмоциями.

Северов, посмотрев на отвернувшуюся к окну девушку, свернул к обочине, остановил машину, включив аварийку, достал бутылку воды из держателя и протянул.

– Спасибо, – приняла она благодарно воду, попила и, возвращая бутылку, посмотрела на Антона, – я была у него в больнице. Он говорил уже с трудом, но продолжал улыбаться, бодрился и успокаивал меня, когда я не смогла сдержать слез, и шутил, что намерен отправиться в специальный рай для ученых, в котором ему откроются все тайны истории человечества, и будет это для него абсолютным счастьем. – Она помолчала. – Было заметно, что ему тяжело говорить, он устал и закрыл глаза. Я начала осторожно подниматься со стула, чтобы не потревожить его и уйти, а он вдруг открыл глаза, посмотрел на меня и сказал странную фразу, я запомнила на всю жизнь: «Анечка, ты Антону потом скажи, чтобы не корил себя, что не смог быть на моих похоронах. Не это важно. – И улыбнулся такой слабой, светлой улыбкой: – Мне, знаешь, Анечка, повезло иметь такого внука. И такую внучку», – и пожал мне руку. Еле-еле, насколько у него еще хватило сил, но пожал. А через несколько часов он умер.

Северов смотрел, смотрел в эти ее зеленые глаза, наполненные слезами, остановившимся взглядом, и желваки ходили у него на скулах, и вдруг распахнул дверь, выскочил из машины и прошел вперед пару шагов по обочине.

Аня не кинулась за ним, смотрела через лобовое стекло, как он стоит чуть склонив голову, зажимая двумя пальцами глаза, справляясь с нахлынувшими чувствами, смотрела и, потихоньку отпуская печаль и

сердечную тихую скорбь, только сейчас в полной мере осознала, что тогда сказал ей Константин Григорьевич.

И неожиданно заспешила, зашарила рукой, нащупывая ручку, непривычно расположенную в этой необыкновенной машине, нашла, открыла дверцу, спрыгнула с высокого порожка, торопливо подошла к мужчине, замершему на месте, положила ладошку на его руку и попыталась приободрить:

– Я тогда совершенно не поняла, почему он мне это сказал. Как я могу вам что-то передать? Каким образом? Я вас не знаю и понятия не имею, где можно вас найти. И решила, что это он просто уже заговаривался перед смертью. Но я не могла что-то не сделать для него. Не могла, понимаете? Знала, что он любил гвоздики, посмеивался, когда признавался в этом, говорил, что его испортила советская власть с ее революционной атрибутикой.

Северов посмотрел на девушку нечитаемым странным внимательным взглядом.

– Так вот, – продолжила она. – Я купила большой букет гвоздик, все, что были в цветочном ларьке, и траурный креп и написала на ленте: «От любящего внука, которому необычайно повезло иметь такого деда». Не знаю почему, но мне захотелось написать именно так. На похоронах я стояла в стороне и смотрела, не хотела подходить и что-то объяснять, кто я ему и почему пришла. А когда все разошлись, подошла к могиле, поговорила с ним и положила от вас ему эти гвоздики, а сверху ленту.

Антон смотрел, смотрел на нее и вдруг притянул к себе, обнял и уткнулся лицом в ее макушку. Вот так и стояли. Молчали. Долго.

Шумно втянув в себя воздух, Северов отпустил девушку, посмотрел на нее и спросил:

– Ну что, поехали?

И только проехав где-то с километр, заговорил:

– Я с мамой по телефону разговаривал, а она говорит: «Спасибо, сынок, деду было бы очень приятно такое признание от тебя». Я не понял, спрашиваю, о чем ты? Она рассказала про гвоздики и надпись на ленте, я, говорит, подумала, кто-то из твоих сослуживцев от твоего имени пришел и возложил. Мы потом все гадали с родителями, кто же мог это сделать. И почему-то никто даже не подумал и не вспомнил о

его маленькой подопечной. А ведь он вас любил и часто о вас рассказывал.

– Знаете, как ни удивительно, но за все годы нашей дружбы с Константином Григорьевичем я ни разу не столкнулась и не пересеклась с вашими родителями. И видела их лишь на похоронах, и то издалека, – объяснила Анна и усмехнулась, – зато тетушка Александра была знакома с Константином Григорьевичем и, можно сказать, даже дружна. Когда в очередной свой приезд она узнала, что какой-то взрослый человек принимает живое участие в моей судьбе, она напряглась и изъявила желание немедленно познакомиться с ним. Ну они и познакомились и поболтали целую ночь у него в комнате, а к утру стали прямо друзьями и относились друг к другу с большой теплотой и глубоким уважением. Уверена, тетушка сильно впечатлится, когда узнает, что вы внук Константина Григорьевича.

– Тесен мир, – усмехнулся Северов и поблагодарил ее легко и светло, от души: – Благодарю вас, Анечка, за все. За деда, за гвоздики и ленту и надпись на ней. И за рассказ. Я ваш должник.

– Ничего подобного, – возразила она. – В таком случае я тоже ваш должник, потому что мне посчастливилось быть с ним рядом, может, даже на вашем месте. Ну, не совсем на вашем, но в ваше отсутствие. Вы знаете, Антон Валерьевич, мне ведь в жизни необычайно везло с людьми, – с воодушевлением заявила Анна. – У меня были совершенно необыкновенные бабушка Муся и дед Анисим, потом появился ваш дедушка Константин Григорьевич, а потом Ромка. И всегда, всю мою жизнь где-то на заднем плане находилась тетушка Александра. Почти мистически появляясь в самые трудные, переломные моменты моей жизни и помогая. Она ведь не жила в Питере долгие годы и большую часть времени вообще находилась за рубежом, приезжая в Питер только короткими наездами. Вот так.

Всю дорогу они говорили о Константине Григорьевиче, рассказывая друг другу интересные истории, связанные с ним, каждый свои, уже без сердечной тоски и боли, прошедших очищающим эмоциональным потоком через каждого, в чем-то исцеляя и врачуя, оставив лишь легкую светлую печаль, и смеялись, вспоминая его шутки и словечки.

Попустило обоих. Просветлело что-то внутри.

Сдерживая улыбку, опершись бедром на бампер машины, Северов наблюдал, как мальчик Роман стоически переносит восклицания радости, бесконечные поцелуи и объятия Анны, стараясь при этом откровенно не морщиться.

– Может, ты меня ужепустишь? – поинтересовался мальчик.

– Не могу, – радовалась Аня встрече с ребенком. – Мне хочется тебя затискать, зацеловать, заобнимать не знаю как!

– Мам, – предупредил строгим тоном мальчишка, – держи себя в руках. Пацаны смотрят, и вообще, ты же понимаешь.

– Ладно-ладно, – пообещала Анна, торопливо отпуская сына, и представила Северова: – Ром, это Антон Валерьевич, сосед тетушки Александры по поселку.

– Тот, что над озером с таким необычным домом? «Летучий голландец»? – вспыхнули у пацана интересом глаза.

– Да, – подтвердила Аня, слегка смутившись.

– Здравствуй, – протянул руку Ромке Северов и спросил, придерживая маленькую ладошку: – Ничего, если я сразу на «ты»?

– Здравствуйте, я Роман, – представился мальчик. – Но вы, наверное, уже знаете. И на «ты» будет нормально.

– Договорились, – согласился Антон, еще разок легонько тряхнул руку парня, закрепляя договор, и спросил: – А почему «Летучий голландец»?

– Ну никто не видит, как вы появляетесь в поселке и как исчезаете, весь такой таинственный. Вы ведь всегда мрачный, суровый, ни с кем не разговариваете, смотрите угрюмо. Такой пугающий, – пояснил мальчик. – Вот мама вас и назвала «голландцем», – и тут же переключился на более интересную тему: – Это ваша машина? Военная?

– Да, – отступив на шаг от машины, повел Северов широким жестом руки, разрешая ребенку осматривать свое транспортное средство.

– Ух ты... – восхитился мальчишка, обходя машину вокруг, трогая, постукивая, заглядывая в окна, рассматривая.

– Антон Валерьевич любезно предложил свою помощь, чтобы забрать тебя из лагеря, – объяснила Анна.

– Спасибо, – кивнул Ромка, которому было совершенно не до церемоний и хороших манер.

Еще бы! Как и за ним, многие родители приехали за детьми на своих машинах, а тех ребят, за которыми не смогли приехать родственники, отвезут в Питер на автобусе. И вот вся эта толпа, ожидавшая разрешения на отъезд, скопилась на площади перед воротами в лагерь, и тут вдруг вырывается вот этот чудо-джип. Все рты пораскрывали, офигев от такого крутяка, а этот хищный красавец медленно так подрулил к их отряду, и из него выскочила мама Аня и кинулась к Ромке. Ваще полный отпад!

И без того немалый авторитет Ромки скакнул сразу на несколько пунктов вверх, перейдя все планки, поставив рекорд среди ровесников. Так что обходил и изучал машину он не один, а в компании мгновенно присоединившихся к нему друзей по лагерю, как только Северов разрешил осмотр.

Все эти пацанские дела и расклады прекрасно понимал Антон, поэтому и придержал тихонько за руку Аню, рвавшуюся общаться с сыном, по которому ужасно соскучилась.

– Давайте пока я, – предложил он. – Поговорим о машине с парнями, Ромке будет приятно и рейтинг его поднимет.

– Да-да, – даже как-то испугавшись, что чуть не испортила сыну триумфальный момент, сразу же согласилась Анна. – Рейтинг – это очень важно, – и вдруг спросила, сообразив как-то в момент: – Вы знали, что так будет, да? Ну в смысле, когда предложили отвезти, знали, что мальчишки западут на вашу машину?

Северов не ответил, лишь хмыкнул в своей обычной манере, чуть дернув уголком губ.

– Ну, ладно, идите, – засмуцалась отчего-то Аня, отпуская его, махнув рукой.

Вокруг необычного джипа быстро собралась толпа не только пацанов, но и кое-кого из взрослых. И, пока Анна улаживала формальности, подписывала документы о передаче сына с рук администрации на ее материнские руки, Северов отвечал на многочисленные вопросы «экскурсантов», но достаточно многие из них оставлял без ответов, отсекая простым: «Закрытая информация». За кого его приняли, непонятно, он-то представился частным приобретателем этого чуда техники у военных, но машина и ее хозяин совершенно определенно произвели на любопытных неизгладимое впечатление.

И когда наседавших любопытных стало слишком много, Антон, подмигнув подошедшей к ним Анне, сразу же сообразившей, что что-то он затеял, как бы незаметно чуть склонился к Роману и спросил заговорщицким шепотом:

– Как думаешь, они достаточно насмотрелись? Можем ехать?

– Ага, – тихо ответил Ромка, сразу же въехав в задумку и поддержав игру.

– Тогда на счет три, – предупредил Антон.

– Угу, – сообразил Ромка.

– Раз, – начал отсчет Северов.

– Ну, все, пока! – торопливо произнес Ромка и махнул своим друзьям: – Спишемся!

– Два, – продолжил счет Антон.

Коротким кивком он указал Анне на машину, и они втроем как-то быстро и практически синхронно, словно давно слаженная команда боевой машины, распахнули двери и забрались в салон.

– Три, – закончил счет командир.

Они втроем хлопнули одновременно дверьми, и джип сорвался с места.

– Класс! – хохотал Ромка, глядя в заднее стекло на ошарашенные выражения лиц, оставшихся сзади людей. – Мы так «раз», и все втроем в машине, «два» – и двери так хлоп все вместе! И ходу, ходу. Как в боевиках спецназеры!

Тут уж Анна с Антоном не удержались его чистейшему мальчишескому задорному веселью и захохотали следом за ребенком.

– А что, и вправду «закрытая информация»? – спросил Рома, сунувшись вперед с заднего сиденья головой между спинок передних кресел.

– Кое-какая да, закрытая, – подтвердил Северов. – Но тебе я могу рассказать более подробно про мой вездеход.

– Ведехо-о-о-од... – протянул совсем уж обалдевший пацан. – Вы же говорили «специальный разведывательный транспорт».

– Совершенно верно, в том числе с повышенной проходимостью и способностью к преодолению водных преград. А ты как думал, – глянул на него Северов, посмеиваясь. И повторил с нажимом: – Специальный и разведывательный.

– Крутя-я-як, – терялся от восхищения Ромка.

И принялся расспрашивать, переспрашивать, уточнять, задавая массу вопросов. Северов охотно отвечал, вдавался в детали, если мальчишка просил, а Анна слушала их разговор, улыбалась и просто купалась в теплой радости, царившей в ее душе, поглядывая на возбужденного Ромку и спокойного, невозмутимого мужчину.

Очнулась, только когда внезапно сообразила, что разговор между Ромкой и Северовым каким-то странным образом перешел к ее персоне.

– Вы маму про интернет не спрашивайте, – ответил на какой-то вопрос мужчине Ромка и, посмотрев на удивленную мать, объяснил уже ей: – Антон Валерьевич спрашивает, видела ли ты в «Ютубе» ролик про маленькие разрисованные под хохлому машинки.

– А-а-а, – сообразила Аня. – Нет, не видела.

– Она у меня ужасно несовременная, – разъяснял неосведомленность матери Ромка. – Это потому, что ее воспитывали прабабушка с прадедом, а это совсем уж глухое ретро. Вы обратили внимание, как она разговаривает? Теть Саша называет маму «смолянкой». Сленга не использует и не сечет в нем практически. Ни в каких соцсетях не сидит, новостные ленты не смотрит. Лайки в ее понимании – это собаки такие, а хайп – неприличное слово. Не хайпится, не инстаграмится, не чатится с подругами.

– Не делаю этого совершенно осознанно, – подтвердила Аня и пояснила свою точку зрения: – Мне не хочется и не нужно такого агрессивного внедрения в мою жизнь, в мое сознание непонятной информации. Парадоксально, но то, что было создано и придумано для облегчения жизни – Интернет, социальные сети, гаджеты, одни других краше и мощней, – на самом деле усложняет и уплотняет нашу жизнь, лишая ее как таковой. Например, мне, чтобы заниматься своей работой, требуется полное погружение в творчество, в мое внутреннее видение. И, если начнут пикивать эсэмэски и сообщения в сетях или звонить телефон, это гробит все мои тонкие настройки и губительно отвлекает. Речь не только обо мне, а о любом человеке, увлеченном каким-то делом, он теряет ритм, течение мысли, ее энергию, когда его так грубо выдергивают из этого состояния. И потом, когда активно общаешься в сетях, тратишь чудовищное количество времени впустую: надо ответить непонятым друзьям и знакомым, прочитать кучу каких-то невменяемых новостей, просмотреть столько же

выложенных постов и фоток, заценить, отметить, что-то там начирикать типа «очень-очень-очень круто, ты лучшая» и прочую фигню. И самому постоянно выкладывать хоть что-то, высказывать свои «глубокие» мысли, лишь бы отметиться. При этом докладывая всему миру подробности всей своей жизни, своих личных дел, отношений. Мне это кажется бредом. Вы же не подходите к незнакомцу на улице и не начинаете рассказывать тому, что вы сегодня ели, как спали и с кем, когда у вас отпуск и какая сволочь ваш начальник, сопровождая свой рассказ фотками в телефоне. Какое-то всеобщее помешательство. Я очень занятой человек, чтобы растрачивать свое время, свои душевные силы и способности на эту ерунду.

– Вот-вот, – подхватил Роман, – я же говорю: несовременная ни разу.

– Я не пойму, – посмотрел на него Северов, – ты критикуешь или уговариваешь маму сменить свою точку зрения?

– Ни то ни другое, – ответил ему веселым взглядом Ромка. – Мне нравится, что она у меня такая исключительная. Талантливая художница, творческий человек. Вы видели ее вышивки? Это ж зашибись какая заморочка сложная. Она ж часами сидит над ними, мурлычет что-то, выпадая напрочь из жизни, как медитирует. И такую красоту создает из ма-а-а-алюсеньких стежочков. К тому же пользу соцсетей пока никто не доказал, а про вред уже прямо со всех сторон трезвонят. Это я вас, Антон Валерьевич, так предупреждаю, что с Аней можно списаться только по «Вотсапу», и то не факт, что она ответит. Когда мама работает, она выключает звук телефона и вообще смартфон убирает.

– То есть в Интернете вы никак не присутствуете? – спросил Антон у Анны.

– Ну почему, – пожала она плечами. – Не такая уж я и отсталая и пропащая для современных технологий. У меня есть официальный сайт, который мне сделали замечательные специалисты, я все-таки индивидуальный предприниматель. И его ведет один парень, за плату, разумеется. Там размещен каталог моих работ, контакты для заказчиков, там же выставляются на продажу работы и освещается участие в выставках и проектах. А в «Инстаграме» девочка одна дублирует то, что на сайте, но подает более оперативную информацию:

кто и что купил, выкладывает каждое мероприятие, если в нем участвует хотя бы одна моя картина или вышитое изделие, а таких достаточно много. А если мне требуется что-то сложное сделать или отыскать в Сети объемную информацию, у меня для этого есть Рома, он мне всегда помогает.

– Вот! – радовался чему-то Ромка. – Я же говорю, она у меня иная. Хорошо, у нее друзья тоже художники и историки, они все немного не от мира сего, а обычные люди не очень понимают такую ее несовременность.

– Знаешь, Ромка, ты тоже не совсем обычный двенадцатилетний мальчик, – напомнила сыну Аня. – В электронике и робототехнике разбираешься на уровне специалиста, математику и начертательную геометрию освоил уже до программы восьмого класса и физику с химией подтягиваешь к этому уровню. И в стрелялки практически не играешь, вообще в компьютерные игры редко режешься. Где ты сейчас таких мальчиков видывал? Да и Антон Валерьевич тоже человек таинственный и загадочный, его наша Бибиси вообще считает бандитским паханом, а дом его – бандитским притоном, уверяя, что в нашем поселке разбоя нет, потому что паханы у себя дома не шуруют. – И помолчала пару минут, задумавшись о чем-то. – Знаете, однажды Константин Григорьевич сказал мне поразительную мысль, что «самым странным, отвергнутым и непонятым человеком на земле был Иисус Христос». Иногда я себе об этом напоминаю. Так что если я странная, то можно считать, что я в хорошей компании.

– Вот я сейчас точно в хорошей компании! – рассмеялся весело Ромка.

– И я! – присоединился к нему Северов.

– И я! – рассмеялась за ними и Анна.

И принялись обсуждать, кого бы они еще пригласили в их компанию странноватых личностей, смеясь от души над разными кандидатурами типа Чарли Чаплина и Гарри Поттера, а потом, меняя тему, Антон спросил у Ромки:

– Как я понял, ты очень талантливый парень.

– Да, я такой! – все веселился Ромка.

– Мама говорила, что в лагере у вас собралась команда талантливых ребят и вы что-то изобретали и мастерили? – плавно перевел тему на мальчика и его интересы Антон. – Расскажешь?

– А вам интересно?

– Очень, – заверил уверенно Северов.

Ромка принялся что-то объяснять с большим воодушевлением, сам увлекаясь собственным рассказом. Анна смотрела на него, размахивающего руками, сверкающего глазами, пояснявшего ход своих рассуждений, и чувствовала бесконечную благодарность этому мужчине за его понимание и чуткость по отношению к ее ребенку.

По дороге они проезжали один из поселков, Анна обратила внимание на самодельные угловатые прилавки у дороги, за которыми торговали бабульки местными дарами природы, и попросила Антона остановиться. Пообещав, что она быстро, прихватив кошелек, Аня выскочила из машины и направилась к рядам посмотреть, чем торгуют, что предлагают, и прицениться. Ну и Антон с Ромкой решили воспользоваться случаем и вышли следом за ней из машины. Северов поприседал, покрутил корпусом, сделал несколько наклонов назад-вперед, разминая затекшую спину, а Ромка стоял, смотрел на него и неожиданно спросил:

– Вы клеите мою маму?

– Ты знаешь, что такое «клеить»? – посмотрел на него Антон, дернув уголком губ, придерживая улыбку.

– Дети знают все, – со снисходительной усталостью просветил его Ромка, – а большие дети знают вообще все. Я большой деть, я практически уже подросток в пубертатном периоде, – и подтвердил свои знания: – Клеить – это значит раскручивать девушку на секс.

– Нет, – уверенным, четким тоном заверил его Северов. – Я не клею твою маму. Я отношусь к Анне Александровне очень серьезно и с большим уважением.

– Но она вам нравится? – прояснял для себя мальчик.

– Она очень мне нравится, – так же серьезно и искренне признался Антон.

– Тогда ладно, – кивнул Ромка, что-то там для себя прояснив и решив.

– А если бы я признался, что клею? – посмотрел на него изучающе Северов.

– Я бы вам не позволил, – ответил ему строгим взглядом в упор пацан. – Даже если бы вы изводили меня как-нибудь и убирали бы с

пути, – и внезапно задорно улыбнулся. – Но вы бы так никогда не сделали.

– Откуда такой вывод?

– Потому что Аня могла согласиться приехать за мной и познакомить со мной только человека, которому доверяет. А в людях она не ошибается.

– Все ошибаются, – качнул головой Антон, но довольный такой наивной уверенностью ребенка. – Люди так устроены, что всегда скрывают темные стороны своей натуры. И самые удачные мошенники, аферисты и серийные убийцы, как правило, милые, обаятельные люди, кажущиеся совершенно неопасными.

– А вы разве не знаете про ее дар? – подивился Ромка.

– Какой дар?

– Ну, это вам лучше спросить у нее самой, – пожал мальчишка плечами. – Я так толком и не разобрался, как он работает и при каких условиях. Но мама может видеть и чувствовать настоящую скрытую суть человека. И нарисовать ее, – и поделился впечатлением: – Неприятные, скажу вам, картинки. Видел я парочку портретов мерзавцев, которых она нарисовала. Бр-р-р, – и вздохнул озабоченно, поделившись опасениями: – Но я все-таки переживаю, что даже эта способность ее не защитит, иногда она такой прямо наивняк голимый, что офигеваешь. Глаз да глаз за ней нужен, – и произнес солидно: – Приглядываю как могу.

– А ты в курсе, что твоя мама ужасно переживает, что недодает тебе мужского воспитания? – хмыкнув, спросил Антон.

– Да-а-а, знаю, – отмахнулся пацан. – Это у нее навязчивая идея такая, что без мужского воспитания из меня не вырастет настоящий, крутой перчуган, мужчина, способный брать на себя ответственность.

– На мой взгляд, – как бы между прочим заметил Северов, – у нее уже получилось воспитать будущего настоящего мужчину получше, чем у многих крутых перчуганов.

– Да? Вы думаете? – спросил Ромка, старательно делая вид, что не сильно-то заинтересован его мнением.

– Почему-то я в этом уверен, – не стал убеждать его Северов. – Но поживем – увидим.

– Я купила белых грибов, – подошла к ним довольная покупкой Анна, – просто замечательные: крепенькие такие, не червивые, я

сделаю с ними потрясающие слойки и царский грибной суп.

– Ну что, поехали? – наддал оптимистических ноток Северов.

В «Озерное» приехали поздно вечером. Антон довез Аню с сыном до дома Александры Юрьевны, помог перенести вещи, но от приглашения отужинать вместе отказался, сославшись на дела, и, откланявшись, уехал к себе домой, перед этим стойчески выдержав благодарственную тираду Анны.

– Антон Валерьевич, огромное, громадное вам спасибо за то, что вы все так поняли про Ромку и так замечательно придумали с этой своей машиной и что вы так общались с ним, за...

– Так, стоп, Аня, – остановил он ее. – Я получил большое удовольствие от поездки и от общения с вашим Ромой и с вами. У вас замечательный парень.

– Да? – словно осветилась она изнутри от радости. – Я в этом уверена, но я необъективна.

– Спокойной ночи, Анечка, – попрощался Северов и уехал.

Встречали вернувшихся громко, радостно: обнимались-целовались и, невзирая на довольно поздний час, усадили немедленно за стол, сервированный под праздничный ужин, приготовленный Леной по столь важному поводу – объединению их маленькой семьи.

За ужином тетушка поведала о новостях по делу о «находке из леса», как она деликатно назвала убитого. Как и предрекала Александра Юрьевна, районную следственную бригаду во главе с майором Крапко сменила вызванная срочным порядком областная бригада, руководимая так же майором по имени Марков Михаил Анатольевич, с которым познакомилась тетушка Александра, лично посетив правление вчера утром, чтобы предупредить об отъезде племянницы.

– О как, – восхитилась Аня весело. – «Маршал Ким Ир Сен выезжает руководить на места».

– Ну, где-то так, – невозмутимо согласилась с данной оценкой Александра Юрьевна.

Так вот. «На местах» тетушка, как и положено при ее статусе, навела шороху, а ее обаяние и выдающиеся способности виртуозно манипулировать людьми, когда у нее возникала в том необходимость, позволили Александре Юрьевне легко и не напрягаясь получить всю имеющуюся информацию по заведенному уголовному делу.

И первым порядком ей доложили, что удалось установить личность убитого. Это некий Всеволод Барковец, сорока лет от роду, известный мошенник, проходивший несколько раз по уголовным делам как в качестве подозреваемого, так и свидетеля, по одному из которых был признан виновным и получил условный срок. Многопрофильный парнишка, не гнушавшийся любым необременительным заработком, например подрабатывая проститутотом, пользуясь богатыми старухами, и альфонсом, обобравшим нескольких женщин, ну и сутенером при случае.

Майору Маркову удалось провести опрос жителей поселка, далеко не всех, это понятно, но кое-какой обслуживающий персонал он таки сумел порасспросить. Получив ордер, проверил записи с камер видеонаблюдения, установленных как на домах-заборах жителей, так и на охватывающих территорию заборов, по периметру поселка и калитках в нем. И ничего. Барковец в поселке не был замечен, через пункт охраны точно не проходил и не проникал никаким иным образом. Хотя по ходу проверки выяснилось, что на двух калитках, ведущих в лес, и кое-где на самом заборе камеры не работают, точнее, на одной картинка размыта, а сама камера вывернута куда-то вбок, вторая не работает совсем. Да и не на каждом участке исправно работали камеры наблюдения.

Осмотрели основные места, на которых любят останавливаться дикие туристы, в нескольких километрах от поселка, но после двух дождливых дней никаких свежих следов, понятное дело, невозможно было обнаружить. Нашли машину Барковца, оставленную в ближайшем населенном пункте, в пяти километрах от «Озерного». Ведут опрос друзей-знакомых убитого, но в этом направлении пока ничего интересного не выяснили.

Так что хоть версия о залетных «туристах» стала основной, но полностью возможной причастности к преступлению кого-либо из поселковых следствие пока не отмечает.

Ромка, которому Аня с Антоном рассказали о ее «находке», замучивший их своими бесконечными вопросами и версиями, принялся донимать тетюшку Александру, выспрашивая подробности, но она быстренько остудила горячее юношеское любопытство:

– Все, Роман, на сегодня обсуждения закончены. У меня нет никакого желания погружаться в подробности этого преступления на

ночь глядя, – и переключила пацана на всегда интересные ему дела: – Скажи-ка мне лучше, у вас все-таки получился тот робот-прыгун, над которым вы с парнями ломали головы? Вот это мне невероятно интересно.

И Ромка, мгновенно позабыв про какие-то там бесхозные трупы, валяющиеся по лесам, обнаруженные матерью, увлеченно и страстно принялся рассказывать про их с друзьями работу над роботом.

Анна проснулась, как уже стала привыкать за время отпуска, проведенного здесь, совсем ранним утром. Даже еще и не совсем утром, а скорее его предтечей – только-только начинающим светлеть краем чистейшего неба, обещавшего великолепную солнечную погоду впереди, без каких-либо дождей и сырости.

Она вышла на балкон, с удовольствием потянулась, позевала, вдохнула глубоко чистого прохладного воздуха, наполненного смолистым ароматом, сделала какие-то вяловатые махи руками, слабое подобие физических упражнений. И собралась уж было нырнуть обратно в комнату от ощутимой утренней прохлады, пробиравшей через легонькую коротенькую ночную рубашечку, когда боковым зрением вдруг заметила непонятное движение, не вписывающееся в тишину и полное безлюдье предрассветного часа.

Подошла поближе к балконному ограждению, присмотрелась в ту сторону, где мелькнуло что-то непонятное... Ну да, вон снова движется, поднимаясь по тропинке в гору, человек. Жаль, далековато, плохо видно. Интересно, кого это понесло в такую рань куда-то из поселка? Э-эх, посмотреть бы поближе.

Так, выстрелила из памяти нужная мысль, напомнив о...

– А где он у нас? – спросила Аня саму себя, заскочив в комнату и торопливо зашарив в нижнем ящике комода. – Ага, вот! – обрадованно вытащила и потрясла она биноклем и побежала назад, на балкон.

Как-то года три назад Александра Юрьевна подарила Ромке бинокль, просто так: увидела в магазине и подумала, что мальчику будет интересен настоящий большой военный бинокль. Мальчику было интересно, и Ромка частенько зависал на балконе, осматривая окрестности через прибор, или поднимался на гору и обозревал оттуда поселок внизу.

Аня навела бинокль на объект, отрегулировала четкость... и никого не увидела, даже расстроилась, но в этот момент человек

вышел из-за валуна, который огибала тропинка, и Аня его узнала.

– Это же Алевтина Степановна, – удивилась она.

Алевтина Степановна постоянно проживала в «Озерном» – в доме, расположенном через одну улицу от Александры Юрьевны, со своей дочерью, внуками и зятем, являвшимся его владельцем. Малопрятная, чванливая, заносчивая женщина, понятно, что только с теми, кому можно было безопасно выказывать таковое свое отношение.

Впрочем, Анне безразлично, какой эта Алевтина Степановна человек, поскольку они не общались и не пересекались никаким образом. Она и запомнила эту женщину только потому, что оказалась однажды невольной свидетельницей неприятного инцидента в магазине, когда Алевтина Степановна отчитывала молоденькую продавщицу за что-то, обливая девушку уничижительными эпитетами и грозя неминуемым увольнением вот прямо сегодня.

Прокручивая эти мысли-воспоминания, Анна продолжала наблюдать в бинокль за женщиной, и поведение той казалось ей все «страньше и страньше», как говаривала Алиса, оказавшись в Стране Чудес. Женщина, появившись было из-за валуна, остановилась, не спеша идти дальше по тропинке, и принялась внимательно осматривать пространство. Сродни живому сканеру, она поворачивала голову, ощупывая взглядом ближайšie дома, конец улицы, перевела взгляд на грунтовку и дома, выходящие задними заборами на нее.

Не успев толком сообразить, что делает, Анна быстро присела, когда поняла, что тетка эта сейчас начнет осматривать их дом в числе прочих и этот самый балкон, на котором она расположилась с биноклем, прекрасно просматриваемый с той точки горы, на котором пряталась тетка.

Посидела так, ругая себя и дивясь собственному любопытству, что не помешало ей осторожно поднять голову над перилами и, снова приложив бинокль к глазам, продолжить вести наблюдение.

Алевтина Степановна тем временем, закончив осмотр окрестностей, прошла быстро, почти бегом до следующего поворота «серпантина» тропинки и снова пропала из поля зрения.

И вдруг Анну словно обдало по спине, от головы до ног, ледяной водой, от которой в следующий миг становится жарко, озарив четкой и ясной мыслью:

«А ведь это она разговаривала там, в проулке между домами, по телефону...»

– Уф-ф-ф, – она аж на пол уселась от растерянности и какой-то навалившейся странной минутной слабости. – А ведь точно она. Это был ее голос, я его хорошо запомнила там, в магазине. Такой необычный, неприятный, – рассуждала вслух Анна и спросила у самой себя: – И что теперь?

Первой мыслью, как ни странно, было позвонить Северову, но второй, уже более осмысленной, она отменила это желание, напомнив себе, что еще почти ночь, ну, хорошо, не ночь, а предрассветные сумерки и человек наверняка еще спит. И вообще, что его тревожить.

Аня поднялась с пола и снова направила бинокль на тропку, взбирающуюся по горе. Тем временем Алевтина Степановна добралась до вершины подъема и, на этот раз скрывшись за ствол старой мощной сосны, росшей прямо у тропинки, снова повторила сканирование местности, внимательно изучая открывшийся перед ней с вершины скалы вид на поселок.

«А ведь она прячется!» – сообразила Аня.

Ну не прячется, но старается сохранить в тайне свой поход в лес, поэтому так внимательно и присматривается, прислушивается, не идет ли кто за ней, не заметил ли кто ее.

«Ничего себе! Это что же получается?» – озадачилась Анюта. Подумала и проворчала на себя с досадой:

– У меня ничего не получается. Зачем скрывать, если вы уже укокошили этого Барковца? – недоумевала она.

И внезапно, поддавшись не пойми какой дурацкой мысли, бредовому импульсу, она рванула в комнату, торопясь и путаясь в штанинах и рукавах, натянула на себя спортивные штаны, майку, носки, теплый худи сверху, не расчесывая, собрала волосы в хвост и скрутила рогулькой на затылке, небрежно заколов шпильками, рванула вниз по лестнице, стараясь производить минимальный шум, натянула кроссовки в прихожей и выскочила из дома. Велосипед брать не стала, мимолетно пожалев об этом – как бы было удобно: и женщину она бы догнала в два счета, и не бегать по пересеченной местности, но, увы, железный конь конспирации не осилит, издавая разного рода звуки, нехарактерные для леса.

Тихонько прошмыгнула в заднюю калитку и потрусилась к тропке, сдерживая себя, чтобы не побежать во всю прыть, понимая, что быстро запыхается и точно упустит Алевтину.

Но, к собственному удивлению, тропку Анна осилила без остановок, достаточно шустро поднявшись на вершину.

Женщины впереди не было видно, но Аня не сомневалась, что догонит ее, поэтому калитку в зеленом заборе она открывала медленно и с тщательной предосторожностью, чтобы не звякнуть ненароком, обнаружив себя.

Получилось вполне удачно. Дальше под горку бежалось полегче, и она припустила чуть быстрее. После двух дней затяжного туманного дождя и вчерашнего солнечного, теплого денечка в лесу было как-то по-особому тихо, словно он очистился, умылся и приглушил все звуки. Пахло хвоей, лесной прелью и грибами. Казалось, бег времени остановился, наслаждаясь тишиной и торжественностью момента, в которой нет места пустой суете и человеческим страстишкам...

Алевтину Степановну Аня заметила метрах в ста впереди и сразу же свернула с тропинки, стараясь соблюдать осторожность. Женщина шла хоть и быстро, но часто останавливалась, вдруг резко сходя с тропки и прячась за стволами деревьев, прислушивалась и приглядывалась, не идет ли кто за ней.

Так и двигались вперед – объект наблюдений Анны быстрым шагом проходила какое-то расстояние, сходила с тропы, «проверялась» и снова двигалась вперед, ну и Анна за ней, соблюдая конспирацию.

Дойдя до третьей развилки, где основная тропа плавно по большой дуге уходила вправо, Алевтина Степановна решительно повернула налево, на почти заросшую малохоженую тропку.

И Аня сообразила, что она направляется к хутору.

Имелся в лесу, в двух километрах от поселка и в четырех, если идти по тропинке, такой объект, как старый хутор. Самый настоящий хутор посреди лесной, ну пусть не чащи, но все же вполне себе дикого леса, как гласят поднятые архивные данные, был построен отшельниками-староверами еще в девятнадцатом веке. Как говорит про такую старину ее Ромка: «Давно, ну прямо сильно давно». Основательный такой был хуторок на две большие семьи, с капитальными хозяйскими постройками, с конюшней. Жили хуторяне рыбалкой, лесными дарами, а на месте «Озерного» у них были

разбиты огороды. Время, революции и войны извели и уничтожили и самих хозяев, и их хутор практически подчистую. Остались только на земле еле заметные в буйной растительности очертания фундаментов бывших когда-то капитальных хозяйских построек да часть покосившегося сруба самого дома.

Александра Юрьевна рассказывала Анне, что, когда возводился «Озерный», этот сруб облюбовали рыбаки, которые лишились привычного места для обустройства своих лагерей и приезжали на несколько дней на рыбалку на озеро.

Любители рыбалки что-то там подшаманили, подлатали и обустроили на бывшем хуторе, насколько это вообще было возможно, и стали использовать как место для ночевки и лагеря, пока шло строительство. А когда обнесли забором территорию поселка и с этой стороны подход к озеру оказался перекрыт, они нашли место подальше, и хутор, как и прежде оставшись без присмотра, вновь стал заброшенным и никому не нужным.

Во-первых, потому что мало кто знал о его существовании, а во-вторых, туристы, путешествующие по этим местам, предпочитали останавливаться на берегу озер, а не в чаще лесной.

И именно к этому заброшенному хутору сейчас целеустремленно направлялась Алевтина Степановна, явно зная и о нем, и о его расположении.

«Интересно: а что ей там надо?» – недоумевала Аня.

Но когда за деревьями уже стали угадываться очертания остатков сруба, Алевтина Степановна вдруг внезапно куда-то исчезла. Вот вроде же только что Аня ее видела, шла впереди, и вдруг раз – и нету. Анна крутила головой во все стороны, перебегала короткими рывками от одного дерева к другому и, прячась за стволами, все выглядывала, надеясь увидеть женщину, продвигаясь такими своеобразными зигзагами к хутору.

Ей послышался непонятный какой-то звук: то ли хруст сломанной ветки, то ли неосторожные шаги, Аня насторожилась, прислушалась, вытянув голову вперед в сторону звука... и в этот миг она, нет не услышала – почувствовала, что кто-то стоит сзади, и резко развернулась...

Последнее, что она успела услышать, – это свист и дуновение воздуха, рассекаемого каким-то предметом у самого ее уха...

И ее накрыла темнота.

Северов проснулся в предрассветной, тающей, отступающей под неотвратимым появлением светила сумеречной серости, чувствуя себя полностью отдохнувшим и выспавшимся.

Вышел во двор, сделал несколько упражнений, потянулся, вдохнул полной грудью прохладного, сладкого хвойного воздуха – хорошо-о-о! Любил он эти моменты предутренней тишины, замиранья природы, какой-то особой ее торжественности.

Подумалось: хорошо бы сейчас пробежаться на дальнее озеро, поплавать вместе с Анной. Поплавать, понятное дело, самому, она не плавает, а скорее держится на воде. Но вот то, что с Анной, а не одному, просто замечательно было бы. Может, стоит нанести визит к ним домой, предложить девушке пройтись по лесу?

Можно было бы и Ромку с собой взять... Усмехнулся этой мысли – вот уж вряд ли, пацан спит наверняка крепким детским сном и столь ранние пробуждения не приветствует. А вот насчет сходить и проверить, спит ли девушка, и предложить прогулку по утреннему лесу – неплохая мысль.

Поворачиваясь к дому, чтобы подняться на крыльцо, Северов машинально окинул взглядом окрестности, и что-то зацепило его внимание, выбиваясь из общей картины.

Так, стоп!

Всмотрелся он в ту точку, которая «отсветила». Точно – имеется какое-то движение на горе. Антон поднялся на крыльцо, взял бинокль, который держал здесь постоянно, регулярно осматривая озеро и местность вокруг, навел... и откровенно офигел, увидев стройную фигурку в знакомом спортивном костюме, избегавшую легкой трусцой на вершину скалы.

Это что за ерунда? Не понял. Она же в лес ходить опасается после находки раненого, да и вряд ли бы пошла, если бы все же собралась, скорее всего, поехала на велосипеде.

Не, рассуждать и делать предположение – дело хорошее, но этим вполне можно заниматься и в движении. И, не задерживаясь более ни на мгновение, Антон прошел к себе в комнату, четко-споро оделся, экипировался, прихватив самое необходимое, похлопал привычно по карманам, проверяя, все ли на местах, запер дом и, сразу же взяв определенный темп, побежал в сторону тропы.

Не успел. Твою ж дивизию!

Он не успел всего на пару минут. По следам прочитал, куда свернули женщины, шел ходко и уже видел и слышал в отдалении Анну, мысленно посмеиваясь про себя поразительному умению девушки создавать столько шума, прячась и соблюдая конспирацию.

В какой-то момент Северов внезапно остро и четко почувствовал опасность, грозящую девушке, словно кольнуло что-то в сознании. И пошел в рывок, резко ускорившись, услышал глухой удар, звук падения тела и два голоса – женский и мужской, что-то горячо обсуждавшие, – далеко, но в той уникальной тишине, что стоит в лесу на рассвете, все звуки приобретают особую звонкость и разносятся на большое расстояние и достаточно четко слышны, особенно тому, кто умеет слушать.

Он умел, поэтому и прибавил ходу насколько мог.

– Аня... – звал ее кто-то издалека.

«Что?» – хотелось ответить ей. Но почему-то не получалось.

– Анечка... – снова позвал кто-то, и она почувствовала, как ее усаживают и прислоняют спиной к чему-то твердому.

Усаживают? Она что, лежала?

– Аня, – позвал ее знакомый голос в третий раз.

– Да, – ответила она, открыла глаза и зашипела от резкой боли в голове: – Щи-и-и-и... – потрогала затылок, почувствовала что-то мокрое, поднесла ладонь к глазам, уставилась на пальцы, кончики которых окрасились кровью, и сразу же сунулась снова пощупать, что там за рана.

– Тихо, тихо, – нежно придержал ее руку Северов.

– Это кровь, – объяснила она ему очевидный факт и пожаловалась: – Больно.

– Наверняка, – согласился с ней мужчина и объяснил: – Вас ударили по голове толстой веткой.

– Кто? – спросила она пораженно.

– Вот и я бы хотел знать.

– А... – вдруг вспомнила она, – это, наверное, Алевтина Степановна, – и призналась, смутившись: – Я за ней следила.

– Вряд ли, у нее на такой удар сил не хватило бы, – опроверг ее предположение Антон.

– Тогда это был убийца, – испугалась Аня, дернула головой и снова зашипела сквозь зубы от приступа боли, стрельнувшего в голове: – Ш-ш-ш-ш.

– Вам лучше не двигать головой, – предупредил девушку Антон.

– Да, я уже поняла.

– Так, – деловито произнес Северов и показал ей три пальца, спросил: – Сколько?

– Три.

– Хорошо, – похвалил он. – Не двигая головой, одними глазами посмотрите вправо и влево. Голова кружится?

– Вроде нет.

– Хорошо. Дайте-ка я посмотрю, что там у вас, – и осторожно притянув к себе девушку, осмотрел ее затылок и вынес вердикт, снова прислоняя к стволу большой старой сосны: – Повезло. Удар ветки пришелся аккурат по пучку волос по касательной, и, соскользнув, она несильно оцарапала шею. Голова болеть будет, возможно, немного кружиться и подташнивать, в общем и целом неприятно, конечно, но ничего тяжелого, – и спросил: – Анечка, можете посидеть одна тихонько? А я осмотрюсь.

– Но тут же убийца где-то рядом? – запаниковала Анна.

– Нет, я вас перенес подальше от места нападения, и посмотрите, – указал он подбородком, – вы тут надежно укрыты.

Аня посмотрела, куда указал Северов – действительно надежно: Анна сидела под сосной, росшей в небольшом углублении, опираясь на нее спиной, защищенная с двух сторон валунами.

– Я не дам никому к вам приблизиться.

– Вы хотите сходить на хутор? – забеспокоилась Анюта. – Но это же опасно, там же убийца.

– Вряд ли, – высказал сомнения Северов. – Сдается мне, что это случайный пассажир, попавший под чужие дела, – и спросил: – Посидите?

– Идите, – отпустила она его. – Не беспокойтесь обо мне.

– Я постараюсь быстро, – пообещал мужчина, поднялся с корточек, шагнул в сторону...

И словно растворился в пространстве.

Аня прикрыла глаза и с максимальной осторожностью прислонила голову к стволу дерева. Болело сильно. Нудной такой,

тяжелой постоянной болью, которую она пыталась хоть немного унять, уговаривая себя расслабиться.

Он двигался к хутору, выдыхая гнев и успокаивая себя, настраиваясь на работу.

Когда он нашел ее без сознания... Твой же Гондурас! И когда она пришла в себя и посмотрела на него своими светло-зелеными глазами, взглядом испуганной разбуженной совы...

«Убью», – подумалось в первый момент Северову первой яростной волной.

И остыл немного, когда, осмотрев девушку, понял, что она не сильно пострадала, но это не отменяет неотвратимости наказания того недоумка, что ее ударил.

На хуторе находились двое – женщина и парень лет двадцати пяти, торопливо собиравшие вещи в рюкзак и небольшую дорожную сумку, хоть и спешным образом, но не так чтобы суетливо быстро.

– Это оставь здесь, – руководила женщина и поторопила: – Давай быстрее, Виталик. Надо срочно уходить, – и проворчала: – И принесла же нелегкая эту девку.

– Ладно, ба, хорошо, что сваливаю отсюда. Знаешь, какой тут стрем торчать было. Ночью вообще зае... шибись, – не ругнулся-таки, сдержался он. – Полная задница. Темнота, тишина, какие-то зверушки шуршат, гавкают, скулят. Пипец какая засада.

– «Стрем» ему, – проворчала тетка раздраженно: – Как беды натворить, тебе не стрем, а тут испугался, – и приказала: – Все, идем скорей, а то эта очнется, еще что удумает.

Высунув голову из двери сруба, сколоченной из грубых досок, женщина осмотрела местность внимательным, настороженным взглядом, прислушалась и махнула внучку:

– Идем, – и, шустро перебирая ногами, насколько могла споро, потрусилась вперед.

Они дошли до того места, где напали на Анну, и замерли в недоумении.

– Не понял, а девка где? – настороженно озирался по сторонам парень.

– Видно, пришла в себя и спряталась где-то, – отмахнулась Алевтина Степановна. – Ничего страшного. Пусть ползет. Идем, надо торопиться.

И, подтолкнув парня в спину, обошла его и двинулась вперед по тропе.

– Но она же тебя видела, – припустил за ней внучок.

– Ну и что? Я за грибами ходила, в известное только мне место в лесу. А кто на нее напал, мне неизвестно. Тебя-то она не видела.

– Жаль, что сбежала, – осклабился похотливо парень, – зачетная телочка, я бы с такой покувыркался.

– Покувыркался он! – тетка остановилась, подлетела к парню и с размаху дала тому мощный подзатыльник. – Ты уже покувыркался с одной на каре своем бешеном до смерти, не знаешь, как ноги унести! Послал же бог внука: сам дурак и друзья такие же.

– Ба, ну ты чо! – возмутился внучок, потеряв ушибленную голову.

– «Чо»... – передразнила та его, продолжив движение. – Ты бы думал, как голову сберечь, а не про девок всяких.

– Ладно тебе, ба, не наезжай, – поспешил за ней внучок.

– Посидишь пока в доме, в закуте подвальном, – объясняла по ходу Алевтина Степановна. И, остановившись, повернулась к внуку и потрясла пальцем, со всей строгостью предупреждая: – И чтоб не как в прошлый раз, даже не думай вылезать и шастать по дому ночью. Поймают – ведь убьют дурака. Олег тебя по всему Питеру ищет, прибьет, не задумываясь.

– Сколько сидеть-то? – капризным тоном тянул внучок. – Как в карцере тюряжном, с ведром вонючим, ладно хоть вайфай есть.

– Не ной, посидишь пару деньков. Есть у меня одна мысль, – и отрезала: – Все, хватит болтать, надо успеть, пока все спят, – и пожаловалась: – Ноги еле идут, набегалась из-за тебя, дурака непутевого, устала, а ты все ноешь, хоть бы что умное сказал, так нет же, один блуд да пьянки-гулянки в голове. И в кого такой бестошный пошел, – качала скорбно головой тетка, целеустремленно двигаясь вперед.

Северов призадумался и родственную парочку отпустил, не стал вести дальше, лишь проводив взглядом до калитки в зеленом заборе.

Интересный у нас тут карамболь получается.

Ладно, посмотрим, подумаем.

– Я вернулся, не пугайтесь, – так же неожиданно, как исчез, возник перед Анной Северов.

Видимо, она задремала или отключилась снова на какое-то время, ей показалось, что он вот только что отошел, вернее, растворился среди деревьев.

– Давайте вставать, Анечка, – подхватив ее под руку, начал поднимать ее мужчина. – Вот так, – похвалил он ее за усилия и спросил, когда девушка поднялась: – Идти сможете?

– Куда? – уточнила она.

– Для начала ко мне домой. А там посмотрим по вашему самочувствию, – разъяснил он свой план и предложил: – Ну что, попробуем идти?

Она попробовала, и ничего так, справилась, не рухнула кулем и почти не шаталась, так, совсем немного поштармливало, но вполне терпимо, правда, слабость все-таки чувствовала.

– Ничего, – подбодрил Северов. – Дойдем. Я помогу.

Он не помогал, а банально тащил на себе, закинув руку Ани на плечо, обхватив за талию и приняв на себя ее вес. И как-то так быстро пошел, пошел сначала прямо через лес и вышел на незнакомую Анне тропку, которая привела их к калитке, расположенной прямо напротив одной из задних калиток забора, окружавшего участок Антона.

Мягко, но решительно отодвинув руки девушки, Северов, осторожно вытащив шпильки, распустил пучок ее волос и осмотрел голову.

– От серьезной травмы вас спасли ваши прекрасные волосы, амортизировав удар, к тому же он пришелся по касательной.

– Я повернулась в последний момент, – припомнила Аня, – почувствовала, что кто-то сзади, и повернулась, а он ударил.

– Я так и понял. На голове остались царапины от шпилек, ну, и совсем незначительная царапина на шее. Сейчас я ее обработаю, а к шишке приложим холод. Посидите немного, посмотрим на ваши реакции и самочувствие. И вы мне расскажете, зачем следили за этой женщиной. – И спросил: – Добро?

– Оно, – хотела кивнуть, но вовремя остановилась, зашипев, Аня.

– А вот двигать головой не рекомендуется.

Выслушав рассказ девушки, Северов поразглядывал ее пару мгновений не самым одобрительным взглядом и подытожил услышанное:

– То есть вы, никого не предупредив, не сказав, куда и зачем идете, оставив дома телефон, помчались в лес за человеком, которого подозреваете в убийстве? – спросил он таким тоном, что Аня сразу же почувствовала себя полной идиоткой и захотела немедленно оказаться на своем балконе, чтобы махнуть рукой на бегающую по горам и лесам соседку и просто отправиться в душ.

– М-да, – согласилась она, – как-то глупо получилось.

От неуютности под изучающим строгим взглядом мужчины она начала елозить упаковкой замороженного горошка, которую прижимала к шишке на голове.

– Безрассудно, я бы сказал, – произнес назидательно Северов.

– Вы правы, – расстроилась Аня, сообразив, что серьезно сглупила. – Поддалась какому-то минутному порыву, не успев все обдумать спокойно.

– Помнится, я предупреждал вас, Анечка, иногда знать лишнее, в особенности чужие тайны, очень вредно для здоровья.

– Но это не просто тайна, это преступление, а это большая разница, – с горячностью возразила она.

– Да, преступление, но от этого тайна становится еще более опасной для неосмотрительного сыщика-любителя, как вы смогли убедиться на собственной голове.

– Но это совершенно определено Алевтина Степановна тогда разговаривала по телефону, значит, она точно замешана в убийстве, – принялась с горячностью убеждать его Аня. – И убийца ударил меня по голове, чтобы я его не видела. Надо срочно сообщить полиции, этому самому майору Маркову.

– В полицию мы сообщить всегда успеем, – не выказал немедленной готовности исполнять свой гражданский долг Северов. – Но уверен, ударил вас по голове не убийца, – и объяснил, встретив удивленный взгляд девушки: – Убийце проще и надежней было вас пристрелить, раз вы рассекретили его сообщницу и место, где он отсиживался, чтобы избавиться от ненужного свидетеля. Стрелять ему не впервой, и более надежного способа избавиться от ненужного свидетеля пока еще никто не изобрел. А этот обошелся без смертоубийства, всего лишь саданув скромненько так, по-нашему, по-деревенски, правда, от души. Это явно какой-то левый персонаж из другой локации.

– Какой локации? – поразила Аня и вдруг оживилась, вспомнив, что забыла спросить о самом важном: – А как ваша разведка? Вам удалось что-то узнать?

– Кое-что узнать удалось, – уклончиво ответил он. – Но надо бы прояснить, что это за партизан такой в наших лесах образовался, – задумался о чем-то Северов и попросил: – Анечка, я оставлю вас ненадолго, проверю кое-какую информацию. Вы пока отдохните, полежите, я постараюсь быстро.

– Хорошо, – легко отпустила она его, – я подожду.

Антон поднялся на второй этаж в кабинет, сел за рабочий стол к компьютеру, всегда находившемуся в рабочем режиме, ввел пароль и личный специальный код доступа к информационной базе и набрал запрос.

Имея информацию про всех владельцев участков, а также их родных и обслуживающий персонал, он знал, что Алевтина Степановна являлась тещей одного достаточно высокопоставленного чиновника и проживает в «Озерном» практически постоянно, лишь изредка выезжая в Питер.

Олег Владимирович Лигов, так звали ее зятя, – чиновник высшего звена, человек властный, жесткий, эгоцентричный, не терпящий никаких возражений как от домочадцев и подчиненных, так и от людей, стоявших ниже его по социальной лестнице, тещу, как ни странно, привечал и относился к ней с определенной симпатией. В основном по той причине, что Алевтина Степановна, когда-то тоже занимавшая неплохую должность и умевшая управлять людьми, взяла на себя ведение всего хозяйства и держала прислугу и дочь с внуками под жестким контролем, подчинив всю жизнь домашних интересам главы семейства, угождая всем его прихотям, окружив особой заботой и вниманием, предугадывая все его желания.

Такое отношение тещи чиновник ценил.

Это что касается той части информации, которая имелаась в коротком досье-справке, собранном Северовым на жителей поселка. А вот подробнее и объемней он как раз и изучал в данный момент.

А изучив, просмотрев несколько газетных статей и журналистские репортажи, Антон Валерьевич призадумался.

«М-да, надо разговаривать с Александрой Юрьевной», – принял решение Северов. Это он с удовольствием, поговорить с умным и

неординарным человеком – всегда большой подарок, а с Александрой Юрьевной так и не просто подарок, а настоящий праздник.

– Ну как вы тут, Анечка? – присев возле девушки на диван, поинтересовался он с заботой.

– Кажется, задремала, – открыв глаза, посмотрела на него Аня и спросила: – Удалось что-нибудь выяснить?

– Да, прояснились некоторые моменты, – ушел он от прямого ответа.

– Вот видите, Антон Валерьевич, – воодушевилась Анна. – Я же говорила, что нам с вами надо самим расследовать это дело. Как говорит Ромка, «одна голова хорошо, а две интересней».

– Особенно если учесть, что одна из них уже пострадавшая, – проворчал неодобрительно Антон.

– Но вы же меня защитите и спасете, – пожалала легкомысленно плечиками Аня.

– Это опасная, вредная, а часто просто роковая иллюзия, что кто-то непременно спасет вас в критической ситуации, – почти отчитывал ее Северов. – Надеяться, что в последнюю минуту, в самый страшный момент ворвется ОМОН или спецназ какой или МЧС примчится. В несчастных случаях и от рук убийц гибнут тысячи, а спасают единицы. И случаи этих счастливых чудесных спасений становятся притчей во языцех, о которых трубят все СМИ, снимают душеспитательные репортажи и художественные фильмы, старательно обходя упоминанием тот факт, что в большинстве случаев человек попадает в смертельные ситуации по собственной вине и глупости, от чрезмерной самонадеянности. Самое верное средство благополучно выпутаться из экстремальной ситуации – это в нее не попадать. Чему в большой степени способствует элементарное соблюдение правил жизненной безопасности, ну и непровоцирование неприятностей разного рода своими необдуманными поступками.

– Это вы меня отчитываете таким образом? – поинтересовалась Аня, развеселившись от его наставительной строгости.

– Да, – отчеканил он недовольно. – Я не всегда буду рядом, чтобы успеть спасти вас от опрометчивых поступков.

– Я не совершаю опрометчивых поступков, – уверила его Аня. – Этот был первый, – и заверила, заметив недоверчивое выражение его лица: – Честное слово. Я стараюсь обдумывать свои решения и

поступки, всегда помня, что у меня Ромка. И, кстати, первым моим порывом было позвонить вам и посоветоваться, но потом я подумала, что еще слишком рано и вы спите.

– В следующий раз, когда у вас возникнет такой порыв, звоните в любое время. Или отправляйте СМС, – улыбнулся он ей и спросил почти весело: – Ну что, будем вас транспортировать домой? Наверняка вся ваша родня переполошилась, не обнаружив вас утром.

– А сколько времени? – перепугалась Аня.

– Вот именно, – качнул согласно головой Северов. – Пока вы партизанили, а после мы с вами по лесам бегали, времени прошло прилично.

– Ну, кто бегал, а кто и крался, – пробурчала Аня, поднимаясь с дивана, отдавая упаковку практически разморожившегося горошка хозяину.

– Эт точно, – рассмеялся Северов, вспомнив, как именно она «кралась».

– Мам, ты где была?! – первым вылетел навстречу Анне с Северовым Ромка.

– Вот и тетка родная хотела бы знать, куда исчезла ее племянница? – вышла на веранду следом за внуком тетушка Александра.

Но, окинув быстрым, цепким, острым взглядом перепачканный в земле и зелени костюм племянницы, ее бледное лицо, распущенные волосы и полоску лейкопластыря на шее; отметив, что мужчина нежно, но твердо поддерживает ее под локоток, обменявшись с Северовым быстрым взглядом, явно передавшим ей какую-то информацию невербальным образом, тут же распорядилась, сменив тон на командирский:

– Так. Лена, веди-ка ты ее в ванную и помоги Анне помыться и привести себя в порядок.

– Мам, что с тобой случилось?! – перепугался Ромка и ринулся к Анне.

– Ром, – успел перехватить его Северов и объяснил ровным, спокойным тоном: – В общем и целом с мамой все в порядке. Она получила удар по голове, но, насколько я могу судить, не особой тяжести. – И спросил парня, всматривавшегося в его лицо: – Ты

потерпишь немного, пока мама приведет себя в порядок, а я поговорю с Александрой Юрьевной, а потом мы все объясним?

– С ней точно все в порядке? – переспросил гораздо более спокойно мальчик.

– Ну, голова у нее будет болеть сегодня определенно и шишка вылезет приличная, но сотрясения тяжелого нет, так что, думаю, за пару-тройку дней все пройдет. Но можем и отвезти ее в клинику к докторам, проверить, чтобы наверняка, – дал мальчику полный ответ Северов.

– Я за клинику, – оповестил Ромка и согласился. – Ладно, я подожду подробностей, но недолго. Я все-таки нервничаю.

– Мы постараемся управиться быстро, – что мог, пообещал Антон.

– Так что случилось с Анной? – спросила Александра Юрьевна, когда они с Северовым прошли в ее кабинет, где хозяйка, опустившись в кресло у ажурного кофейного столика палисандрового дерева, указала рукой на другое кресло Антону и дождалась, когда мужчина примет ее приглашение и сядет.

– Ее ударили по голове, – ответил гость. – Анну спасли волосы, скрученные в пучок, основной удар пришелся на них и по касательной.

– Кто? – очень жестким, холодным тоном отрезала хозяйка кабинета, чуть прищурившись, глядя в лицо собеседнику.

– А вот на этом вопросе, Александра Юрьевна, возникает интересная интрига, – улыбнулся уголком губ Северов и спросил: – Вы ведь знаете Юдина Станислава Михайловича?

– Полпреда президента в Санкт-Петербурге? – приподняла вопросительно бровь Александра Юрьевна.

– Совершенно верно, – подтвердил Северов и внес уточнение: – И не просто полномочного представителя, а представителя, скажем так, проводящего достаточно четко обозначенный президентский контроль за промышленностью, в том числе и коммерческой, в Питере и Ленинградской области.

– Именно так, – кивнула собеседница, но задавать очевидный в такой ситуации вопрос «при чем тут он?» не стала.

Северов испытывал прямо-таки эстетическое удовольствие, беседуя с этой женщиной, – высший класс! Тонко, виртуозно, высокая дипломатия и искусство ведения переговоров: не задавать визави наводящих вопросов, тем самым выказывая себя как нетерпеливого и

слишком заинтересованного человека, сразу же становясь зависимым от ответов собеседника. Блеск!

– Вы наверняка слышали о трагедии, которая случилась у Станислава Михайловича? – продолжил Антон.

– Вы про гибель его дочери? – уточнила Александра Юрьевна.

– Про нее, – подтвердил Антон и дал расширенную информационную справку. – Восемь дней назад дочь Юдина Юлия, участвуя в ночных гонках стритрейсеров, попала в страшную аварию: не смогла справиться с управлением, ее автомобиль закрутило, подставляя левым боком, в который и врезался спорткар бизнес-класса на скорости около двухсот километров в час, гонявшийся вместе с ней. Девушка погибла на месте, а водитель и пассажир протаранившей ее машины каким-то чудом отделались незначительными травмами и ушибами, притом что их спорткар разбился в хлам, и не придумали ничего лучше, чем скрыться с места преступления.

– Насколько я помню, их личности установлены и они находятся в розыске, – припомнила Александра Юрьевна то, что слышала по этому делу.

– Точно, – подтвердил Северов. – Только их имена не разглашаются в интересах следствия. Но это не важно. Тут интересно другое: водитель, который сидел за рулем спорткара, является родным племянником нашего с вами соседа по «Озерному», хорошо известного вам Олега Владимировича Лигова, который, в свою очередь, возглавляет ведомство, имеющее непосредственное отношение к той самой промышленности. Такое вот чудное совпадение.

Александра Юрьевна, чуть прищутив глаза, внимательно смотрела на Северова.

– Да, – кивнул он, правильно поняв ее взгляд. – Юдин объявил между своими, то бишь между вашими, что ему все равно, кто папаша у того водилы и какой пост тот занимает, он его... и далее по интересам. А Лигов, узнав, что это его племянник, перепугался, видимо, не на шутку и старательно скрывает эту информацию всеми возможными способами. И пока ему удастся ее придержать. Лигов, как я понимаю, землю роет в поисках племянника, собираясь отдать его как жертвенного барана Юдину. Алевтина же Степановна, теща

Лигова, внучка своего обожает и, хоть побаивается зятя и никогда открыто против него не пойдет и ничего не сделает, но...

– И где она его прятала? – спросила Александра Юрьевна.

– На хуторе. Анна утром увидела соседку, направлявшуюся в лес, при этом постоянно озирающуюся, явно перепроверяющуюся на предмет слежки и обнаружения, и сообразила, что тем человеком, который вел очень подозрительный разговор по телефону, свидетельницей которого она невольно стала, и была Алевтина Степановна, и рванула догонять, собираясь проследить за женщиной, предполагая, что та приведет ее к убийце.

– Какого телефонного разговора? – уточнила Александра Юрьевна. – Почему я не знаю?

– Думаю, Анна просто забыла и не успела вам рассказать, – предположил Северов и поведал подробности подслушанного Аней в переулке у магазина разговора Алевтины Степановны по телефону.

– Парень хоть цел после встречи с вами? – смотрела на Северова невозмутимым взглядом Александра Юрьевна.

– Я не стал заводить с этим молодым человеком тесного знакомства, решив отложить его на некоторое время, рассудив, что, как гласит известная вам восточная мудрость, враг, закопанный по шею в песок, иногда намного предпочтительней, чем его тело, но со сломанной шеей. Что значит «есть сиюминутные задачи, а есть стратегические». Я знаю, где его спрятала Алевтина Степановна, – и, выдержав короткую паузу, Антон приступил к основному блюду: – Я не осведомлен в полной мере и объеме об интригах, расстановках и внутренних разборках чиновников высшего звена, к которому относитесь и вы, поскольку пока они не входят в сферу моих интересов, как личных, так и служебных. Поэтому, Александра Юрьевна, прежде чем принимать решение и разбираться с этим ухарем, я хотел выяснить кое-что у вас. Как вам выгодней и предпочтительней – оповестить Юдина о месте нахождения убийцы его дочери, пригласив в «Озерное» вместе со следственной бригадой, и отдать ему лично в руки преступника и слить таким образом Лигова, который сто пудов после этого слетает с места, и это еще в лучшем случае? Или же оповестить Лигова и дать тому возможность лично преподнести Юдину собственного племянника и подняться на этой теме?

– Антон Валерьевич, я верно понимаю ваш прагматизм и мотивы, побудившие вас сделать мне столь заманчивое предложение? – смотрела на него холодно и немного иронично хозяйка дома.

– Думаю, что нет, – ответил ей прямым, твердым и спокойным взглядом Северов. – Мы с вами в гораздо большей степени боевые товарищи, чем вы могли бы предположить, Александра Юрьевна. Получив доступ работать с определенными данными, недавно я обнаружил приятно поразившую меня информацию, что пару раз моя группа и вы с помощниками работали вместе не в самых простых регионах Ближнего Востока, выполняя общую, поставленную руководством задачу, естественно, не пересекаясь никоим образом и не зная друг друга, поскольку форс-мажор, при котором такая встреча была бы возможна, слава богу и аллаху, курирующему тот регион, не возник. Поскольку сработали мы вполне слаженно и на «отлично», оба раза выполнив задание.

Александра Юрьевна перестала улыбаться, иронизировать, выражение лица сделалось ровным, отстраненным, а взгляд стал острым, цепким, непростым.

– И по странному стечению судьбы, – продолжил Антон, выдерживая сильный изучающий взгляд женщины, – вы были знакомы и дружны с моим дедом, Константином Григорьевичем Северовым. Так что мы с вами боевые товарищи, Александра Юрьевна. А это, как вы понимаете, отменяет возможность любых расчетов, игр и каких-либо корыстных целей с моей стороны.

– Точно, – потерла она задумчиво лоб пальцами. – Внук Константина Григорьевича, – и посмотрела на Северова совсем иным, сразу же потеплевшим взглядом. – Как я упустила этот момент и не сопоставила столь очевидные факты? Старею, наверное, или расслабилась непростительно на этом затянувшемся больничном, будь он неладен.

– Не наговаривайте на себя, – улыбнулся Антон открыто, честно, по-дружески. – Вы в великолепной форме.

– В каком вы звании? – вернула она ему такую же дружескую улыбку.

– Представлен к генерал-майору, приказ подписан, получу через пару недель вместе со вступлением в новую должность, – и напомнил

о своем основном вопросе: – Так что, Александра Юрьевна, какой расклад вам будет предпочтительней и интересней? Юдин или Лигов?

– За Олегом Владимировичем стоят достаточно крутые кремлевские связи, – рассуждала вслух Александра Юрьевна. – И, правду говоря, именно поэтому Олег зарвался и уже не скрывает, что метит на более высокое кресло. Но против Юдина, да еще в такой ситуации, он не игрок. Станислава Михайловича президент ценит и уважает, а тут убийство дочери. И не важно, что она внебрачная дочь, дитя порока и даже не записана на его фамилию, но он искренне ее любил. И не имеет значения, что она сама гоняла по Питеру ночным стритрейсером, – и крутнула расстроено головой. – Догонялась вот. Девочку безумно жаль, хорошая была девчонка. Но если убрать Лигова, то всколыхнется такая волна кадровых перестановок и переигровок, борьба за кресла и должности, что трясти аппарат будет не по-детски. – И Александра Юрьевна сразу же прикинула в голове несколько возможных сценариев развития событий и усмехнулась, весьма довольная ходом своих размышлений, посмотрев задорно на Антона. – А знаете, это будет интересно.

– Понятно, что ушлепку этому по-любому конец, в лучшем случае покалечат и опустят на зоне, что юдинские ребята его обнаружат, что Лигов найдет и выдаст, без разницы. И никакие папины деньги и уж тем более дядины связи не спасут, коль попал между такими жерновами, – озвучил очевидные вещи Северов и предложил: – Как я понимаю, вы выбрали Юдина, в таком случае вам, наверное, полезней будет позвонить ему лично и сообщить, где находится убийца его дочери.

– Да это лишнее, – отмахнулась женщина, пребывая в размышлениях. – Вы же понимаете, Антон, что меня с моего кресла не сковырнет никакой переворот и заговор и ничьи интриги, разве что президент снимет, поэтому и лишний раз суегиться, стараясь укрепить свое положение, нет смысла. Хотя... – призадумалась Александра Юрьевна над мелькнувшей мыслью, – это можно интересно обыграть.

– Вы даже не представляете насколько, – усмехнулся Северов. И пояснил, заметив ее вопросительный взгляд: – Алевтина Степановна прячет внука в доме Лигова. Думаю, в какой-то дальней дыре, о которой, кроме нее, мало кому известно.

– Мда, – рассмеялась Александра Юрьевна, – это, что называется, то самое блюдечко да с каемочкой. Чистая подстава, угораздило же тещеньку так зятю подкузьмить.

– Вы долго там заседать будете?! – затарабанил в дверь кабинета недовольный Ромка. – Мама давно уже из ванной вышла, и Лена завтрак накрывает! Что вы там засели?

– Действительно, Антон Валерьевич, – весело переспросила Александра Юрьевна, оживившись от интересно закручивающейся интриги. – Что мы с вами тут сидим? Пора завтракать.

За завтраком Анне пришлось рассказывать о своих потерпевших полное фиаско попытках освоить навыки ведения слежки, объяснить, почему она рванула за Алевтиной Степановной, и пересказывать подслушанный в переулке разговор.

– Я бы тоже рванул, – поддержал мать Ромка.

– По-моему, твоя мама наглядно доказала, что это не самое верное решение, – остудил его детскую горячность Северов.

– Тогда какое верное? – заупрямился мальчик. – Игнорировать? Сидеть и ждать, когда кто-то другой разберется?

– Обратиться к специалистам, в данном случае к следователям, ведущим дело об убийстве, дать подробные показания. Или хотя бы посоветоваться в твоём случае со взрослыми, в мамином – со мной или с тетушкой и Леной.

– Ага, а тетка та Алевтина тем временем сделала бы свои злодейские дела – и была здорова, – возразил мальчик.

– Да куда она денется, – разъяснял Северов, – она же не подозревала бы, что обнаружена, и проследить за ней и выйти на преступника было бы просто.

– А теперь знает, – скривилась от боли в голове Аня.

– Анна, – обеспокоилась тетушка, – мне кажется разумным съездить к врачу. Травмы головы весьма коварны и очень опасны непредсказуемыми последствиями.

– Не стоит драматизировать, тетушка, – не удержавшись, снова скривилась от боли та.

– Поддерживаю Александру Юрьевну, – принял сторону хозяйки дома Антон. – Ушибы головы могут привести к очень неприятным последствиям. Проще проверить состояние и принять профилактические меры, чем потом столкнуться с тяжелой

проблемой, – и предложил: – Давайте я отвезу вас в ближайший райцентр, тут всего езды-то около часа. Вас обследуют и заодно составят справку для следствия о нанесении телесных травм преступником.

– Ум-м-м, – скисла Анюта, пожаловавшись: – Если бы вы знали, как мне не хочется никуда ехать.

– Понятное дело, – посочувствовала ей тетка, но нажима своего не ослабила: – Но надо. Давай иди собирайся.

Анне ничего не оставалось делать, как сдаться под напором этих двоих, да и, честно говоря, голова болела пусть не сильно-сильно, но так противно тягуче, прямо изматывая, хотелось срочно что-то сделать с этой болью, и ей подумалось, что визит к врачам – не самая плохая идея, да и на споры откровенно не было никаких сил.

Лена вызвалась помочь Анне одеться, и девушки отправились на второй этаж.

– Ну что ж, тогда я за машиной, – поднялся Северов со своего места.

– Я провожу вас, – выказала свое особое расположение гостю Александра Юрьевна.

Антон галантно отодвинул стул, помогая хозяйке подняться из-за стола, предложил ей свою руку, согнутую в локте, и, попрощавшись с Ромой, повел неспешным прогулочным шагом хозяйку к выходу.

– Я подумаю, Антон Валерьевич, как и когда лучше преподнести известие Станиславу Михайловичу, но считаю, что не стоит затягивать с этим делом. Мало ли какие могут вмешаться непредвиденные обстоятельства, – вернулась к их разговору Александра Юрьевна и улыбнулась хитро, поинтересовавшись: – Вы, наверное, захотите в качестве добровольца помочь разыскать молодого человека в лабиринтах усадьбы Лигова.

– Непременно, – подтвердил Северов ее предположение.

– В таком случае я предупрежу Станислава Михайловича о вашем участии, а вас извещу о том, когда он приедет в «Озерное».

– Это бы облегчило мою задачу, – улыбнулся он ей.

Они обменялись понимающими улыбками, и хозяйка, отворив замок, распахнула перед гостем калитку.

– Александра Юрьевна! – заорала Бибиси, так неудачно оказавшаяся именно в этот самый момент перед калиткой с поднятой

уже рукой, явно собираясь нажимать на звонок, и вытаращилась обалдевшим взглядом на Северова.

– Всего доброго, Александра Юрьевна, – чинно попрощался Северов и, отгеснив застывшую с открытым ртом Степаниду Ивановну, вышел за калитку и двинулся по улице, провожаемый ошарашенным взглядом женщины.

– Ты чего хотела, Степанида Ивановна? – вернула ту в действительность тетушка Александра не самым приветливым тоном.

– Я хотела... – наморщила лоб, вспоминая, Степанида. – Ах да! Я к вам за справедливостью, Александра Юрьевна! К кому ж, как не к вам? – вошла она в свой привычный боевой раж, придав голосу скандальных ноток. – Это ж когда эти следователи работать начнут, хотелось бы спросить? Это ж сколько еще преступники будут гулять по свободе, угрожая мирной общественности, пока они заседают в правлении и ничего не делают?

– Я их спрошу, Степанида Ивановна, – пообещала нечто туманное Александра Юрьевна, закрывая перед Бибиси калитку: – А сейчас извини, у меня важные переговоры.

– Да-да, – затараторила почтительно соседка. – Вы ж человек государственный. Я ж понимаю, – и прокричала, когда калитка уже закрылась: – Только вы ж им скажите, Александра Юрьевна, следователям этим, чтоб искали! – и проворчала себе под нос, удаляясь от дома по улице: – Государственные у нее дела, а с бандюком этим якшается. Вчерась тот Аньку с мальчонкой привез, а сегодня уж и в гостях привечен. Вона какие у нас тут дела-то. Небось и племяшке запретила полиции все доподлинно рассказывать.

В райцентре Антону с Анной пришлось задержаться, попав сначала на прием к травматологу, пославшему их делать МРТ в другую клинику, с чем вышла целая история. А после надо было снова возвращаться к тому же травматологу. В общем, проваландались прилично, как говаривала бабушка Муся. Зато диагноз успокоил: сотрясение головного мозга, волосы на самом деле помогли, амортизировав удар, пришедшийся по пучку. Медики обработали раны под волосами, оставшиеся от шпилек, и царапину на шее, сделали какой-то правильный укол, после которого нудная головная боль, немилосердно донимавшая Анну все эти часы, быстро и надолго прошла.

Рекомендовали покой, воздержаться от физических упражнений и нагрузок хотя бы пару дней, отдыхать, расслабляться и не нервничать.

С тем и отпустили.

Александра Юрьевна, не на шутку переживавшая за племянницу, несколько раз за это затянувшееся время хождения по врачам звонила, выпрашивая подробно, как проходит обследование и что говорят доктора. И первым делом, когда они с Северовым вышли из медцентра и сели в машину, Анна набрала номер тетушки, поспешив успокоить любимую родственницу, подробно пересказав все, что они выяснили о состоянии ее здоровья.

– Волнуется, – улыбнулась Аня, закончив разговор с Александрой Юрьевной, и пояснила чуть смущенно: – Тетушка Александра всегда тревожится, мне кажется, несколько чрезмерно, если со мной или с Ромкой что-то случается, даже пустяк какой-нибудь неприятный.

– Это же правильно, Анечка, так и должно быть, – поделился своим взглядом на этот аспект жизни Северов. – Неправильно, когда некому переживать, искренне заботиться и любить человека.

– Вы, несомненно, правы, Антон Валерьевич, – согласилась Аня. – Просто все, что связано с тетушкой Александрой, это всегда нечто неординарное, мощное, необыкновенное, как и она сама.

– Это точно. Александра Юрьевна – мощная, масштабная личность, удивительная женщина, – кивнул Северов.

– И ужасно загадочная, – добавила Анна и, повинувшись какому-то внутреннему порыву, стала рассказывать: – Как ни странно, но, хоть тетушка для меня – самый близкий и дорогой человек, я мало что знаю о ее прежней работе, где и как она проходила, лишь какие-то отрывочные сведения, истории, которые она сама рассказывает иногда. Но я совершенно определенно знаю, что все в жизни Александры Юрьевны было необыкновенно, мощно, ярко и частенько по-настоящему таинственно, – и, увидев ироничную улыбку Северова, уверила: – Да-да, всегда что-то необычное, начиная со школы, там у нее была еще та история.

В восьмом классе девочка Сашенька Новицкая отчаянно и безоглядно влюбилась в одноклассника Петю Борисова. Так часто случается в жизни – учились дети с первого класса вместе, мало обращая внимания друг на друга, ну иногда бывает, что дружили, а так – просто одноклассники, члены одного коллектива, и не более того. А

годам к четырнадцати-пятнадцати мальчики, вернувшись после каникул в школу, вдруг обнаруживают, что их девочки стали совсем другими, такими сексуально привлека-а-ательными, а девочки рассмотрели в некоторых мальчиках тоже значительные перемены: и оформившиеся фигуры, и ломающиеся голоса, басившие все чаще, и, что самое интересное, дерзость характеров в некоторых из них, так привлекавших девочек всех времен и народов.

Вот у Александры с Петей случилась как раз такая история. Родители Петра были чиновниками среднего звена, но надо понимать, что чиновники такого уровня во второй столице страны по тем глубоко советским временам – люди влиятельные и обеспеченные. Взять хотя бы трехкомнатную квартиру в историческом центре Ленинграда.

А Сашенька с родителями и младшей сестрой жили в коммуналке, и семья их была самая обыкновенная: родители инженеры, советская интеллигенция, бабушки-дедушки из простых людей, разве что дед Анисим герой войны, заместитель директора завода, тогда еще не получивший Звезду Героя Соцтруда, в принципе, тоже должность приличная. Но в семидесятых годах ветеранами и героями войны никого было не удивить и к ним относились не столь трепетно, как нынче.

Это все к тому, что, с точки зрения родителей Петруши, девочка Саша их сыну не очень-то подходила как партия даже для первой юношеской любви. Имелись у них планы на другую девочку, дочь начальника, учившуюся в одном классе с ребятами.

И, в общем-то, по большому счету, и наплевать бы на то, что там рассчитывают родители мальчика, когда мы здесь имеем первую большую любовь – этот трепет, это счастье, это бесконечно прекрасное, что происходит с тобой и просто не может закончиться, пройти и исчезнуть, это навсегда, и при чем тут кто-то другой, кроме них двоих...

Но у мальчика Пети была мечта. Ну как мечта – Большое Увлечение, как-то так, с заглавных букв.

Он просто грезил Ближним Востоком, его воображение захватывали и непреодолимо притягивали к себе загадочный Египет, Ливан и Сирия, бывшая Персия. Он мог часами захлеб рассказывать Саше историю этих стран, культуру, уклад жизни. И мечтал когда-нибудь посетить каждую из них.

– Я с тобой, – смотрела на него, замороженная его рассказами, его увлеченностью, влюбленными глазами Сашенька.

А он смотрел на нее снисходительно – куда со мной, как?

В семидесятых годах прошлого столетия – посетить иностранное государство с капиталистическим строем. Ну да.

– А почему нет, – пожимала беспечно плечиками Сашенька, которой в ее пятнадцать лет казалось все на свете возможным и достижимым, сложилась же у нее такая прекрасная любовь, почему бы не получиться еще чему-нибудь необыкновенному! – Ездят же разные специалисты. Журналисты, ученые, дипломаты. Все возможно.

И, посмотрев на девочку Сашу совсем иным взглядом, мальчик Петя сильно призадумался над ее словами, которые легли прямо в тему, что называется, на хорошо подготовленную почву.

Думал он старательно какое-то непродолжительное время, и в результате этих умственных усилий у мальчика Пети созрел четкий план.

– В исторический вуз лучше не соваться, – рассуждал пылкий юноша. – Ничего там не получится. Ну закончим востоковедческий факультет, так нас засунут в какой-нибудь музей или институт исследовательский, и вкалывай там годами, пока защитишь диссертацию и звание получишь какое-нибудь, тогда тебе, может, позволят куда-то выехать. Или еще того хуже: в школу преподавать историю направят. Нет, это нам не годится.

– Что же делать? – не сводила с него влюбленных глаз Сашенька, которой, по большому счету, было все равно, что делать и куда, собственно, направиться после школы, лишь бы оставаться рядом с любимым.

– Будем поступать в МГИМО на ближневосточное отделение.

– Хорошо, – согласилась Саша.

– А для этого, – наставлял ее Петя, – надо овладеть английским в совершенстве и срочно начать изучать арабский. Я уже родителей напряг, они нашли мне преподавателя по арабскому, будем учиться вместе.

А что, хороший план. Даже где-то толковый.

Но как-то так получалось, что Александре все давалось легче, лучше и качественней, чем возлюбленному: они и так-то учились в английской школе с факультативным французским, и Сашенька давно

уже освоила английский, практически свободно разговаривая на нем чуть ли не с оксфордским произношением, и вполне неплохо справлялась с французским.

Да и арабский, как сейчас бы сказали, зашел ей без особых мучений и трудностей и даже понравился, даваясь как-то легко, с большим интересом, увлекая своей вязью, загадочностью, словно старинная арабская сказка.

Учились ребята оба замечательно, но золотую медаль опять-таки получила Александра, а не Петенька.

Может, она просто очень старалась ни в чем не подвести возлюбленного, хотела получить его похвалу и одобрение или ей просто нравилось учиться и знания давались без натужных усилий – бог знает.

Теперь, наверное, и сама Александра Юрьевна не упомнит, ради чего она тогда так старалась. Помимо всего прочего, ей вообще нравилось учиться, особенно языкам, и на каком-то этапе, неожиданно для нее самой, Сашу вдруг всерьез увлекла и захватила история и культура стран Ближнего Востока, чему в немалой степени способствовал их с Петей замечательный преподаватель, учивший ребят арабскому.

Как и планировали по окончании школы, очередной раз проигнорировав недовольство родителей Петеньки, так и не принявших за эти два года и не одобрявших дружбы и любви сына с этой девочкой, выдержав некрасивую сцену, когда те пришли объясняться с родителями Саши, дети все-таки отправились в Москву вдвоем поступать в МГИМО.

И... Сашенька поступила достаточно легко, даже с приличным заделом проходя по баллам, а Петенька вот нет, не поступил.

Это стало его великой трагедией.

Петр настолько не ожидал столь невероятного исхода, абсолютно, непоколебимо уверенный в себе, в своих способностях и знаниях, уже считая себя студентом этого знаменитого вуза, что сначала растерялся необычайно, даже сходил в деканат и перепроверил списки зачисленных. Но, убедившись и осмыслив свершившийся факт, буквально рыдал от ужасной, нечеловеческой, как он выразился, несправедливости. И тут же потребовал у Александры, чтобы та

незамедлительно забрала документы, отказавшись учиться, раз его не приняли.

– Но почему? – изумилась Саша.

– Потому что это моя мечта и моя идея, – возбужденно, негодуя ужасно, объяснял он. – Ты просто поддерживала меня и была рядом. Ты даже не собиралась поступать в этот вуз. Это все я придумал, – и выдвинул ультиматум: – Саша, если ты меня действительно любишь, то заберешь документы и мы вернемся в Ленинград. А на следующий год снова попробуем поступить.

А девочка посмотрела-посмотрела на мальчика, подумала-подумала и решила, что это какая-то уж слишком высокая и совершенно непонятная цена за любовь. И поступит ли она второй раз – большой вопрос, да и какой, спрашивается, в этом смысл.

И решила учиться, раз уж повезло поступить в такой вуз, без блата, без крутых родителей, самой, без какого-либо протектирования и с первого же раза.

Петя посчитал решение Александры предательством и удалился в Северную Пальмиру подло обиженным, но гордым человеком. Девочка последовала за ним, поплакала какое-то время, поугovarивала, что он поступит на следующий год и они все равно будут вместе, походила за непримиримым возлюбленным, горделиво игнорировавшим ее... да и заколебалась уговаривать. Плюнула и уехала в Москву учиться.

Да потому что без сожалений и раздумий бросать свою жизнь на алтарь той самой любви, посвящая себя любимому человеку, способны только несчастные, забытые и затюканные суровыми, невнимательными родителями девочки, не выдавшие и не знавшие любви в семье.

И хоть у Саши были достаточно отстраненные, холодные в проявлениях чувств родители, особенно отец, но бабушка Муся и дед Анисим наполнили их с сестрой жизнь такой настоящей, бесконечной любовью, научив уважать и любить самих себя, что некий внутренний ориентир не позволил ей спутать настоящее, истинное чувство и суррогат, выдаваемый за него, при первых же испытаниях и в непростой ситуации потребовавший какой-то немедленной жертвы с ее стороны.

– А ты с ним встречалась позже? – расспрашивала Аня тетушку, предававшуюся воспоминаниям. – Узнавала, кем он стал и как жил?

– Нет, зачем? Мне это не интересно, – пояснила племяннице Александра Юрьевна. – Не следует переоценивать роль некоторых людей в нашей жизни, они лишь проводники, которых посылает провидение, чтобы развернуть и подтолкнуть нас в нужном направлении и привести к нашему предназначению в жизни.

– Но ведь благодаря этому мальчику ты решила поступать в МГИМО и обрела свою стезю и дело всей жизни.

– Кто знает, – усмехнулась тетушка. – Мальчик мечтал и грезил о восточной сказке, не расставшись с детскими фантазиями, а я направила его грезы в реальное русло, убедив, что все в наших руках и все возможно. Может, дальше этих грез он бы и не двинулся. Кстати, и не двинулся, насколько мне известно. По крайней мере, пока я там училась, он ни разу за эти годы не повторил попытки поступить.

Вот такой взгляд на жизнь у Александры Юрьевны, в чем-то очень восточный, дистанцированный от судьбы другого человека, предоставляющий провидению позаботиться о нем. И немудрено.

Можно только представить, как давалась Александре, простой ленинградской девочке, учеба среди сплошь крутых деток советской элиты: дипломатов, послов, военпредов, ученых и прочих непростых людей. Но характер у девочки всегда был кремень, ум не по летам и поразительная внешность, невероятно притягательная, женственная, тонкая красота и эти ее потрясающие, удивительные светло-зеленые глаза... Так что справлялась она неплохо со всеми этими мажорчиками и их понтами.

А на четвертом курсе и вовсе все переменялось в жизни Александры, потому что она по-настоящему полюбила и вышла замуж за своего однокурсника Алехандро Кати, сына испанских эмигрантов тридцатых годов. Друзья называли их «Алекс-два», и они были великолепной, красивейшей парой.

Поговаривали, что ближневосточный факультет практически весь и сразу курируется службой внешней разведки, выбирающей для себя достойные кадры. Но кто станет подтверждать или опровергать эти утверждения? Тетушка Александра уж точно нет. И все остается на уровне недоказанных предположений. А тогда, закончив вместе с мужем институт, они вдвоем сразу же были направлены работать в одну из арабских стран.

Аня отлично помнила дядю Алекса, которого видела три раза в своей жизни, – черноволосый красавец, с белозубой улыбкой и характерным носом с горбинкой, он был невероятно обаятельным, позитивным человеком, всегда улыбался и заразительно хохотал.

Двенадцать лет назад Алехсандро Кати, любимейший муж, самый родной, самый близкий человек, настоящий друг и соратник Александры, погиб во время террористического акта в одной из арабских стран, в которой они работали в тот момент в российском посольстве.

Для Александры Юрьевны это был страшный удар. Страшный.

Она настолько тяжело переживала свою утрату, что руководство оставило ее временно работать в России. Она сменила несколько постов, проработав в Министерстве иностранных дел руководителем Ближневосточного корреспондентского корпуса, преподавала в университете, но недолго, хотя успела за это время написать и защитить диссертацию, став кандидатом исторических наук, стараясь настолько загрузить себя делами и работой, чтобы хоть немного притупить боль утраты. Но вскоре Александра была вновь призвана на прежнюю должность и срочным порядком отправлена в посольство одной из арабских стран. И вернулась только через два года.

Совсем недавно Анна узнала, да и то случайно, что тетушка награждена несколькими правительственными наградами, удивилась необычайно и все приставала к тетке с расспросами, но та привычно отделялась шутками, парочкой каких-то веселых историй и загадочной улыбкой.

Несколько лет назад у Александры Юрьевны и еще четырех ее коллег состоялась встреча с президентом нашей страны. Закрытая встреча.

Президент разговаривал с каждым из пятерки представленных ему людей индивидуально. И в результате приватной беседы с руководителем нашей страны Александра Юрьевна окончательно переехала в Питер, о чем давно мечтала и куда давно стремилась, заняв очень высокий пост в администрации губернатора.

Она как-то призналась Анне, что настолько нажарилась в странах, в которых ей приходилось работать, что не хочет видеть и бывать ни на каких курортах, даже самых шикарных, – никакого шпарящего солнца и никакого моря, все, что просит ее душа, – это тихой,

умиротворяющей северной природы с ее великолепными пейзажами, созвучными истинной натуре русского человека своей молчаливой, неброской силой. И дождичка.

Поэтому и возник «Озерный».

Еще до назначения на работу в губернаторский корпус Александра Юрьевна пересмотрела несколько проектов коттеджных поселков, поехала по области, выискивая место, где бы ей было хорошо, и, увидев эту «долинку», к которой пока только присматривалась одна из строительных организаций, сразу же приросла к этому месту душой, инициировав строительства поселка.

Благодаря своим весьма высоким связям она нашла другого подрядчика для застройки, поменяла саму концепцию поселка и предложила приобретать участки чиновникам высшего звена области.

Ей тут было хорошо, спокойно и так по-светлому радостно, умиротворенно душе, призналась она однажды Анне в момент какого-то особого тихого откровения, когда они сидели с ней вдвоем на веранде и смотрели на закат. Наверное, это самое главное.

Нынче отгремел юбилей Александры Юрьевны – шестьдесят лет.

Дату отмечали широко, красиво, дорого-богато, со множеством важных гостей, с прекрасной официальной речью губернатора и поздравительными телеграммами от министра иностранных дел и от самого президента – да, помнили, ценили. На что тетушка, посмеиваясь, шутила, поинтересовавшись у Анны:

– Тебе не кажется, что у меня начался период Ренессанса? Может, вернуться на работу в Министерство иностранных дел, уж так они замечательно про меня говорили, аж самой не верится, какая я молодец? Прямо молодость разыграла в кое-каких правильных местах. Может, какого юношу себе завести для жизненной бодрости, как думаешь?

Никуда она, конечно, не собирается, это понятно – приросла, как шутит Александра Юрьевна про свою нынешнюю жизнь в Питере и должность, из-за которой, кстати, и пострадала. А насчет юноши для бодрости – то кто знает, тетушка умела скрывать свои тайны, и такие в том числе.

Три месяца назад, в самый разгар карантина и коронавируса, Александра Юрьевна по своим должностным обязанностям посетила госпитализированного с диагнозом COVID-19 в больницу одного из

представителей арабских бизнесменов, работающего в Питере в совместном государственном проекте.

Понятное дело, что эта женщина не из-за стекла и по телефону общалась с заболевшим, а, облачившись в противочумный костюм по всем правилам, провела беседу с больным непосредственно в палате.

А когда переодевалась, не удержала равновесие, освобождая ногу из штанины неудобного комбинезона, и рефлекторно схватилась за какой-то медицинский аппарат, стоявший в предбаннике «красной зоны», агрегат заскользил по полу, Александра Юрьевна не удержалась и упала, а сверху на нее рухнул и тот самый аппарат.

Результат – сложный перелом правой ноги. Гипс, который наложили в той же больнице, и госпитализация в спецбольницу областной администрации. Через месяц тетушку выписали, но на работу выходить не разрешили, впрочем, она лихо управлялась со своими делами и подчиненными в режиме онлайн на удаленке.

И, понятное дело, раз выпал такой продолжительный больничный, Александра Юрьевна сразу же уехала в «Озерное» вместе с Леной и благополучно работала и отсюда, заодно восстанавливая здоровье и былую подвижность ноги, делая упражнения и расхаживаясь понемногу.

Конечно, как человека невероятно деятельного и энергичного, Александру Юрьевну ужасно нервировало ограничение в движении и возможностях, и порой она позволяла себе быть ворчливой.

– Плоть слаба, а дух силен, – вздыхала Александра Юрьевна, когда, перегрузив пострадавшую ногу слишком активными физическими упражнениями, чувствовала боль.

И актерствовала от скуки, устроившись в кресле и уложив пострадавшую ногу на пуфик, изображая старческую немощь:

– Да-а-а, – вздыхала она, – быстротечны земные радости. – И качала печально головой: – Как говорил Джонатан Свифт, умнейший, кстати, был человек, «все люди хотят жить долго, но никто не хочет стареть».

– А я смеюсь, спрашивая: так, подожди, а как же период Ренессанса? – рассказывала, улыбаясь воспоминаниям, Анна. – А она отвечает да и в... – остановилась Аня и пояснила: – Тетушка может иногда и припечатать острым словечком и вернуть далеко не дипломатические выражения. В общем, послала она Ренессанс и

поигрывает периодически в хандру. Но я заметила, что загадочный труп в лесу и ваше появление в нашей жизни ее очень взбодрили.

– А как появилась Лена? – спросил Северов.

– Лена приехала вместе с тетушкой, когда та вернулась с Ближнего Востока в последний раз, – сразу же утратила веселость тона Аня.

Перед ее мысленным взором сразу же возник портрет Лены, который она нарисовала когда-то и который потряс Анну, ужаснув своей реальностью. Она рисовала в состоянии отрешенности, полностью отдавшись самому процессу, погрузившись в него, задействовав свой дар, а когда закончила и посмотрела реальным взглядом на то, что получилось, отшатнулась как от удара.

С портрета на нее смотрела девушка с широко распахнутыми глазами, переполненными безумным страданием и ужасом, на искаженном страшной, дикой мукой лице, с распахнутым, рвущимся от невозможности выпустить, вытолкнуть крик безумной боли ртом...

И она была словно живая, глаза эти светились...

Спрятав портрет подальше, Аня два дня ходила как больная, не могла спать и есть, переживая трагедию девушки и буквально чувствуя этот нечеловеческий ужас и боль, которую та испытывала, эти жуткие, дикие страдания. Не выдержав, на третий день пришла к тетушке Александре и показала ей.

Та держала портрет в руке и смотрела на него долгим, изучающим, напряженным взглядом и отложила на стол, перевернув изображением вниз, попросив:

– Не показывай ей и никому не показывай. Сожги. И не рисуй ее больше, – и сказала, тяжело, безысходно вздохнув: – Ты не хуже меня знаешь, Аннушка, что правда всегда грязнее и вонючее любой фантазии.

И рассказала историю девушки.

Прекрасная провинциальная девочка, необыкновенной редкой красоты, с детства мечтавшая стать моделью, понятное дело, а кем еще можно стать-то при таких данных, победила в конкурсе красоты.

Сначала в своем не таком чтобы и маленьком городке, затем в области и посредством этих самых конкурсов добралась и до Москвы, победив в каком-то там отборочном туре, и была принята в школу моделей.

Училась она так себе, но красоту ведь не спрячешь, и Москва – это все-таки Москва, и девочку заваливали разными предложениями мужчины и всяческие агентства поучаствовать на показах, поработать на выставках вместе с другими моделями в качестве консультантов, и промоутеров, и фотомоделей. И как-то в числе прочих она получила совершенно потрясающее предложение поработать моделью вместе с другими девочками на международной выставке в качестве помощницы администраторов-распорядителей и тех же консультантов и сопровождающих. Ну, знаете, когда такие модельные красавицы помогают сориентироваться на площадках, подсказывают, где и что находится, помогут найти нужную информацию или украшают собой выставочные экземпляры.

Международная выставка самого высокого уровня, и не где-нибудь, а в Эмиратах. И деньги обещали ну очень большие, и гостиница для проживания – пять звезд.

Ничего толком не разузнав и не выяснив, Лена согласилась и прилетела в Арабские Эмираты. Но оказалась в качестве выставленной на черном рынке сексуальной рабыни. Продали ее одному очень богатому человеку в наложницы, разумеется, жителю совершенно другой арабской страны.

И можно было бы подумать, что девчужке повезло, не в бордель все-таки продали, только мужчина, ставший ее хозяином, оказался совершенно конченным садистом и психопатом и такое с девчонкой вытворял, что она несколько раз находилась на грани смерти, а однажды перенесла инфаркт. И эта пытка продолжалась несколько лет.

Как она выжила – вопрос. Кто-то сверху, видимо, хранил.

Из того немногого, что разрешалось Лене, было и сопровождение жены хозяина на рынок за продуктами, когда ожидалась большая закупка. Вот там, на рынке, однажды девушка услышала русскую речь и увидела двух женщин в хиджабах, как и приписано законом этой страны, что-то тихо обсуждавших между собой на ее родном языке.

Где и как она умудрилась раздобыть ручку и клочок бумаги и как сумела написать мольбу о помощи и свои данные и сунуть записку в руку одной из женщин, Александра Юрьевна Анне не рассказала, как и то, каким чудом и с чьей помощью смогла все же вызволить девочку.

Надолго замолчав, Аня все вспоминала тот страшный портрет, который получился у нее, и рассказ тетушки о девушке.

Лена не из простой человеческой благодарности не желала расставаться с Александрой Юрьевной, ну из-за нее тоже, но не совсем.

После многолетнего физического и морального надругательства у девушки серьезно пострадала психика, и подсознательно она воспринимала Александру Юрьевну единственным человеком во всем окружающем ее враждебном мире, рядом с которым безопасно и может быть нормальная, обычная жизнь. Александра Юрьевна нашла хороших врачей для Лены, и та вот уже столько лет и до сих пор проходит лечение у психиатра. Физические травмы, какие могли, вылечили, какие-то останутся навсегда, искалечив ее здоровье, а вот психологические...

Вот так. Как говорил Anne нынче утром Северов, «гибнут тысячи, спасают единицы». Эти девочки, которые хотят все, сразу и сейчас: красоты, богатства, шикарной жизни, известности – и летят как мотыльки на губительный свет, на обманчивые предложения мошенников разных мастей и торговцев их прекрасными телами...

– Думаю, я не вправе рассказывать историю Лены, да и, честно говоря, я мало что знаю. Вы спросите у тетушки.

– Это не важно, Анечка. То, что Лена – не очень здоровый человек, я понял. А ее непростые тайны пусть и останутся тайнами, – подбодрил ее улыбкой Антон и указал вперед через лобовое стекло на мелькнувший на обочине указатель поворота на «Озерное». – Мы практически приехали.

Северов доставил Анну домой, продублировав лично для Александры Юрьевны и Ромки рекомендации докторов, и уехал к себе.

Аня, у которой снова разыгралась не острой, а какой-то нудно-тягучей болью голова, отправилась к себе в комнату отдыхать. Легла на постель, решив подремать немного, да и незаметно заснула крепким сном, отпустив воспоминания о трагедии Лены и тот кошмар, через который пришлось пройти девушке, и про преступления так и не пойманного до сих пор преступника и все, что с ним связано.

Находившийся на встрече с заводским коллективом в районе, далеко от «Озерного», товарищ Юдин в этот вечер приехать не смог и был, как рассказала Антону Александра Юрьевна, когда тот привез Аню домой, крайне раздосадован этой задержкой.

Но следующим, довольно ранним для персон такого уровня утром черный автомобиль представительского класса Станислава Михайловича Юдина в сопровождении охраны на джипе и третьей машины кортежа со следственной бригадой подъехал к особняку Лигова.

Выскочивший из джипа охранник открыл заднюю дверцу, и в тот момент, когда обутая в черную туфлю ручной работы нога помощника президента ступила на асфальт, а следом за ней начала выбираться из салона автомобиля его массивная фигура, из распахнувшейся калитки выскочил хозяин усадьбы и, почтительно и чуть подобострастно улыбаясь, поспешил навстречу гостю дорогому, а из-за угла вышел Антон Валерьевич и подошел к высокому собранию.

– Ну, здравствуй, Олег Владиславович, – обманчиво-благодушным тоном поздоровался прибывший чиновник с хозяином. – Примешь гостей незваных?

– Почту за честь, Станислав Михайлович, – щедро улыбался хозяин и повторился, – почту за честь.

Не дождавшись протянутой для рукопожатия руки, Лигов, удивленный этим настораживающим фактом, вместе с опасением сумел скрыть и, продолжая открыто, радостно улыбаться, пригласил широким жестом, пропуская гостя вперед:

– Милости прошу.

– Благодарю, – солидно кивнул тот, но в распахнутые настежь двери сразу не пошел: повернулся к Северову. Вот ему он руку протянул: – Антон Валерьевич, – не спросил, констатировал.

– Здравствуйте, Станислав Михайлович, – пожал протянутую руку полпреда Северов, слегка улыбнувшись уголками губ.

– С соседом твоим вот тоже хотел встретиться, – добродушно пояснил Юдин и спросил для проформы: – Не возражаешь?

Если Лигов и удивился знакомству представителя президента с непонятным каким-то соседом и насторожился странностям происходящего, то никаким образом этого не продемонстрировал, не дрогнув ни одним мускулом на лице, продолжая излучать радостный подъем и открытое гостеприимство. Ну, а что вы хотели, столько лет на высоких должностях: школа, куда там народным артистам.

– Буду только рад укреплению добрососедских отношений, – и выдохнул бодренько, по-простецки так: – Ну, проходите, проходите.

Юдин, сопровождаемый хозяином и чуть пропустившим их вперед Северовым, следом за которым двигались остальные члены «делегации»: три охранника и два следователя, – прошествовали по дорожке в дом и прошли в главную гостиную, в одной из частей которой суetyающиеся, переполошенные слуги торопливо накрывали большой стол для приемов.

– Кофе, аперитив с дороги для аппетита? – предложил Лигов.

– Пожалуй, кофе, – решил Юдин, устраиваясь в кресле возле кофейного столика.

– Одну минуту, – улыбнулся хозяин, жестом предложив Северову расположиться на диване и присаживаясь в кресло напротив главного гостя, которому пожаловался так по-житейски, как хорошему другу, – куда-то запропастилась Алевтина Степановна, она у меня командует персоналом, а без ее руководства они не очень расторопны.

Но горничная уже несла поднос с тремя маленькими чашечками на блюдцах и тремя медными маленькими джезвами на деревянных подставках, исходивших паром аромата дорогого кофе, и тремя же высокими узкими стаканами с холодной водой, которые быстренько расставила перед каждым гостем, перелила напиток из джезв в чашечки и отступила на пару шагов в ожидании возможных распоряжений.

– Ты извини, что без предупреждения, – не извиняясь ни на грамм, произнес добродушным тоном человека, вынужденного следовать положенной процедуре, Юдин и вздохнул, позволив скорби чуть отразиться на его лице: – Ты о моей беде слышал?

– Конечно, Станислав Михайлович, – сочувствующе кивнул хозяин. – Страшное горе. Такая девочка прекрасная и такое... Мои искренние соболезнования. Хотя... – протянул он задумчиво, выражая полную искренность и понимание, – разве ими сможешь.

– Соболезнованиями не сможешь, но кое-чем ты помочь можешь, Олег Владимирович.

– Всем, чем угодно, – выказал готовность хозяин.

– Тут, понимаешь, тут такое дело... – начал Юдин и прервался, отпив неторопливо кофейку, посмаковал, оценив напиток одобряющим кивком головы.

Северов, проигнорировав кофе и воду, стоявшие перед ним на журнальном столике, наблюдал эту игру с особым удовольствием

зрителя, попавшего на лучшие места в партере на спектакль в исполнении мэтра театрального искусства.

– ...выяснилось, – уронил следующее слово Станислав Михайлович, поставил блюдце с чашечкой на стол, откинувшись на спинку кресла и посмотрел внимательно, но пока все еще дружески на хозяина, – что человек, убивший мою Юлю, – твой родственник. Племянник.

– Да, – сразу подтвердил Лигов, даже не думая отпираться. – Я узнал об этом два дня назад. Мои люди ищут этого гаденыша по всем его друзьям, знакомым, норам и притонам. Найдут, – легко пообещал Олег Владимирович. – И передадут тебе.

– Да мне-то зачем, – отмахнулся от щедрого предложения гость, не приняв этой подачи. – Следователям вон, – указал он кивком головы на стоявших следователей, – передай для свершения правосудия, – и «вспомнил» цель своего визита. – Кстати, мы по этой причине и потревожили тебя с утра пораньше, Олег Владимирович. – И пояснил, не забыв выдержать еще одну паузу: – Понимаешь, следователи – ребята подневольные и обязаны соблюдать букву закона, которая гласит, что надо провести опрос и осмотреть жилье всех родственников беглого преступника. Понятное дело, что родителей и друзей-приятелей, подружек твоего племянника давно уже опросили и все проверили. Ну а к тебе же так просто не пойдешь. Вот и обратились ребята ко мне за помощью, – с видом добродушного дядюшки разъяснял Юдин и спросил еще более добродушно: – Ты не будешь против, Олег Владимирович, чтобы следователи и мои ребята осмотрели твой дом и участок? – И придал налет незначительности своей просьбе: – Так, никаких обысков, осмотрят для протокола, для соблюдения формальностей.

– Разумеется, Станислав Михайлович, – выказал горячую готовность к сотрудничеству Лигов. – Обязательно, я даже настаиваю на серьезном осмотре. Мои служащие покажут абсолютно все, откроют все двери.

– Вот и хорошо, – кивнул Юдин и отдал распоряжение ожидавшим охранникам и полицейским: – Начинайте, ребята.

Северов встал, кивнул сдержанным поклоном и покинул уважаемых господ, присоединяясь к поисковой бригаде.

– Антон Валерьевич, – ответил на вопросительный немой вопрос хозяина Юдин, – свидетелем побудет, чтоб соблюсти все формальности. Я попросил.

Беглого гонщика нашли быстро, примерно минут через двадцать. Нашел, понятное дело, Северов, который знал, где искать, и главное, умел это делать на таком уровне, о существовании которого даже не подозревали остальные служивые ребята, принимавшие участие в поиске.

Небольшая каморка, два с половиной на два с половиной метра, находилась за отодвигавшимся на шарнирах тяжелым стеллажом в дальнем углу подвала. Когда, отодвинув стеллаж, открыли встроенную, сливавшуюся со стеной дверцу, из закутка ощутимо такшибануло спертым воздухом, пованивавшим отхожим местом, а «сиделец» принялся возмущаться:

– Ба, ты совсем... – и осекся, не признав в вошедшей в каморку мощной фигуре одного из охранников Юдина родную бабушку.

Протокол соблюли по всем правилам, о чем так ратовал полпред: понятых из числа прислуги назначили, права задержанному зачитали. Но, когда хлопчика карцерного скрутили под нежные ручки охранники Юдина, из ушлепка, до сих пор не прочувствовавшего всей глубины своего попадалова, поперла привычная нахрапистая бычка.

– Эй, вы чо, охренели! – орал тот. – Больно, мать вашу! Отпустил руку, козел! А-а-а-а! – заорал, когда охранник чуть надал болевого эффекта, приподняв руку задержанного повыше. – Ах ты ж козел!

Когда орущего Виталика выводили из дома и конвоировали в машину, изменившийся в лице, побледневший так, что губы стали одного оттенка с бледной кожей, Лигов убеждал полпреда в своей непричастности, уже безысходно осознавая всю бесполезность собственных слов и уверений.

– Я не знал, Станислав Михайлович, – смотрел он тому в глаза. – Не знал. Клянусь. Это теща, Алевтина Степановна, у нее этот урод любимый внучок. Это она тайком от меня его прятала.

– М-да, – покивал головой Юдин, закаменев лицом, якобы соглашаясь и где-то даже сочувствуя. – И как-то внезапно и очень вовремя теща твоя вдруг пропала, – и «успокоил»: – Не переживай, Олег Владимирович, следствие разберется.

И, не прощаясь, прошагал по дорожке, сопровождаемый одним охранником и следователями к своему автомобилю.

– Антон Валерьевич, – спросил Юдин, заняв свое место на заднем сиденье автомобиля, – я собираюсь навестить Александру Юрьевну. Вы со мной?

– Если не возражаете, Станислав Михайлович, – не принял приглашения Северов, – я бы хотел присутствовать на допросе задержанного, – и уточнил: – Как я понял, следователи собираются сразу провести первичное дознание прямо здесь?

– Да, они считают, что так он быстрее расколется. Ну, что ж, я не возражаю, присутствуйте. – И, уже отворачиваясь от собеседника, произнес как бы впроброс: – Хотя какой там допрос, все это пустое... уже не важно.

Пока Станислав Михайлович завтракал с Александрой Юрьевной, Анной и Ромкой на веранде ее дома, угощаясь бесподобной свежей выпечкой, сделанной утром ее племянницей, ягодами с участка и восточными сладостями, подаваемыми с великолепным кофе, Северов, в это же время наблюдая и слушая проходивший допрос задержанного, мысленно соглашался с полпредом – все это на самом деле уже не важно. Так, лишь соблюдения формальностей ради.

Увидев Юдина, стоящего рядом с помертвевшим до белизны дядькой, когда его вели к машине, Виталик перепугался до такой степени, что чуть не обделался, сломавшись сразу же. И теперь торопливо и охотно отвечал на все вопросы следователя и давал подробные показания. В том числе и про нанесение тяжких телесных повреждений гражданке Погодиной посредством удара тяжелой сосновой веткой по голове.

Все. Это уже не интересно. Те мелочи и детали, которые Антон хотел уточнить для себя, он узнал. И Северов, покинув кабинет председателя правления, временно превращенный в допросную, нашел в другой комнате следователя Маркова Михаила Анатольевича, возглавлявшего следственную группу, ведущую дело об убийстве Барковца, все еще не покинувшую «Озерное».

Поговорили, Антон поделился своими наблюдениями и выводами. Марков слушал, что-то записывал, принимал к сведению и выражал свое мнение исключительно кислым выражением лица.

Да оно и понятно: разыскивать убийцу надо или хотя бы делать видимость проводимого розыска, но для нормальной следственной работы требуется опросить массу свидетелей, пересмотреть гору записей видеонаблюдения и из кучи полученной информации выловить что-то интересное, важное, относящееся к делу. Но со свидетелями все понятно – хрен вам, а не свидетели, да и с записями видеонаблюдения приблизительно та же история про любимый русский корнеплод.

Вот и сидят ребята, ждут отмашки начальства: мол, списывайте убийство на залетных преступников и возвращайтесь. Хорошо, хоть немного жизнь разнообразилась с задержанием этого Виталика.

И тем не менее Антон своими наблюдениями поделился, Марков принял их к сведению, и оба прекрасно отдавали себе отчет в бытующих реалиях развития этого дела. Но, провожая посетителя, Марков пожал уважительно руку Северову и попросил напомнить Анне Александровне, чтобы та написала заявление о нападении, чтобы присовокупить его к делу Виталика.

На том и расстались.

Попрощавшись и коротко махнув рукой, Антон ушел, а Михаил Анатольевич еще долго стоял на крыльце правления, провожая задумчивым взглядом удаляющуюся фигуру Северова.

Станислав Михайлович в гостях у Александры Юрьевны надолго не задержался. С удовольствием позавтракал, коротко переговорил о делах, когда Анна, извинившись, деликатно удалилась вместе с Ромкой под каким-то предлогом, оставив гостя с хозяйкой общаться наедине.

– Станислав Михайлович, – только когда они остались вдвоем, высказала свое искреннее сочувствие отцу, потерявшему дочь, Александра Юрьевна: – Примите мое настоящее сердечное соболезнование. – И пояснила, указав подбородком на дверь, за которой скрылась племянница с сыном: – Анечка да Ромка – мои единственные самые близкие люди в жизни. Мы так устроены: когда случается беда у кого-то, проецируем ее на себя, примеряя к своей жизни. Как только узнала о вашей трагедии, через сердце пропустила: как представила себе, что с Анечкой или Ромой нечто подобное... – помолчала она, справляясь с нахлынувшими эмоциями. – Все слова утешения бесполезны, я точно знаю. Одного самого близкого, любимого человека я уже потеряла. Не верьте, когда начнут уверять,

что время лечит. Не лечит оно, лишь притупляет немного острую, непереносимую боль, позволяя дышать и жить дальше, и удаляет куда-то на задворки памяти трудные, сложные моменты, разногласия и недопонимания, что возникали между вами, высвечивая лишь радостные и теплые воспоминания, иногда даже такие мелочи, о которых и позабыл давно. И это все, что нам даровано, когда мы теряем близких.

– Спасибо, – искренне произнес Юдин.

Помолчали пару минут, каждый в своих скорбях.

– Александра Юрьевна, хотел спросить, – совсем иным, дружески-деловым тоном произнес Юдин, давая таким образом понять, что тема гибели дочери закрыта. – Что это за Антон Валерьевич, которого ты порекомендовала? Информация по нему закрыта, дальше официального подполковника инженерных войск мои ребята продвинуться не смогли.

– Ну вот закрыта, – развела руками жестом бессилия Александра Юрьевна, позволив себе лишь мелькнувшую улыбку.

– Даже так? – задумался Юдин.

– Могу вас заверить, Станислав Михайлович, что к нашим ведомствам и делам он не имеет никакого отношения. И, разумеется, если вам понадобится более расширенная информация по Северову, вы всегда можете затребовать допуск в Минобороны.

– Допуск-то я могу затребовать, интересно другое: какую я получу информацию? – усмехнулся Юдин.

– Ну, – на сей раз открыто улыбнулась Александра Юрьевна, – какую-то получите точно. Но повторюсь: Антон Валерьевич не имеет к нашим делам ровно никакого отношения. Только одно: он мой очень давний... – посмотрела Александра Юрьевна прямо в глаза полпреду и закончила фразу: – Надежный друг.

Это было мягкое обозначение, скорее легкое напоминание о некой существующей границе, за которую даже полномочному представителю президента доступ был весьма ограничен, если не сказать закрыт.

– Ну, что ж, – не стал пыжиться, выказывать негодование и недовольство Юдин, как умеют в некоторых ситуациях быть искренними, не упираясь в собственное величие и регалии лишь политики очень высокого уровня, – где-то так я и предполагал. – И

мгновенно переключился на другую тему: – С этим разобрались. Вы мне лучше скажите, Александра Юрьевна, как ваше здоровье?

– Стремительно идет на поправку, – четко отрапортовала она, – в ближайшее время готова приступить к работе в полном объеме.

– Это очень хорошо, – порадовался за нее полпред. – Знаю, как вы напряженно работаете, даже находясь на больничном, на удаленке, как принято нынче это называть. Но ваше личное присутствие в администрации – немаловажный фактор, особенно в такое сложное время, как сейчас.

И замолчал, отвернулся, разглядывая природу.

Собственно, обоим было понятно все, что он хотел сказать, и без прямого озвучивания расклада: администрацию губернатора, а следом за ней неизбежно и городскую администрацию ждут ряд кадровых перестановок с последующим за ними переделом зон влияния и ответственности в связи с уходом с занимаемой должности господина Лигова.

– Замечательно здесь у вас, – вдохнув полной грудью, с ноткой сожаления произнес Станислав Михайлович. – А воздух какой душистый, – и повернулся к собеседнице: – Вы, Александра Юрьевна, не рвитесь на службу, поберегите себя, долечивайтесь спокойно. Но, надеюсь, через недельку мы с вами все же увидимся.

– Непременно, – уверила его Александра Юрьевна.

Значит, через неделю начнутся перестановки в администрации. Ну что ж, похоже, что затянувшийся отпуск по болезни заканчивается столь неожиданной интригой, а впереди ждут интересные и напряженные дела.

Проводив гостя, Александра Юрьевна позвонила Северову, пригласив того на ужин.

– Домочадцы! – закончив разговор с соседом, ответившим благодарным согласием на приглашение, бодрым, веселым голосом призвала она родных.

– Что стряслось? – прокричала встревоженно Анна, сбегая по лестнице со второго этажа.

– Ничего не стряслось! – уверила заметно взбодрившаяся, повеселевшая тетушка и разъяснила, для чего их призвала: – Я решила устроить сегодня торжественный ужин. Посвященный, ну, скажем, моему полному выздоровлению. На ужин приглашен Антон

Валерьевич. Так что давайте приготовим что-нибудь грандиозное, а? Давно мы чем-то грандиозным не баловались.

Не баловались давно, это тетушка верно заметила, только за «грандиозным» пришлось Лене, которая не очень хорошо водила и вообще это дело не любила, садиться за руль машины, поскольку Анна еще не совсем пришла в себя после травмы, и ехать вместе с Аней и Ромкой в магазины и на рынок аж в районный центр. А куда деваться, раз подписались и ввязались в историю с грандиозным меню?

Зато ужин удался на славу. Зачетный вышел, как сказал Ромка.

Дорогой гость пришел не с пустыми руками, презентовав хозяйке дорожную бутылку выдержанного коньяка известной марки и бутылку прекрасного сухого вина, фрукты и набор великолепных сыров разных сортов и стран.

Но стол и так уже ломился от разнообразия закусок, а главным украшением его стала запеченная по рецепту Лены семга совершенно потрясающей вкусноты.

Ели с удовольствием, отдавая должное стараниям хозяек...

– И меня! – напомнил о своем участии Ромка, когда гость расхваливал горячее и возносил похвалу готовившей его Лене. – Я лично чистил эту рыбку. Такая это засада, скажу я вам, – делился с гостем впечатлениями мальчишка. – Вот вы чистили когда-нибудь рыбу, Антон Валерьевич?

– Делаю это регулярно, после того как наловлю в озере, – ответил, посмеиваясь, Северов.

– А-а-а, ну да, – протянул пацан, – вы же рыбак, мама говорила, – и воодушевился: – Ну так тем более понимаете, какая это фигня редкостная.

– Это дело привычки и навыка.

– Не, – подумав, отказался пацан, – ну его на фиг, такой навык.

– Эти небольшие неудобства – лишь малая расплата за тот азарт и чувство победителя, которые испытывает рыбак, поймав свою большую рыбу, поверь мне, – поделился опытом Северов и тут же предложил: – Если захочешь, мы можем съездить на рыбалку вместе, попробуешь, что это такое.

– А можно? – загорелись у пацана глаза.

– Если твои женщины не будут возражать, то не вижу препятствий, – заверил гость и предупредил: – Только рыбалка – это не

драйв и движуха, а скорее медитация с поплавком и долгим ожиданием.

– Ничего, я терпеливый, – уверил Ромка, который хотел чуть ли не прямо сейчас бежать и плыть, чтобы попробовать неизвестное ему дело.

И всех за столом на некоторое время увлекло обсуждение рыбалки как таковой, всяческих историй, воспоминаний великих людей, личного опыта и баек об этом увлечении.

Они наслаждались долгим неспешным застольем, интересным разговором, хохотали над анекдотами и казусными историями, которые рассказывали хозяйка дома и не отстававший от нее гость. Несколько раз за это время переменили блюда и сервировку.

Получился настоящий дачный званый ужин с соседями, когда никто никуда не торопится, наслаждаясь обществом друг друга, тихий день клонится к закату и такое умиротворение и радость приятного общения накрывают всех, что настает просто красота, боже мой, какая.

Не обошли вниманием и утреннее задержание Виталика в доме Лигова, а как же, это ж горячие новости тишайшего поселка. Пришлось Северову все же поведать подробности этого дела уже после того, как перешли к чаю и насладились волшебными маленькими сладкими слойками с земляникой, испеченными Анной, но не спешили подниматься из-за стола.

– Рассказывать-то особо нечего, – заметно не обрадовался перспективе освещать затронутую тему Антон Валерьевич, ответил он на просьбу Анны и Ромки рассказать детали. – Виталий – сын Леонида Кравца, родного брата жены Лигова Ирины, трудящегося на ниве строительного бизнеса, хорошо так приподнявшись при помощи влиятельного зятя. У Леонида три сына, двое младших вроде нормальные пацаны, ну так, с поправкой на крутизну родственников, тоже не без дури, но в меру. А вот Виталик долгое время был единственным ребенком, которому позволялось абсолютно все, без каких-либо ограничений, вырос вот таким моральным уродом-мажорчиком, который с детства панически боялся и отторгал любую ответственность. Подвигов на него в полиции накопилось немерено – буровил парень от души по жизни: пьянки, клубы, кокаин, участие в закрытых мероприятиях с уклоном в садомазо, избивание простых граждан в компании с такими же друзьями, ночные гонки, выложенные в «Ютуб». Весь набор, одним словом. С Юлей

познакомился на тусовке, подвалил к ней с конкретным прямолинейным интимным наездом, а девочка его отшила достаточно жестко, ну у Виталика и разыграло ретивое, ударив мутью в голову, и он развел девчонку «на слабо» при куче свидетелей, предложив стритрейсерить на определенной дистанции на победителя. Виталий гонял в компании с другом, а девочка была одна в машине. Ее автомобиль, закрутившись, подставился под удар боком, Виталий пытался отвернуть, но бесполезно. Эпицентр удара пришелся на Юлю и друга Виталика, сидевшего на пассажирском сиденье, который, к слову, все же сильно пострадал, только выяснилось это гораздо позже. Орлы эти вылезли из обломков своего автомобиля, даже подходить и проверять, как там девушка, не стали, просто свалили, и все. Виталик сразу же примчался к бабушке Алевтине Степановне, рассчитывая на помощь дядьки, понимая, что дом родственника никто обыскивать не станет. Но Олега Владимировича уже оповестили об участии племянника в аварии, сообщив самое главное: кого именно он убил, – и тот объявил родне, что сдаст этого сучонка Юдину и что им лучше самим того выдать. Вот и все.

– Как все? – удивилась необычайно Анна. – А разговор, который я слышала? Ведь Алевтина Степановна совершенно определенно говорила: «они его нашли» и про дыру, в которую этого «его» засунули, а она предупреждала, что его нельзя там оставлять.

– Совершенно верно, – согласился Северов. – Только говорила она о друге Виталика, том самом парне, который был с ним в машине и, кстати, снимал все на смартфон. Виталий предложил другану вместе прятаться у дядьки в «Озерном», но парню резко стало плохо, после у него обнаружили ушиб внутренних органов и серьезное сотрясение мозга, и он отказался от такого предложения и поплелся к родителям каяться и просить помощи. Те связались с родителями Виталия, узнали, что случилось, и решили сами скрыть сыночка. И не придумали ничего лучше, как спрятать его у родного дядьки матери, бывшего врача, который и оказал парню первую помощь. Там его и нашли, и задержали, но он был уже в таком плачевном состоянии, что его пришлось срочно госпитализировать и показания он давать не мог.

– Поучительная история, – вздохнула Александра Юрьевна, – одно плохо, что трагическая, – и резко выдохнула, переключая тему: – Ладно, поговорим лучше о грядущей выставке Анны, – и пояснила

Северову: – Сегодня Анне поступило предложение участвовать в интереснейшей выставке исторического костюма...

Договорить про выставку Александра Юрьевна не успела, прерванная запиликавшим звуком домофона на калитке и перекрывающим его тихое пиликание криком звонившей в него Степаниды Ивановны:

– Ой, батюшки-светы, что ж творится такое!! Александра Юрьевна!! Откройте!! Тут такое! Страшное дело сотворилось у нас! Убили!!!

– Кого там еще убили? – недовольно пробурчала Александра Юрьевна, распорядившись: – Лен, походи впусти ее.

– Ой-ей! – ворвалась на веранду переполошенная Бибиси. – Свят, свят!! – и, рухнув на свободный стул, ухватившись за сердце, запричитала, оглушая всех: – Александра Юрьевна, что ж за кошмар у нас в поселке-то, а!? Человека убили насмерть!!

– Да не голоси ты! – прикрикнула на нее, сразу же раздражаясь, тетушка Александра. – Толком объясни, кого убили, где?

Лена протянула голосащей тетке стакан морса, быстро сообразив, что это лучшее средство, способное остановить возгласы гостыи, заодно давая той возможность перевести дух.

Степанида стакан приняла, не забыв благодарно улыбнуться Леночке, и сделала несколько жадных глотков.

– Так кого убили? – поторопила ее раздосадованно хозяйка дома.

– Так Алевтину же Степановну! – оторвавшись от морса, выстрелила известием Бибиси.

– Где? – спокойно поинтересовалась тетушка Александра.

– Так на дальнем лодочном причале, – ответила гостыя, торопливо делая большие глотки, допила морс, отставила стакан и приступила наконец к рассказу: – Гаранин-старшой с внучатами наладились поплавать на катере своем. Стал отгалкиваться веслом и что-то углядел под пирсом непонятное, сунулся посмотреть, а там она на волнах качается. Ну он внуков домой отправил, а сам Аристарху Марковичу звонить. Ну тот с майором этим Марковым и его ребятами и примчались прямо на машине и давай расследовать, осматривать. Ну а я к вам, оповестить. Меня на место происшествия не допустили.

– Так с чего ты взяла, что ее убили! – негодовала Александра Юрьевна.

– А что ж еще? – уставилась на нее недоуменно Бибиси. – Что ж, она сама в то озеро сиганула топиться, что ли? – И попеняла в мягкой форме, стрельнув быстренько глазами в сторону Северова: – Один труп уже нашли, теперь вот наших убивать начали. Такие страшные времена в «Озерном» настали, а вы, Александра Юрьевна, добрая вы наша душа, темных всяких личностей привечаете неосмотрительно, – на сей раз вполне демонстративно-бесстрашно посмотрела бабка на Северова.

– Антон Валерьевич – не темная личность, а военный служащий, подполковник, – вроде как представила своего гостя хозяйка.

– Как военный служащий?! – ахнула обескураженно Степанида Ивановна. – Как подполковник?! – расстроилась она окончательно.

Ну а как тут не расстроишься, когда такое ужасное фиаско, буквально крах всей ее замечательно выстроенной теории о бандитском гнезде, окопавшемся в поселке с попустительством его основательницы.

– Вот так и подполковник, – развеселилась Александра Юрьевна.

– Настоящий, – добавил огоньку Ромка, расплываясь в улыбке.

Для мальчишки все это было не более чем живым захватывающим детективом, тетку ту, утопшую, он знать не знал и была она ему, что называется, «что шла, что ехала» – абстрактная, неизвестная фигура, а если еще и вспомнить про найденный мамой труп – ну чистая Агата Кристи в «Озерном». Офигеть как увлекательно.

– Который отдыхает в «Озерном» от трудностей непростой службы, предпочитая уединенность и тишину, – присовокупила от себя и Анюта, прервав размышления сына.

– Александра Юрьевна, – поднялся с места военный служащий подполковник. – Увы, как ни жаль покидать столь гостеприимный дом и замечательную компанию, но, думаю, будет куда как продуктивней, если я сам побеседую со следователем.

– Да, Антон Валерьевич, несомненно, – поддержала его намерения хозяйка.

– Дамы, – чинно поклонился он Анне с Леной, стоявшим рядом, и, развернувшись к хозяйке дома, поклонился и той. – Роман, – коротко кивнул он мальчику и обратился уже ко всем: – Благодарю за великолепный, просто восхитительный ужин.

– А можно мне с вами? – спросил вдруг Ромка.

– Смотреть на труп? – уточнил Северов.

– Ум-м-м, – протянул пацан, сообразив, собственно, куда именно он просится, и отказался: – Наверное, все-таки нет. Не лучшая идея.

Предположения Степаниды Ивановны, высказанные в виде утверждений истерическим криком, как ни печально, но подтвердились. Как сказал эксперт после первичного осмотра тела, Алевтина Степановна была убита приблизительно сутки назад проникающим ударом в свод черепа, нанесенным тяжелым и острым предметом. После чего женщину сбросили в воду, затолкав под мостки причала.

– Марков с ребятами оживились, – рассказывал по телефону Северов Александре Юрьевне, – прямо как в том анекдоте: «Обрадовались трупу как родному».

– Ну это понятно, – высказала свое мнение та, – теперь и убийство этого Барковца можно смело объявлять делом кого-то из жителей поселка, а это и полномочия совсем иные. Что и говорить, я сама завтра утром позвоню кое-кому и потребую дать ребятам возможность работать в полной мере и проводить нормальные розыскные мероприятия. И, поверьте мне, вот так же позвонят и надавят многие из жителей. Никому не нравится, чтобы, как говорит Бибиси, «преступники разгуливали по свободе» в нашем поселке. Хотя... – протянула она задумчиво, – если предположить, что к этому может быть причастен кто-то из высоких чинов, то своих, конечно, не сдадут, заразы. Только при условии, если это будет выгодно в каких-то политических раскладах.

«М-да», – задумался Антон, окончив разговор с Александрой Юрьевной, поселковую тишину и благодать нарушили самым жестким образом, можно сказать, прямо-таки осквернили тихую обитель, за закрытыми дверями которой, как правило, и совершаются самые грязные делишки.

Ладно, разберемся. Ребята марковские поработают, что-нибудь за день-два накопают, по крайней мере, отсмотрят по видеозаписям перемещение любящей бабули по поселку, а там и он подключится, если не вычислят деятеля этого, разбрасывающегося трупами, раньше.

Его обуревало чувство клокочущей, буквально душившей бессильной ярости! Он физически болезненно ощущал, как его жизнь – такая прекрасная, продуманная, так замечательно устроенная

жизнь, – летит словно в пропасть, истекая сквозь пальцы, и что бы он ни делал, что бы ни предпринимал, становится только хуже, осложняясь все больше и больше.

Как все могло пойти вразнос?! Как, черт возьми, он оказался в такой ситуации?!

Все началось с той сучки, с той твари, шлюхи расчетливой, которая обманула, предала его! Как же он так подставился?! Как не просчитал ее и все возможные последствия?

И этого Барковца, козлину, альфонса вонючего. Но с этим идиотом удачно получилось, только вот перетащить его и закопать он не успел. И как тот еще живым оказался? Поразительно. И принесло же эту идиотку на велосипеде не вовремя. Хотя... Полицейским этим ничего расследовать в поселке не дадут, это понятно. Вон они сидят ниже травы тише воды, попытались было опросить жителей, да какое там – так, снизошли баре, позволили прислуге своей вопросы позадавать, предварительно проинструктировав ту, что и как можно говорить и нужно отвечать.

Никто бы его не вычислил и не нашел, да и искать не стал бы, тем более что следов он никаких не оставил, все проверил, обо всем позаботился...

Если бы не эта старая сука Алевтина!

Вот с ней он напортачил. Сорвался. Да потому что достало его все! Достало! Такое ощущение, что его обложили со всех сторон и загоняют, как дикого волка. Суки! Суки!

Эта старая карга! Он все продумал, рассчитал, и никто бы ее никогда не нашел, но она... твою мать!

Ну вот как так, а? Сплошной облом и непруха.

Ну ничего, ничего. Он и с бабкой не подставился нигде и ни в чем. Нечем его привязать к этому делу, он позаботился, перестраховался.

Осталось только с девкой разобраться. Но он сделает все очень аккуратно. Ничего, он дотошный и терпеливый, дождетя удачного момента. Это все ерунда, не его проколы и просчеты, а просто глупое, неудачное стечение роковых обстоятельств.

Устал он что-то. Перепсиховал сильно.

Но ничего, закончит с этим делом, поставит последнюю точку и улетит в Италию отдыхать, нервы подлечить, расслабиться. Или лучше

на Лазурный Берег. Не важно, решит куда, главное, дело закончить, хвосты подчистить – и свободен.

Никто его не вычислит и не найдет, потому что это невозможно.

Вообще смешно наблюдать за тем, что, где и кого они пытаются найти.

Ну-ну, ищите. Бог в помощь.

Анна привычно проснулась совсем ранним утром, потянулась прямо в кровати, с тем исключительным удовольствием, что испытывает хорошо выспавшийся человек, которого не мучили никакие дурные сны и бессонница, и поняла, что чувствует себя превосходно – никакой головной боли и легкой слабости, периодически напоминавших о себе последние два дня.

Поднялась и вышла на балкон. Стояла, слушала тишину, с наслаждением вдыхая прохладный утренний воздух, и так ей хорошо сделалось, радостно на душе – ну какая же красота вокруг, господи боже мой, не налюбуеться, сколько ни смотри. И этот воздух, насыщенный хвойными и цветочными ароматами, фитонцидами, как их называют ученые, и этот великолепный начинающийся рассвет, уже чуть тронувший розовыми бликами верхушки сосен на вершинах скал.

Ведь как прекрасно, как хорошо.

Внезапно Аняте так вдруг захотелось сесть, как она уже привыкла, на велосипед, покатиться через лес на дальнее озеро и окунуться в теплую воду ее затончика...

И, нарушая всю тихую душевную благодать, следом за этим порывом выскочило из памяти напоминание про разгуливающего где-то поблизости убийцу, уже убившего двух человек. И, видимо для того, чтобы она всерьез прониклась предостережением, добавляя негатива, подсознание выхватило из памяти яркую, четкую картинку убитого человека, лежавшего в яме сломанной куклой, истекающей кровью.

– Да какого хрена! – возмутилась Анята всем этим предостережениям и дурацким, страшным воспоминаниям, выскочившим как черт из табакерки и испортившим ее благодатное состояние.

Анне вдруг стало так обидно, прямо непередаваемо обидно, и злость такая взяла, что из-за какого-то уroda она да и все жители поселка не могут спокойно, нормально жить и вынуждены бояться чего-то, опасаться куда-то ходить. Она вот, например, вынуждена

отказаться от своей утренней поездки на дальнее озеро, от приятного купания.

Вот какого, спрашивается!

И что-то так она разозлилась и завелась, что смело решила – да пошел тот убийца куда подальше! Ей-то чего бояться, собственно?

И уж было развернулась и направилась в комнату энергичным, целеустремленным шагом... и в этот момент, остужая всю ее боевитую решимость, откуда-то из правильных отсеков разошедшегося что-то нынче, предательского подсознания выскочил памятный разговор с Антоном Валерьевичем о безопасности, который если конспективно, то можно свести к известному постулату из классики: «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих».

Анна остановилась в легком замешательстве, подумала и... взяла телефон и написала коротенькое СМС Северову, засомневалась было, задержав палец над экраном, отсылать ли... и все же отправила.

«Извините за беспокойство, Антон Валерьевич, вы спите?»

«Нет», – тут же пришел короткий ответ.

И Анна набрала его номер.

– Доброе утро, – поздоровалась она, услышав знакомый голос, от которого у нее по спине шустро пробежали мурашки. – Я вас не разбудила?

– Нет, Анечка, не разбудили. Что-то случилось? – спросил мужчина.

– Нет-нет, Антон Валерьевич, не случилось, – поспешила уверить она и объяснила: – Такое утро сегодня бесподобное, и мне так нестерпимо захотелось съездить на наше озеро. Подышать в лесу, поплескаться в воде. Но я вспомнила про преступника и ваше наставление о безопасности и вот решила позвонить, предложить вместе съездить. Вдвоем-то с вами точно будет безопасно.

– Вы молодец, что вспомнили, и еще большая молодец, что позвонили, – похвалил ее мужчина и улыбнулся.

Она вот прямо слышала и видела перед глазами эту его замечательную улыбку, которая определенно как-то особенно действовала на нее. Наверное, правильно действовала, как положено.

– Вдвоем будет безопасно, – подтвердил Антон ее предположения и распорядился: – Я зайду за вами минут через пятнадцать, и поедем на озеро.

– Да зачем вам делать такой крюк, Антон Валерьевич, – смущалась немного Анна и своим мыслям про действия мужской улыбки на нее, и тому, что из-за нее ему придется менять свой привычный утренний распорядок и маршрут. – Я поднимусь на гору на велосипеде, а после калитки, на большой тропинке, и встретимся. Я ведь правильно помню, что одна из тропок от вашего дома как раз тянется до главной тропы, не доходя поворота на хутор?

– Вы правильно помните. – подтвердил мужчина, уточнив: – Почти в километре от калитки. Но все же было бы лучше, если бы вы меня дождались.

– Мне не хочется вас утруждать напрасно, Антон Валерьевич, – призналась Анна. – Я вас просто дождусь у выхода вашей тропинки на основную дорожку. И все. Ну или вы меня, если прибежите первым.

– Ну, хорошо, – позволил уговорить себя Северов.

– Ура! – обрадовалась Анна, тут же весело-бодро сообщив: – Все, выезжаю через пять минут. Телефон возьму с собой, как вы и учили. До встречи!

– До встречи, Анечка.

Как же прекрасно было в лесу!

Как же замечательно, великолепно было в лесу! Анюта только сейчас поняла, как она, оказывается, соскучилась по этой поразительной тишине, по розовеющим макушкам сосен, по редкому, робкому щебету птиц перед рассветом.

Аня блаженствовала. Даже глаза немного прикрывала, с упоением, глубоко вдыхая ароматный воздух, все еще пахнущий хвойной прелью и грибами, невзирая на то что дожди прошли уж несколько дней тому назад. И словно плыла через этот сказочный лес, войдя в удивительное состояние полного расслабления и внутреннего покоя, в поразительную умиротворенность, погрузившись в свой мир, наполненный созерцательностью, светлой радостью и гармонией.

И снова, в который уж раз, слишком глубоко погружаясь в расслабленное, созерцательное состояние, она совсем забыла следить, куда и как рулит, что, понятное дело, не могло не иметь последствий, и переднее колесо наехало на что-то объемное, не то шишку, не то упавшую ветку, железного коня вместе с Аней, сидевшей на нем, ощутимо подбросило вверх, резко уводя вбок с тропы, и в этот же миг...

– Ба-баххх!!!

Разрывая тишину и сказочный покой леса, где-то сзади за спиной Ани оглушительно грохнуло абсолютно инородным и чудовищно неуместным в этом тихом утреннем лесу звуком, и, выбивая фонтан щепок, что-то взорвалось в стволе сосны, в которую Аня чуть не врезалась за полмгновения до этого, едва успев отвернуться от дерева в последний момент.

Грохот и взрыв были столь неожиданными и громкими, что, непроизвольно дернувшись всем телом, Анна вторично подскочила на сиденье, от испуга непроизвольно выпуская руль, и велосипед, оставленный без управления, как взбрыкнувший скакун, вторично вильнул куда-то в сторону.

– А-а-а-а!!! – заорала Аня, вцепившись в руль, судорожно и совершенно бестолково крутя его в разные стороны, пытаясь удержать равновесие и вышедший из-под контроля агрегат, стараясь не грохнуться с велосипеда и не врезаться в дерево.

– Ба-баххх!!

Ударило по ушам и нервам вторым грохочущим, взрывным звуком за спиной, и, выбивая еще один фонтан щепок, что-то врезалось в ствол следующей сосны, возле которой в тот самый момент Анна выделяла немыслимые кренделя на велосипеде, безуспешно пытаясь совладать с совершенно непонятно куда и как ехавшим агрегатом, успев лишь мимолетно отметить и почувствовать болезненный укус в скулу возле уха.

В следующий момент произошло сразу два события одновременно: сзади громко грохнуло-взорвалось что-то в третий раз, но, опережая тот страшный бабах буквально на доли секунды, что-то огромное и стремительное снесло Анну с взбрыкнувшего велосипеда, увлекая куда-то за собой... Пространство вокруг нее закрутилось-завертелось, перепутывая верх и низ, право и лево, а когда это кручение остановилось, обнаружилось, что она лежит на господине Северове.

– В порядке? – спросил он. – Цела?

– Не-е знаю, – смотрела она на него ошалевшими глазами, ничего не понимая. – Наверное, цела, – и добавила: – Где-то.

В следующий миг он как-то так ловко, в одно движение переместился-поднялся вместе с Анной, усадил девушку на землю,

опустился перед ней на одно колено и принялся осматривать, проверив руки-ноги, притянул к себе и осмотрел спину.

– Зацепило немного, – озвучил мужчина результаты осмотра и, протянув руку к ее лицу, дотронулся осторожно до скулы.

– Что там? – непроизвольно повернулась Анна и посмотрела на кончики его пальцев, испачканные в крови.

– Царапина, – объяснил Северов достаточно спокойно. – По всей видимости, отлетевшей щепкой задело, – и уверил, заметив растерянный, недоверчивый взгляд девушки: – Ничего страшного. На самом деле просто царапина. Это хорошо, а то я уже что попало подумал, – и объяснил смотревшей на него с недоумением Анне: – Повезло, что стрелок оказался непрофессионалом. Неподготовленному человеку и в неподвижную ростовую мишень метров с двадцати попасть сложно, а уж в движущуюся – вообще без вариантов, только если повезет необычайно. А этот хоть и мазал, но стрелял прицельно, кучно, пули рядом ложились. Учился, видимо, но все-таки не специалист.

– С вами, Антон Валерьевич, не поспоришь, – согласилась с ним Анюта, – хотя бы потому, что я совершенно не поняла все, что вы сейчас сказали.

– М-да, – усмехнулся он. – Испугался за тебя, оттого и болтаю лишнее, – и спросил осторожно: – Ты посидишь тут тихонько сама? Недолго, я быстро.

– А что это было? Что так грохотало? – спросила девушка.

– В тебя стреляли из пистолета, – разъярил Северов.

– В меня? – поразила Анна, окончательно растерявшись: – Кто? Зачем?

– Вот и мне хотелось бы знать, кто и зачем.

– Вы хотите бежать за стрелявшим? – начала соображать Анюта, догадавшись, о чем он ее просит, и сразу же испугалась за Северова: – Но это же опасно. У него же пистолет, и он так просто вряд ли вам дастся и станет стрелять.

– Все нормально, Анечка, – положил Антон ладонь на ее щеку, успокаивая и ободряя, и посмотрел в ее зеленые тревожные глаза.

– Да, – кивнула девушка, не отводя взгляда от его глаз, осознавая в этот миг всю неизбежность его решения. – Я понимаю. Идите. Не беспокойтесь, я вас подожду здесь.

Северов, задержав на пару секунд взгляд на этих светло-зеленых глазах, придвинулся, наклонился и, нежно коснувшись губами, поцеловал ее в лоб.

А в следующее мгновение резко поднялся с корточек и... и словно растворился, исчезнув, не издав при этом ни одного звука.

Попал ли он в девку или нет, это уже не важно – он потом подумает, как обыграть ситуацию, сейчас самое главное – скрыться как можно быстрее! И он бежал изо всех возможных, на которые был способен, и даже не способен, сил – задыхался, спотыкался на каждой упавшей ветке или вздыбленном на тропе корневище, сипели-свистели натужно легкие, но он бежал, бежал...

До спасительной калитки оставалось метров двести, когда на тропе перед ним внезапно, словно из ниоткуда, совершенно неслышно и незаметно возник сосед из дома над озером. И добродушно, широко улыбаясь, поздоровался:

– Ну, здравствуй, Игнат Афанасьевич, – и поинтересовался так просто, дружески, по-соседски: – Куда-то спешишь?

И от того спокойствия, с которым этот мужик произносил слова, и от этой почти дружеской, располагающей улыбки, не затронувшей глаз, смотревших на него холодным, острым, стальным взглядом, казалось, проникавшим прямо в мозг, Игната пробрал дикий, утробный страх загнанного животного, вдруг осознающего свою конечную, неминуемую гибель в этот миг...

Жуткий, невыносимый, черный страх...

– Уйди!!! – заверещал Игнат, срывая горло, выхватывая пистолет ходившими ходуном руками и направляя его на свою погибель.

А в следующий момент что-то огромное, стремительное, неотвратимое метнулось к нему, на какой-то миг Игнату сделалось невыносимо больно, и спасительная тьма накрыла его, вырывая из этого мира.

Анюте было страшновато. Совсем не так, как в момент, когда она осознала, что в нее стреляли, и даже не так, когда бабахнуло-громыхнуло за спиной, поменьше, и не столько за себя, сидевшую тут за камнем под деревом, прижимающую полотенце к порезу, старающуюся остановить сочившуюся кровь, а в гораздо большей степени за Северова, отправившегося геройствовать. За себя ей было как-то не так уж и страшно, беспокойно разве что, когда она

представляла, что надо делать, если он не вернется. Идти его спасать-выручать? А как понять, сколько надо ждать и когда уже пора спасать и выручать?

Анна вдруг вспомнила фразу женщины-психолога из телепередачи какой-то, утверждавшей, что «беспричинное беспокойство – первичный признак старости». Ей тогда еще подумалось: как определить, тридцать восемь лет – это уже начинающаяся старость, потому как себя она на этом «беспричинном» иногда ловила со всей очевидностью, или еще можно пожить молодой, с редкими приступами этого самого неправильного беспокойства.

А сейчас вот, вспомнив, не поняла: у нее сейчас какое, беспричинное беспокойство или вполне себе обоснованное?

Нет, конечно, когда в тебя стреляют, тут любой рванет, теряя тапки, куда глаза глядят, спасаясь методом панического бегства, кто бы спорил. Хорошо, она не понимала в тот момент, что стреляют, и совсем уж замечательно, что не понимала, что в нее.

Но говорить, что Анна прямо перетрусилась до обморочного холода в груди, когда Северов растолковал, что кто-то палил по ней прицельной стрельбой, как по мишени, Анна бы тоже не стала. Или у нее какая-то заторможенная реакция на стресс?

Отчего же тогда ее трясет мелкой противной дрожью и в голове крутится рецепт...

– Не пугайтесь, это я, – каким-то совершенно неслышным и незаметным образом оказался вдруг прямо перед ней Северов, шагнув из-за сосны.

– Профитроли! – заорала с перепугу Аня, дернувшись от неожиданности всем телом.

– Испугал, – расстроился мужчина, присаживаясь перед девушкой на корточки. – Извините, – снова перешел он на «вы» в обращении, поинтересовавшись примирительно: – Что за трюки такие?

– Профитроли, – от облегчения почувствовав резкую слабость во всем теле, принялась пояснять Аня: – Это такие пирожки из заварного теста, которые наполняют всякими начинками внутри. Мне больше всего нравятся соленые: творожные с огурчиком и зеленью, или с каперсами, или еще с чем... – и запнулась, сообразив, что несет что-то явно не то, видимо, от резких эмоциональных перепадов: от испуга к облегчению или бог знает от чего еще. – Извините, я когда

нервничаю, начинаю вспоминать рецепты выпечки или разные техники вышивки. А сейчас я что-то до фига как-то нервничаю.

– Понятно, – кивнул мужчина. – Наверняка эти ваши штучки невероятно вкусные, как все, что вы печете. Мечтаю попробовать, – и вдруг спросил, практически без перехода и не меняя интонации: – Замуж за меня пойдете?

– Замуж? – переспросила обескураженно Аня и уточнила: – Вы меня приглашаете? – и расширила уточнение: – Чтобы попробовать профитроли?

– Если я все правильно помню и ничего не перепутал, приглашают на свидание, когда ухаживают за девушкой, а замуж зовут и предлагают, – и усмехнулся: – Ну, так пойдете?

– Пойду, – согласилась Анна немного растерянно и пояснила на всякий случай: – Но вообще-то я могу угостить вас профитролями и без свадьбы.

Северов прикрыл ладонью глаза и затрясся в беззвучном, с трудом сдерживаемом хохоте.

– Да, – посмотрев на сотрясаемого смехом мужчину, сообразила Аня, что ляпнула что-то совсем уж не попад, и предприняла попытку исправить свою оплошность: – Надо было сначала предложить вам пироженки, потом, может, и так бы все уладилось.

Северов затрясся пуще прежнего, теперь уж совершенно откровенно, не скрываясь, хохоча от души, притянул к себе девушку, прижался щекой к ее голове и простонал от смеха:

– Э-э-э-э... – утирая выступившие слезы.

– Да, – пришла в себя окончательно Аня и тут же смутилась ужасно: – Куда-то меня не туда понесло с этими пироженками.

– Но замуж-то пойдете? – переспросил в третий раз, продолжая посмеиваться, Северов.

– Пойду, – подтвердила свое решение Аня.

– Вот и ладненько, – подвел итог их «переговорам» Антон, поцеловал ее в висок и предложил: – Ну что, давайте выбираться отсюда, пора уже заканчивать с этим делом и нашим смертоубивцем неугомонным.

– Вы его догнали? – только тут вспомнила про самое важное она.

– Догнал, – односложно ответил Северов, поднимаясь с корточек и помогая встать девушке.

На тропе возле неподвижно лежащего со связанными руками и ногами мужчины топталось несколько человек, в одном из которых Анна узнала следователя Маркова, а когда они с Антоном подошли поближе, то опознала и остальных его коллег из следственной бригады.

– Не сильно ты его приголубил, Антон Валерьевич? – поспешив им навстречу, протянул руку Северову, спросил с заметным беспокойством Марков.

– Нормально, – пожимая руку, успокоил следователя Антон. – Оклемается часа через три-четыре и как раз созреет для допроса. Ну и я к тому времени подойду. Простимулирую своим присутствием соседа к большей открытости и доверительной беседе. Не возражаешь, Михаил Анатольевич?

– Нет, конечно, подходи, Антон Валерьевич, только рады будем.

– Там на тропе место, с которого он стрелял и где в засаде сидел, я вам двумя полотенцами обозначил, дальше по тропе велосипед к сосне прислонил, в которую первая пуля вошла, вторая в следующую угодила, а вот третья в молоко ушла, придется искать. Велик потом Александре Юрьевне домой доставите.

– Вот за это спасибо, – поблагодарил от души майор, – нам хоть не перепаживать всю тропу, и экспертам полегче будет. Сейчас все оцепим, пока их дождаемся. У нас же только доктор из райцентра, а остальные только едут.

– Ладно, вы уж тут разберетесь, а мы пойдем. Нам вон Анне Александровне надо рану обработать.

– Не сильно задело? – с искренним беспокойством спросил Марков. – Давайте доктору покажем, вон он задержанного осматривает, – указал на склонившегося над лежавшим на земле преступником мужчину следователь.

– Аня? – спросил у девушки Северов, посмотрев на нее.

– А там сильно? – уточнила она.

– Да не так чтобы, просто глубокая царапина. Но доктор – это все же надежней, чем мои диагнозы.

– Нет, – отказалась Аня. – Я сейчас врачебный осмотр не потяну. Давайте лучше мы сами.

– Ну сами так сами, – согласился с ее выбором Антон.

И, попрощавшись с майором очередным ритуальным мужским пожатием рук, придерживая Анюту под руку, повел ее вперед по тропе к калитке.

– Слышь, Миш, – подошел к Маркову коллега, – а кто этот Северов?

– Подполковник инженерных войск, – ответил майор, провожая парочку взглядом.

– А на самом деле? – хмыкнул помощник следователя, напомнив: – Ты видел, как он этого ухаря упаковал? – и хохотнул саркастически: – «Инженер».

– А на самом деле не знаю я, и никто не знает, – разозлился Марков: – Что ты спрашиваешь, сам, что ли, не понимаешь: не наш с тобой уровень для такой информации, даже не нашего начальства и как бы и не начальства над начальством. Все, пошли работать, – и поворчал раздосадованно: – Спрашивает он тут, умник нашелся.

Стараясь быть максимально осторожным и нежным, Северов обрабатывал царапину девушки, находившуюся прямо под мочкой уха, проходя росчерком от скулы на край щеки, оказавшуюся при тщательном осмотре более глубокой, чем на первый взгляд в походных условиях. Хорошо хоть порез был чистым и оцарапавшая ее щепка не оставила в ране ни одной занозы.

– А ведь вы меня спасли! – нарушая процесс обработки, резко повернула голову и посмотрела на Северова изумленно Анюта, вот только сейчас осмыслив этот факт, и повторила немного восторженно: – Спасли ведь! И уже второй раз, там, у хутора, вы меня тоже спасли. А говорили, что никто никого не спасает, за редким исключением.

– Я вас не спасал, – мягким нажимом пальцев вернул он ее голову в прежнее положение, продолжив заниматься раной. – Я скорее, как тот известный герой из старого культового фильма, «норовил всегда прийти, когда разгар событий кончен», находя вас вышедшей из боя с телесными повреждениями разной степени тяжести.

– Нет, спасли, – настаивала на своем Анюта, – в этот раз уж точно, когда выдернули меня с велосипеда из-под третьей пули. Она ведь могла попасть в меня.

– Могла, – помолчав, согласился с ней Северов.

У него перед глазами все прокручивался и прокручивался, как в замедленной съемке, тот момент, когда он подбегал к главной тропе и уже видел умиротворенно улыбающуюся девушку, очевидно, что пребывавшую в состоянии, близком к полному релаксу, медленно крутившую педали велосипеда... Боковым зрением он улавливает движение метрах в двадцати сзади Анны, резко поворачивает голову, наводя на объект, и видит мужика, поднимающего пистолет, выцеливавшего спину девушки...

В доли секунды Северов прикидывает расстояние до стрелка и девушки и, холодея сердцем, осознает, что не успевает ни к одному из них, но до Анны ближе, и он, уходя в максимальный рывок, несется к ней... И видит, как за пару секунд до выстрела ее велосипед, наехавший на какое-то препятствие, подскакивает и тот слетает с тропы, как девушка в последнее мгновение успевает отвернуть от дерева, в которое ехала напрямиком, в этот же момент раздается первый выстрел и пуля входит в ствол, где за полмгновения до этого еще находилась ее спина. Видит, как она дергается всем телом от громкого неожиданного звука и испуга и отпускает руль велосипеда, как впивается в ствол другой сосны рядом с ней следующая пуля, слышит перепуганный крик девушки...

Наверное, у Северова в тот момент остановилось сердце, заледенев от страха, и остановилось дыхание, но он несся вперед, лишь отмечая в голове с холодностью автомата все детали происходящего, и его собственный внутренний голос мерно-холодно отсчитывает в голове секунды и мгновения.

Раз – вот ее сносит с тропы и звучит первый выстрел, она пытается выровнять велосипед, выделявая непредсказуемые рывки и повороты; два – прогрохотал второй выстрел, пуля вошла в ствол, три – он наконец добрался до нее, успел. Успел.

Он испугался так... Очень сильно, как не пугался никогда.

До конца жизни, наверное, он будет помнить грохот выстрелов, направленных в ее незащищенную спину, и смертельное осознание, что он не успевает к ней, не успевает...

Приклеив последний пластырь поверх наложенного на царапину тонкого слоя антисептической ткани, Антон, осторожно взяв пальцами за подбородок, мягко повернул голову девушки и накрыл ее губы своими губами.

В первый момент, не ожидавшая ничего такого, Анна совершенно растерялась. Да, они находились очень-очень близко, пока он занимался ее смешным ранением, и она переживала эту близость, ощущая всем телом, сознанием, оголившимися нервами, чувствуя его дыхание на щеке, и что-то тихонько дрожало у нее внутри, трепетало... Но этот поцелуй!

Такой неожиданный... и такой нежный и одновременно смелый и напористый.

Что-то мощное, жаркое, неконтролируемое, пробужденное этим затянувшимся поцелуем-приглашением, поцелуем-предчувствием, вдруг рвануло снизу, из самого сосредоточения ее женственности и, обжигая, перестраивая все в ней, ударило в голову, обдав Анну жаром, захватывая целиком ее тело, ее сознание, ее волю...

Хотя кому она сейчас нужна, эта воля, к такой-то бабушке!

Застонав от накрывающего наслаждения, она обвила плечи мужчины руками, прижавшись к нему настолько, насколько это было вообще возможно, и уже куда-то падала... но недалеко, всего лишь на подушку дивана, а ей казалось, что в дрожащий от желания мираж.

Они не горели испепеляющей страстью, не срывали нетерпеливо одежду друг с друга, торопясь соединиться, – они плавилась в нежности, в замедленности каждого движения, каждого прикосновения, поцелуя, взгляда, в продленной ласке познания тел друг друга, смакуя, наслаждаясь, словно испивали их до дна, полностью...

И лишь когда стало совершенно невозможно и дальше плавиться в этой нежной неспешности и их соединенные одним мощным рывком Антона тела обожгло, они понеслись вперед, отдаваясь до самого конца все-таки восторжествовавшей над медлительной нежностью страстью.

И он брал ее мощно, до самого конца, невероятно чувственно, но оберегая даже в этой бескомпромиссной страстности, а она отвечала истово, пропадая совершенно в их соединении, в нем, с ним и стонала, рвалась вперед...

И он привел ее туда, куда она стремилась, куда вел их обоих – к их первой, великолепной вершине.

Они лежали на кровати его спальни, куда перенес Аню Северов, после того как немного отдышался, смотрели, не отрываясь, в глаза

друг друга, и в какой-то момент Аня произнесла проникновенным, тихим голосом:

– Как-то Ромка нашел в Интернете и показал мне разные забавные и смешные высказывания детей. Среди них было одно, которое написал Богу какой-то замечательный мальчик, ученик начальных классов. – Аня помолчала, плаваясь в высоком чувстве, от которого перехватывало дыхание, и продолжила свое признание: – «Вчера на уроке объявили, что ты есть. Здравствуй». Мне сейчас очень хочется сказать тебе приблизительно так же: сегодня я поверила, что ты есть. Здравствуй.

– Здравствуй, – так же тихо, со всей серьезностью, наполненной какой-то особой значимостью, ответил ей Северов.

Они лежали, не двигаясь, и все смотрели и смотрели в глаза друг другу, говоря не словами все то, что осталось несказанным, – обмениваясь восторгом и печалью о том, что не встретились раньше, и удивлением и радостью, что встретились сейчас... Минуты текли и сгорали в вечности, а они смотрели, не отрываясь, в глаза друг другу, наполняясь потрясающим чувством истинного единения, испытывая неизвестный ранее обоим восторг невероятного родства их встретившихся душ и какого-то высокого духовного откровения.

В какой-то момент, не сговариваясь, оба потянулись друг к другу, сливаясь в жарком поцелуе, закрепляя им все то, что только что сказали взглядами, продолжая этот разговор лаской и телами, тихим шепотом и вздохами... и вот уже полыхнуло, обжигая, и они заспешили, соединяясь, сливаясь в одно целое... и... и вот достигли своей вершины.

– Это так поразительно... – шепчет, не открывая глаз, Анна, – знать друг о друге так давно... целых двадцать четыре года. И у нас обоих был Константин Григорьевич. И только теперь встретиться и понять... Как в дешевом мыльном сериале...

– У жизни несколько извращенное чувство юмора, – поцеловал Антон прижимавшуюся к его боку Аню в висок и закончил мысль: – Или его полное отсутствие.

– Почему... так часто все получается странно и неправильно? – уже совсем тихо, еле различимо прошептала она.

– Потому что, когда получается правильно, мы этого не замечаем, – улыбается Северов этому ее сонному шепоту.

Но она уже не услышала его ответ, спала, обдавая своим теплым, бархатистым дыханием ключицу Антона, отчего ему становилось так потрясающе хорошо и немного щекотно. Он вздохнул, умиротворенно улыбаясь, поцеловал ее еще разок и начал осторожно выбираться из постели, стараясь не потревожить свою спящую красавицу.

Он бы с удовольствием не вставал и вообще не двигался, так бы и лежал рядом, прижимая к себе ее чудесное, горячее голенькое тело, слушал ее тихое дыхание, вдыхал аромат ее кожи, но есть такая занудная фигня, как долг и обязательства, пусть и возложенные на самого себя.

Привычно быстро натянув брюки и футболку, задержав ненадолго взгляд на безмятежно спящей девушке, Северов, прихватив свой телефон, неслышной тенью вышел из комнаты и прикрыл за собой дверь.

Спустился в кухню и набрал нужный номер.

– Здравствуйте, Антон, – ответили ему через два гудка чуть удивленным тоном. – Вы вроде бы с Анной на дальнем озере? По крайней мере, она оставила записку о вашей совместной прогулке до него?

– Здравствуйте, Александра Юрьевна, – поздоровался Северов нейтральным тоном и сообщил, начав с самого главного: – Да, мы отправились с Анной к озеру, но по дороге к нему в Аню стреляли. Все в порядке, она не пострадала, получила лишь небольшую царапину от отлетевшей от сосны щепки.

– Кто стрелял? – холодным, резким тоном спросила, словно сама выстрелила словами, Александра Юрьевна.

– Наш таинственный убийца.

– Он жив? – после небольшой паузы спросила женщина.

– Жив, но временно не совсем чтобы здоров. Поэтому допрос отложили на пару часов.

– Ну, что ж, задержание убийцы – это отрадное событие, – порадовалась Александра Юрьевна и усмехнулась: – Вы его там не сильно приголубили, Антон, он хоть говорить сможет?

– Даже петь, – уверил ее Северов.

– А что с Анной, где она?

– Спит. Рану мы ей обработали, не беспокойтесь.

– У девочки крепкая нервная система, другая бы в истерике билась, – похвалила племянницу тетушка.

Северов вспомнил, как, находясь в состоянии естественного для такой ситуации шока, пусть даже легкого, Аня расстраивалась, что не сообразила предложить ему сначала пироженки профи-как-их-там, может, тогда бы все уладилось и без предложения выйти замуж. И хмыкнул, улыбнувшись, и крутнул головой, подумав, что горячий, чувственный секс оказался вполне неплохой альтернативой истерике, по крайней мере с шоком он справляется куда как результативней.

– Какие у вас планы насчет убийцы? – вернула его вопросом к разговору Александра Юрьевна.

– Увы, не совпадающие с планами следственных органов, – показательно вздохнул Северов. – Но мне теперь вроде как не по статусу потакать своим желаниям относительно некоторых личностей. Придется ограничиться присутствием при допросе.

– Когда?

– Думаю, часа через два, не раньше.

– В таком случае сразу после него ждем вас вечером к нам, – и рассмеялась: – Не подумайте, что на доклад, но невероятно интересно узнать подробности этого преступления. Кстати, он наш, из «Озерного»?

– Да, поселковый товарищ. Игнат Миронин.

– Какой Миронин? Кто такой? – озадачилась Александра Юрьевна. – Из какого отдела?

– Вот именно, Александра Юрьевна, – пояснил Северов и повторился: – Вот именно, что никакой и из никакого отдела. Из числа владельцев, которые приобрели те пять проданных участков с домами у первых поселенцев.

– Понятно. Ну, что ж, будем с нетерпением вас ждать. А Анюту, как проснется, отправьте домой. Ее мы тоже ждем с нетерпением.

– Непременно, – пообещал Северов.

На том и попрощались. «Достанется Анютке», – усмехался своим мыслям Антон, поднимаясь на второй этаж, Александра Юрьевна умеет задавать вопросы и вести свой допрос, куда тем следователям – дети в песочнице по сравнению с этой женщиной.

«Ничего, прорвемся», – никак не мог перестать улыбаться Северов, пока раздевался, и тихонько, чтобы не разбудить,

укладывался назад в кровать, бережно обнимая теперь уже совершенно определенно свою женщину.

Он просто вот так полежит, прижимая ее к себе, плавясь в нежности и теплой радости. Просто полежит рядом, подумал Антон... и тотчас уснул.

Они проснулись одновременно от резкого звука за окном – кто-то из соседей, отплывая от причала за участком Северова, резко завел лодочный мотор, рыкнувший недовольно столь грубому обращению.

– Привет, – прошептал Антон, заглянув в светло-зеленые, растерянно смотревшие на него глаза.

– Привет, – ответила Анна и спросила удивленно: – Мы что, спали?

– Спали, – расплылся он в улыбке.

– А сколько времени? – резко села на постели Аня. – Там же тетушка и Ромка с Леной, они же...

– Я позвонил Александре Юрьевне и сообщил о происшествии.

– О-о-о-о... – протянула с полной безнадежностью и завалилась в показательном бессилии на бок, – домашнего допроса не избежать.

– Крепись, – посоветовал Северов и притянул ее к себе, поцеловав в волосы, посмеиваясь: – А ты сразу чистосердечным признанием рубани.

– Ладно, рубану, – согласилась, но все ж таки повздыхала Аня и пожаловалась: – Есть хочется.

– Идем! – перевернулся вместе с ней в руках и как-то так ловко, словно играючи и не прикладывая никаких усилий, поднялся Северов с постели и поставил девушку на пол.

– Как ты это проделываешь? – поразила Аня. – Прямо акробат.

– Ну почти, – посмеивался Северов.

Он чувствовал себя молодым, лихим, бесшабашным, как тот далекий Антон Северов, годов двадцати двух, кое-что успевший повидать, обстрелянный, уже командир своей первой спецгруппы разведки, но весь такой еще очень правильный: чувство долга, отечество, верность, трактуемые и понимаемые им еще слишком прямолинейно-примитивно. Вспомнил то неповторимое, очень обманчивое и пьянящее чувство уверенности в себе, в своих особых способностях и умениях, в своем фарте и удаче, и ту радостную легкость, с которой принимал жизнь.

Это все очень быстро излечивалось реалиями его службы, и уже через пару лет Северов стал иным – гораздо более опасным и профессиональным, гораздо более мудрым и продуманным, четко понимая и принимая ответственность на себя за каждого из своих ребят, за выполнение заданий и еще за многое-многое другое.

Немного грустно, но понятно, что ощущение той необычайной легкости, той уверенности в себе и какой-то яркой наполненности жизни – это просто молодость.

Просто наша прекрасная и слишком быстрая молодость.

Сейчас Северов испытывал такое же состояние души, да и тела, переживая великолепную, переполнявшую его радость жизни, и посмеивался иронично над этим своим ухарством, и пытался как-то попридержаться, что ли, рвущуюся искристую радость.

Да уж куда там придержать!

Спустившись в кухню, Антон с Анной, не сговариваясь, заторопились, понимая, что не мешало бы поспешить, все-таки родные Анны наверняка волнуются, толком не зная, не понимая, что с ней приключилось.

И странным, каким-то необъяснимым образом, не обсуждая и не договариваясь, они вместе захлопотали, занявшись приготовлением завтрака, просто вошли вдвоем в кухонную зону, смеясь над какой-то шуткой, и взялись за дело, как-то очень слаженно управляясь, словно делали так уже много раз.

Каким-то мистическим образом Анна, которая оказалась впервые в кухне Антона, безошибочно находила нужные предметы утвари, чашки-ложки, вон миску для быстрого, легкого теста, для пары постных лепешек, которое тут же взбила, и так это было... необыкновенно, так поразительно, легко и радостно, словно чудо обретения друг друга раскрывалось для них все объемней, дополняясь сопутствующими малыми и большими чудесами. Вот как-то так. Как воздух, как дыхание.

Северов проводил Анну до калитки тетушкиного дома, но сам заходить отказался.

– Я к Маркову, – объяснил он, на короткий миг прижав к себе и поцеловав Анну в висок. – Думаю, деятель наш уже оклемался, поприсутствую на допросе. Есть у меня к нему парочка вопросов.

– Тогда удачи, – пожелала она.

– И тебе удачи, – усмехнулся Северов.

– Анна, – не предвещающим тихой благодати голосом встретила любимая тетушка племянницу, вернувшуюся домой без транспортного средства, на котором уезжала на рассвете, зато с новым, заклеенным лейкопластырем порезом на лице. И распорядилась: – Сначала ты все расскажешь.

– Я уже поняла, – скисла от обозначенной перспективы Аня, словно под конвоем сопровождавшей ее тетушки направляясь в дом.

– Мам! – неся им навстречу Ромка. Подлетел, обнял, отстранился, с тревогой разглядывая марлевою нашлепку на ее щеке. – Ты как? Теть Саша сказала, что с тобой все в порядке, а я вот вижу, что не очень.

– Я в порядке, это всего лишь царапина, – успокоила ребенка Аня. – Щепка от сосны попала.

– Завтракать будешь? – не меняя строгости тона, поинтересовалась Александра Юрьевна.

– Нет, мы перекусили с Антоном Валерьевичем, – отказалась Анна.

– Тогда в гостиную, мы втроем ждем твоего повествования, – распорядилась тетушка Александра безапелляционным тоном.

Ну, повествование так повествование, смирилась с неизбежным Анна, усаживаясь на диван, вздохнула безысходно и начала свой рассказ с того момента, когда разозлилась на этого дурацкого убийцу, из-за которого опасалась ехать через лес на озеро.

– То есть, – начала задавать свои уточняющие вопросы с самого неприятного из них Александра Юрьевна: – Антон Валерьевич тебя предупредил, что не следует ехать одной, но ты настояла и покатила вся такая замечательная и самостоятельная, я правильно поняла?

– Правильно, – глубоко покаянно вздохнув, громко выдохнула Аня.

– Ну она же не знала, что этот козел зачем-то начнет в нее стрелять, – заступился за мать Ромка.

– Ромочка, никто и никогда просто так ни с того ни с сего не начнет палить в другого человека, если, конечно, он не клинический идиот или психически нездоровая личность, – наставительным тоном объяснила тетушка Александра. – И, когда возникает опасность, пусть и мизерная, что может произойти некая неприятность, то любое авось

не прокатывает. В таком случае, как правило, срабатывает закон подлости, гласящий: «Если какая-то пакость может случиться, она случится обязательно».

– И что теперь, не жить, что ли? – вступил в дебаты Роман. – Мы же не знаем, какая там с нами пакость может случиться, нас же о них не оповещают, а их в жизни полно на каждом шагу.

– Надо стараться избегать хотя бы тех, о которых мы предупреждены. Анна, например, знала, что человек, который уже убил двоих людей, находится где-то рядом и опасен.

– Я не права, не права! – подняла руки вверх жестом «сдаюсь» Аня. – Признаю. И нет мне оправдания. У Антона Валерьевича я уже прощения попросила.

И почувствовала, как мгновенно горячая волна окатила ее снизу вверх, в красочных подробностях вспомнив, как именно она «попросила прощения» у Северова за завтраком. Нет, началось все с честного признания своей недальновидности, искреннего раскаяния и обещания в дальнейшем никогда не игнорировать его предупреждения, опасения и наставления, а потом как-то так само собой получилось, что она принялась закреплять обещание... ну и... Ладно. Сейчас уж точно не об этом.

– Хорошо, что ты это признаешь, – похвалила тетушка.

– Ну, я все рассказала, можно я уже в душ пойду? – поднимаясь с места, вроде бы спросила, а вроде как и откровенно сбегала Аня.

В душ ее все-таки отпустили.

Принимать водные процедуры, стараясь не замочить свежую повязку на лице, да еще и лейкопластырь на шее, еще то удовольствие с элементами бытовой акробатики, особенно когда моешь голову. Но Анна справилась вполне удачно, лишь чуть забрызгав марлевую нашлепку.

А как только закончила сушить волосы феном, коротко стукнув, в комнату вошла Александра Юрьевна.

– Я хотела с тобой поговорить, – уведомила тетушка о своих намерениях. И предложила: – Пойдем на балконе посидим.

Устроились в плетеных креслах, расположенных в наилучшем уголке балкона, с которого открывался более широкий обзор великолепной панорамы.

– Хорошо у нас здесь, – глубоко вздохнув, умиротворенно оглядев пейзажи, поделилась настроением тетушка и практически без перехода от меланхолической созерцательности к деловому разговору, посмотрев на племянницу, спросила напрямую: – Скажи, Аня, я правильно истолковала твое замешательство при упоминании имени Антона Валерьевича и эти твои краснеющие щечки?

– Эм-м-м... – промычала вопросительно Аня, не зная, что отвечать.

– Ты на него запала, как нынче принято выражаться, или влюбилась конкретно? – расширила свой вопрос тетушка.

– Ум-м-м... – протянула на сей раз задумчиво Аня.

– Я почему спрашиваю, – пояснила тетушка Александра свой интерес: – Думаю, тебе надо выйти за него замуж.

– Ты так считаешь? – задала осторожный вопрос Аня, обнаружив наконец в себе способность к членораздельной речи.

– Видишь ли, Анечка, – задумавшись, перевела взгляд вдаль, на взбиравшиеся на скалу сосны, тетушка, – пусть тебя это не удивляет, но я доверяю Антону Валерьевичу и уважаю его, и поверь, у меня для этого имеются вполне серьезные основания. Он относится к той редкой, исключительной породе настоящих мужчин, хороших воинов, мужей и отцов, отличающихся тем, что они реагируют на непростые, да и обычные бытовые сложные, обстоятельства ровно и спокойно, принимая ответственность на себя, не строя никаких ожиданий помощи, не возлагая надежд на какого-нибудь государственного дяденьку и власть, а самостоятельно, спокойно и последовательно решают задачи и справляются с проблемами. И это единственный мужчина, которому я могу доверить вас с Ромкой со спокойным сердцем.

– Хорошо, – кивнула Аня.

– Что хорошо? – улыбнулась тетушка. – Что справляется самостоятельно с проблемами или что я ему доверяю?

– Что доверяешь – это вообще зашибись как здорово, как говорит Ромка, – согласилась Аня, – но я говорю: хорошо, я выйду за него замуж.

– Значит, все-таки влюбилась, – совсем уж разулыбалась довольнехонько Александра Юрьевна.

– Сдается мне, тетя Саш, что все гораздо серьезней, – произнесла задумчиво Анна, в свою очередь поразглядывая сосны на скале.

– А вот это точно зашибись, – порадовалась Александра Юрьевна и повторила от избытка чувств: – Просто замечательно, что все серьезней и что ты согласна за него выйти, – и уведомила о своих намерениях: – А с Антоном Валерьевичем я поговорю.

– Ну поговори, – развеселилась Анюта.

– Кстати, чего сидим? – взбодрилась необычайно тетушка Александра от того, что ее план удался наилучшим образом и обстоятельства оказались даже лучше, чем она ожидала, и впереди их ждут интересные перемены, которые ее деловая натура уже радостно предвкушала. – Человек придет после допроса, на обед не успеет, а вот часам к шести, аккурат к началу ужина, подойдет. Надо что-то приготовить эдакое и достойно встретить Антона Валерьевича.

Каким образом тетушке удастся порой безошибочно предсказывать и предугадывать события, Аня давным-давно перестала допытываться, наверное, с тех пор как окончила академию, так и перестала, но каждый раз продолжала удивляться столь выдающимся способностям Александры Юрьевны.

– Слишком много непростого жизненного опыта, ума, мудрости, прагматического расчета, чуйки и умения просчитывать ситуацию вперед, учитывая даже самые незначительные детали и обстоятельства, – посмеивалась иронично над ней тетушка, когда юная Анечка принималась очередной раз расспрашивать, как ей это удастся.

Аня подозревала, что, помимо всего перечисленного ею, имеются у тетушки и скрытые таланты, и уникальные способности, но с расспросами на этот счет не приставала хотя бы по той простой причине, что нарисовала целую кучу портретов любимой тетушки и многое недосказанное и тайное увидела и поняла об Александре Юрьевне своим даром, тем самым иным взором.

Но не суть. Просто в который раз тетушка подивила своим провидением, практически до минуты предугадав появление Северова в их доме, после допроса в правлении поселка.

Стол накрывали втроем Лена, Анна и Ромка на подхвате, когда в домофон калитки коротко позвонили. И Ромка, весь уже изнемогший от нетерпения в ожидании гостя, который расскажет подробности про убийства в поселке и все-все о загадочном преступлении, пулей

метнулся открывать. Втайне Ромка держал в голове задумку как-то упросить Антона Валерьевича, чтобы тот провел его в правление и показал настоящего убийцу.

– Антон Валерьевич, – приветствовала Александра Юрьевна, встречая гостя у входа на веранду. – Вы как раз к ужину. Мы вас ждали, готовились.

– Здравствуйте, Александра Юрьевна, – чинно поклонился хозяйке Северов и, обменявшись быстрым многозначительным взглядом с Анютой, поклонился и девушкам: – Анна, Лена.

– Идемте, – взяла его под руку тетушка Александра, увлекая за собой в дом, поясняя на ходу: – Девочки и Рома заканчивают накрывать к ужину, а мы пока побеседуем в моем кабинете, если вы не против.

– С удовольствием, – заверил Северов. – Тем более что имею к вам разговор, Александра Юрьевна.

Прошли в кабинет, сели в кресла у кофейного столика, на котором в этот раз стояла ваза с фруктами, две чашечки на блюдцах и большая медная турка на специальной подставке, исходящая паром, распространяя вокруг бесподобный аромат настоящего восточного кофе.

– Знала, что вы вымотаетесь на этом допросе, – повела рукой хозяйка, предлагая угощаться. – Глоток достойного кофе перед ужином, думаю, более чем уместен.

– Вы провидица, – высказал восхищение Северов.

– Есть немного, – лукаво улыбнулась хозяйка, разливая кофе по чашечкам.

– Ум-м-м, – оценил по достоинству напиток Антон, сделав пару глотков. – Бесподобно. И прямо, что называется, в десятку, именно в тот момент и в то состояние, – и с откровенным наслаждением сделал еще пару глотков и поставил практически пустую чашечку на блюдце. – Благодарю, – и без дальнейших проволочек приступил к делу: – Александра Юрьевна, хотел уведомить вас, что сделал предложение Анне выйти за меня замуж и она его приняла.

– Даже так, – приподняла одну бровку Александра Юрьевна. – А мне не призналась.

– Я попросил ее не делать этого, – пояснил Северов. – Считаю, что сообщать родственникам девушки о своих намерениях и таком

серьезном предложении должен мужчина.

– Экий вы, Антон, – подчеркнуто проигнорировав отчество, произнесла Александра Юрьевна с ностальгической ноткой. – Старорежимный, – и вздохнула с легкой печалью, что называется, о былом. – Кто сейчас придерживается и кого нынче волнуют нравы, правила приличия и семейные устои.

– Меня, – коротко и просто, без намека на какой-либо пафос и рисовку ответил мужчина.

– Еще и поэтому считаю вас достойной партией для моей племянницы.

– Я рад, – улыбнулся Антон, заметно расслабившись после ее одобрения.

Все-таки нервничал Северов, готовясь к этому разговору, и честно признавался себе в этом. Ну, а вдруг... мало ли. Ясно, что он Анну никому не отдаст и не отступится от нее ни при каких обстоятельствах, даже если придется ради этого испортить отношения с родными. Но как все-таки хотелось мира, полного понимания и одобрения со стороны ее близких, в своих-то он не сомневался, те счастливы будут узнать о такой перемене в жизни сына, еще залюбят Анютку, да и Ромку, балуя обоих нещадно.

А вот Александра Юрьевна – это тема особая.

Прямо скажем, он не самый завидный жених: сорок восемь лет, на десять старше Ани, прошел, повидал и пережил столько... разного, мягко скажем. Очень мягко. А война, она, знаете, не заканчивается вместе с наступлением мира или уходом в отставку на пенсию, в мирную профессию, она остается в голове, в сознании, и нет тех, кто, пройдя ее, возвращается с войны окончательно. Хотя у Антона все несколько иначе, чем у большинства служивых людей, в силу особенной специфики его специальности и психофизики натуры. И все же, как говорят те же арабы, «память – дар Аллаха, а забвение – милость». Он этой милости не желает и не ждет для себя. И го-о-о-раздо лучше многих других это более чем отлично понимает Александра Юрьевна.

Так что выдохнул Северов, отпуская себя, что не ускользнуло от внимательного взгляда Александры Юрьевны.

– Нервничали? – усмехнувшись, спросила она напрямую.

– Не без этого, – признался Северов. – Я же реалии понимаю, Александра Юрьевна. И вы тоже.

– Я как раз очень хорошо понимаю реалии, поэтому и благословляю ваш брак с легким сердцем и радостью. Но я хотела поговорить с вами, Антон, о другом. Меня тревожит один момент: понимаете ли вы в полной мере Анну, ее особенность и специфичность ее натуры?

Замолчала. Вопрос был задан не в ожидании ответа, а для дальнейшего разъяснения. Александра Юрьевна наполнила опустевшие чашки себе и гостю, сделала глоток чуть подостывшего уже кофе и заговорила, стараясь донести как можно точнее не самую простую информацию:

– Великое искусство – всегда про грех и страсть. Людей неодолимо притягивают эти два мощных, как правило, разрушительных чувства, которые художник, а в данном случае мы говорим об изобразительном искусстве, открыто выразил на полотне. Это бесконечно волнует и глубоко захватывает чувства людей, резонируя с потаенным, скрытым в них, с тем грехом, порочными желаниями и страстями, которые большинство людей прячут глубоко внутри себя. Кто-то в большей степени, кто-то в меньшей, а у кого-то возникает резонанс с изображениями великих мастеров словно бы из прошлой жизни, каким-то смутным воспоминанием, чем-то неизжитым, но не являющимся ничем определяющим, доминирующим в его жизни.

Вздохнула, сделала пару глотков, оставила чашку на столик и продолжила:

– Дар, который мощно проявился в Анне после смерти деда и Мусечки, перенесенного ею потрясения и настоящих душевных и даже физических страданий, весьма специфический. Входя в особое состояние сознания, она пишет портреты людей, видя внутренним взором всю истинную сущность человека, его глубинные, скрытые переживания, страхи, отчаяние, скорби и пропускает все это через себя, через сердце, через чувства и эмоции. А после мучительно тяжело отпускает, изживает из себя, очищаясь от его личности. И каждый раз это мука. Вот что есть ее дар. Я рассказываю вам это для того, чтобы вы поняли ее мир, почувствовали. Это лишь кажется, что она легкая, утонченная, настоящая петербурженка, такая несколько в

грезам, совершенно несовременная и несколько блаженная, что, в принципе, так и есть в какой-то мере. И еще поэтому может показаться, что Анна немного не от мира сего. От сего! – произнесла с нажимом Александра Юрьевна и повторила: – От сего. Она ведь научилась пользоваться своим даром применительно к жизни: видит человека, или пейзаж, или что-то заинтересовавшее ее и представляет, как бы она это изобразила, и если в этот момент включается ее дар, то она видит истинную суть человека или предметов. Я бесконечно благодарна вашему мудрому деду Константину Григорьевичу и в неоплатном долгу перед ним за то, что он увлек Анюту вышивкой, пробудив неподдельный интерес к этому виду искусства, к этому мастерству, что именно в нем она нашла свою творческую реализацию. Вот где ее дар благоденствует и раскрывается в полной мере. Благодарна за то, что эта увлеченность помогла Анечке отойти от написания портретов. Конечно, когда она изображает светлых людей, это особый свет, особое состояние души. Но вы много знаете светлых людей? Она настолько растрчивалась эмоционально и душевно, что я опасалась, что она выгорит. Я рассказываю вам это для того, чтобы вы, Антон, понимали в полной мере, какая Анна истинная.

Северов поднялся из кресла, подошел к Александре Юрьевне, взял ее руку и поцеловал.

– Я понимаю, – полным благодарности голосом уверил он: – Понимаю. И чувствую.

Ромка окончательно извелся от нетерпения, но держался молодцом, ждал, пока накроют стол и позовут тетюшку и гостя из кабинета, и все же не выдержал, поторопив родню:

– Давайте скорее садиться за стол, и пусть уже Антон Валерьевич расскажет про убийцу.

– Подожди, Ромочка, – остудила его нетерпение Александра Юрьевна. – У нас есть дела поинтересней и поводы поважнее.

– Что может быть интересней настоящего убийства и расследования? – негодовал мальчишка, с ходу расстраиваясь затягивающимся ожиданием, и без того уже истомившим его.

– Жизнь, – пояснила тетюшка ребенку. – Жизнь всегда интересней, увлекательней и важней смерти, – и распорядилась: – Лен, принеси из подвала бутылочку французского шампанского, у нас есть что отметить.

– Ну во-о-о-т, – протянул вконец расстроившийся Ромка, изобразив отчаянное бессилие перед непреодолимыми обстоятельствами. – Еще и шампанское для чего-то. Сейчас начнется на-на-на разное.

– Ром, за стол, – отдала распоряжение строгим, предупреждающим тоном Александра Юрьевна, останавливая его стенания.

Пацан картинно повздыхал, подчиняясь, и молча уселся на свое место за столом. Открыть шампанское доверили мужчине, а когда пенящийся символ торжества разлили по бокалам, слово взяла хозяйка дома, поднявшись со своего места.

– Сегодня у нас замечательный день. Можно сказать, помолвка. Антон Валерьевич сделал предложение Анне, и она ответила согласием. И я с радостью благословляю этот союз.

– Предложение – это в каком смысле? – не понял с ходу Ромка и спросил у матери: – Вы что, женитесь с дядь Антоном?

– Ну да, – подтвердила Аня. – И теперь мы с тобой будем жить вместе с Антоном Валерьевичем. Втроем. Как ты относишься к такой перемене в жизни?

– Да чо тут такого? – удивился пацан. – Все было понятно сразу, еще когда вы за мной приехали, – и быстренько отрапортовал: – К перемене отношусь хорошо, я же пока не знаю, как у нас все срастется и заладится. Думаю, что все будет зашибись, – и простонал просительно: – Ну вы уже все отметили? Мы вас поздравляем и все такое. Ура, ура. Давайте уже про преступление, а?

Но пришлось Ромке снова терпеть, тренируя силу воли, пока взрослые пообсуждали свадебные дела за ужином, во время которого тетушка запретила обсуждать убийства, чтобы не портить такое замечательное застолье негативом, и только когда дошло до чая, наконец-то он уже дождался – вот теперь уж точно: ура-ура! – того момента, когда приступили к обсуждению преступления.

– М-да, – усмехнулся Северов, когда Александра Юрьевна спросила, так что там все-таки за история с убийствами. – Такая, знаете, сплошь книжная история, целый роман, прямо просится для экранизации. Хотя все, как всегда, банально.

– А что может быть банального в загадочном убийстве? – удивился Роман.

– Понимаешь, Ром, методов и способов убийства великое разнообразие, – пояснил Антон, – а вот мотивов, то есть причин для лишения человека жизни всего лишь несколько. Первый – это власть, он же деньги, нажива и сверхприбыль, из-за которой, собственно, и уничтожают огромное количество людей во всем мире, в том числе в войнах и локальных конфликтах и иными многочисленными изоциренными способами, придуманными людьми за время всего существования человечества. И в бытовом, не столь глобальном масштабе мотивом являются в первую очередь материальные интересы, следом за ними идет месть, на третьем месте страсть: разделенная-неразделенная любовь, обман, предательство типа «застукал жену с любовником, причем насмерть застукал». И на последнем, хоть и первом по количеству пострадавших, так называемая бытовуха разной степени тяжести – совместное распитие спиртных напитков и банальная драка-поножовщина, когда слово за слово, кто-то кого-то обидел и пошел конфликт по нарастающей. Иные экзотические мотивы для убийства встречаются столь редко, что их можно не принимать во внимание.

– А из каких мотивов убивал этот крендель? – расспрашивал с огромным интересом Ромка.

– Все из тех же: материальная выгода и страсть. Хотя в истории этого Игната присутствует все: жадность, страсть и страх.

– Он во всем добровольно признался? – спросила Аня.

– Мало того что признался, рассказал подробнейшим образом увлекательную историю всей своей жизни.

– Зачем ему понадобилось про свою жизнь рассказывать? – спросил, удивляясь, Ромка.

– Знаешь, – объяснял спокойно Северов, – у каждого человека свой лимит воли, сил, терпения и выживаемости. Этот Игнат – человек достаточно нервный, с такой подвижной, как говорят специалисты, лабильной психикой, то есть не совсем устойчивой. Пережив ряд нелепых неудач, в результате которых и попался в конце концов, он исчерпал свой внутренний лимит терпения и сил. К тому же практически в каждом человеке, особенно в преступнике, существует некое неврологическое стремление признаться в том, что он совершил, как бы старательно он ни скрывал свой секрет, человек невольно выдает себя мимикой, жестами, словами, реакцией на те или иные

слова. Любой грамотный психолог или профайлер подведет к признанию «созревшего» преступника правильными вопросами. Именно на этой особенности человека и знаниях психологии и строят дознаватели свою работу во время допросов.

– Давят психологически?

– Иногда и так, – не стал отрицать Северов. – Но в случае с Игнатом можно считать, что психологического давления не было, если не считать моего присутствия. Меня Миронин, как бы так сказать, побаивался после нашего «близкого» знакомства. Но, когда его, что называется, прорвало и он начал говорить, настолько погрузился в свои воспоминания и переживания, что забыл не только обо мне, но и обо всех присутствующих, даже следователя, задававшего вопросы, грамотно направлявшего его повествование, не замечал. Наболело у мужика.

Игнат Миронин самый обычный московский парнишка, окончил автодорожный техникум и был призван на воинскую службу в середине девяностых годов. Засада, между нами, полная в те-то года попасть в армию, когда чеченская война во весь рост шла. Но Игнату со службой повезло необычайно – он практически стал водителем у комполка, который в первые же дни приметил новобранца, умеющего виртуозно управляться с вождением любого транспорта. По неосмотрительности и недалёковидности комполка как-то похвастался своим водителем перед штабным генералом, приехавшим с проверкой, и тот, недолго размышляя, забрал Игната к себе, хотя для генералитета и таких назначений имелись свои специально обученные водители.

Ничего, обучили по-быстрому и Игната, и началась у того шоколадная жизнь, а не служба. Умел парень нравиться руководству – всегда точно чувствовал, когда надо помолчать, когда уместно анекдот рассказать, когда выслушать и поддержать, когда превознести мудрость и доброту начальственную и куда вовремя подъехать, даже если не просят.

Особенно если не просят, но вот точно знаешь, что придешься ой как в тему и вовремя. Такой вот талант имел паренек.

А когда служба закончилась, генерал уговаривал парня остаться на контракте, уж больно прикипел он к водителю своему, но Игнат отказался, приведя железный аргумент с кислой, несчастной миной:

мама болеет, один он у нее, больше у них родственников нет, и помочь, позаботиться о матери, кроме него, никому.

Мама была здоровехонька на тот момент, но служить Игнату хоть на какой сытой должности не хотелось категорически, да и поговаривали между собой водилы штабные, которые, как водится, знают все раньше своих начальников, что его генерала собираются списывать в отставку. А кому Игнат попадет после, поди знай, может, самодуру или алкоголику какому.

Ушел в запас. Но его бывший начальник-генерал был человеком, умеющим ценить людей и их преданность, и позаботился об Игнате, предложив поспособствовать в его следующем трудоустройстве. И устроил на спецкурсы для водителей, обслуживающих парк министерств.

Вот уж где Игнат проявил себя во всем блеске своего таланта и способностей. Научившись заодно и некоторым навыкам и знаниям охранника, в числе прочих в которые входил и норматив по стрельбе.

И снова ему свезло необычайно. То ли, присмотревшись, его выделили из остальных преподаватели, то ли фарт такой и на самом деле был у парня, но определили Миронина возить не какого-нибудь там мелкого чиновника, а сразу целого министра. И началась у него пусть беспокойная, но новая, насыщенная, интересная и вот уж точно сытая жизнь. Министр, которого возил Игнат, ворочал такими делами и деньжищами, что боязно было не то что рассуждать о них, а даже думать о масштабах его деятельности.

Имелись у того министра и темные делишки, требовавшие режима максимальной секретности и тишины. Это Игнат смекнул сразу же, ведь водитель при таких делах, хошь не хошь, а многое примечает, видит, знает и слышит достаточно лишнего – не получится у него совсем ничего не знать. Но Миронин сумел проявить себя должным образом и так подчеркнуть личную преданность, умение держать язык за зубами и становиться прозрачным до «невидимости» при необходимости, что министр оценил по достоинству столь выдающиеся качества своего нового водителя.

Вследствие чего у Игната поднялась в несколько раз зарплата, да и кое-какие «премиальные» с левых дел министра и за переработку перепали частенько, только тратить капиталы ему было не на кого и не на что. Жениться Игнат не успел, а при нынешней работе, когда в

течение всего дня он находился при министре, а в нерабочее время – в режиме постоянного ожидания и готовности к выезду в любой момент, и таких вызовов посреди ночи было предостаточно.

Дошло до того, что министр даже брал Игната в командировки, доверяя вести машину с собой значимым только своему личному водителю.

Какая уж тут жена и семья, даже девушку постоянную не заведешь, плотная занятость и преданность начальству – плохая база для нормального ухаживания. Приходилось довольствоваться тем, что вся его сексуальная жизнь сводилась к встречам с двумя давнишними подругами, которым Игнат тупо платил за секс, вызывая к себе на час-полтора по очереди, и никогда вместе, такого физического «перегруза» он позволить себе не мог – а вдруг за руль. Иногда для разнообразия пользовался услугами девушек по вызову из определенного элитного заведения очень высокого уровня.

Впрочем, в те времена меньше всего Игната интересовал вопрос женитьбы, влюбленности, семьи – какое там! Зачем? Да и девушка для таких серьезных отношений нужна высшего класса. Он чувствовал себя особенным, даже где-то избранным, причастным к большим делам, к масштабным людям, ворочавшим огромными деньгами, приобщенным к тайнам, которые большинству людей недоступны совершенно, которые дано понять и осмыслить единицам.

Звездил понемногу про себя.

А заработанные деньги откладывал, копил на квартиру, пока тратить их особо было не на что. А на что? Жил он с матушкой Софьей Игнатьевной, в честь отца которой и был назван, в просторной трехкомнатной квартире, недалеко от центра, доставшейся им от рано умершего отца Игната, шикарный ремонт в которой сделали постепенно: комната за комнатой, по мере того как поднакапливали денег.

Можно было бы зачетное шмотье покупать в бутиках, так на то не имелось ровно никакой необходимости – униформа (строгий деловой костюм известной фирмы) у него имелась и постоянно обновлялась, какие-то аксессуары дорогие, элитные, ему дарил министр с барского плеча – галстуки, ремни, запонки, галстучные зажимы, даже обувь крутейшую. Один раз подарил настоящие часы «Патек», сказал, мол, ему презентовал проситель, которого он терпеть не может. Игнат все

посматривал на эти роскошные часы пару дней, глаз не мог отвести, охреневая от осознания, сколько они стоят и что это теперь его вещь. А потом снял, чтобы не отвлекаться от дороги.

Но вот решил, что надо купить квартиру, чтобы съехать от матери и жить самостоятельно, а то, даже чтобы трахнуться нормально, с оттягом, ему приходится снимать номер в гостинице. Но когда министр узнал в легкой беседе по дороге, что Игнат копит деньги на квартиру, хмыкнул саркастически и через неделю подарил своему шоферу однушку на Смоленской набережной.

Крутяк полнейший, просто охренительный! Снос башки!

На такие поступки и подарки способны только очень неординарные люди. И очень богатые. Как бы очень-очень богатые.

После такого подарка и отношения к нему, к Игнату, с такой заботой тот стал самым преданным служащим у министра, почитая его чуть ли не за отца родного.

И так бы эта замечательная жизнь Игната и продолжалась, но поползли вдруг всякие слушки, шепотки и намеки о делах и делишках его шефа.

Богатые и властные люди, занимающие высокое положение, редко задумываются над тем, что обслуживающий их персонал, общаясь между собой и с персоналом, работающим на других таких же богатых и властных, как правило, из одних структур и ведомств, в курсе всей подноготной своих хозяев и всех их родных и близких, а уж об их делах знают порой больше даже самих хозяев. Что уж говорить о персональных водителях, которые частенько имеют интимные связи с горничными и домработницами и с наслаждением перемывают кости своим нанимателям в минутки близости.

Вот такого рода настораживающие слухи все чаще стали доходить до Игната, что, мол, министр его попал под раздачу сразу с двух сторон – от криминала, с которым сотрудничал в той или иной мере, и от аппарата, в котором кому-то перешел дорогу, а кого-то сильно раздражал тем, что зарвался.

Ох и не шоколадно это было все, ох не шоколадно!

Игнат прямо спинным мозгом чувствовал, что надвигается какая-то беда. Да и как тут не чувствовать, когда в один день вдруг прибавилось охранников у шефа, то было двое, теперь стало четверо, двое из которых теперь всегда ездили с ними в машине. Да и общее

какое-то напряжение витало в воздухе – шеф стал задумчив, молчалив и как-то особенно нервозен.

Одним утром, как было заведено, Игнат подогнал машину к подъезду дома шефа и ждал появления того, не глуша мотора. Сидел и размышлял о том, что последние дни шеф заметно так взбодрился, был все чаще в прекрасном настроении, посмеивался, шутил, явно дела его пошли в гору, что не могло не радовать Игната.

Вот и сейчас министр бодрой деловой походкой вышел из подъездных дверей, которые распахнул перед ним один из охранников, явно в прекрасном расположении духа и, посмеиваясь на ходу какой-то шутке, направлялся к ожидавшей машине. Два охранника по бокам, третий сзади объекта, а четвертый, что шел впереди, распахнул перед ним заднюю дверцу лимузина.

И в этот момент раздались выстрелы. Нет, ничего не раздалось – самого звука выстрелов не было слышно совершенно, но вдруг охранник, что шел сзади министра, как-то неловко споткнулся и начал заваливаться вперед, и на белоснежной рубашке на его груди расплывалось алое пятно.

Страшно заорали два других охранника, кинувшись прикрывать министра, третий выхватил пистолет из подмышечной кобуры и водил им из стороны в сторону, пытаясь определить место, откуда ведется огонь на поражение, но упал с простреленной головой.

А Игнат замер в полном шоке, глядя на нереальную картину, творящуюся возле машины, смотрел в ужасе, и почему-то ему казалось, что все происходит очень медленно, затяжно – вот двое оставшихся охранников заталкивают через распахнутую заднюю дверцу в машину министра, и один из них падает на пороге как подкошенный, туловищем оказываясь в салоне, а ногами наружу, а второй кричит Игнату, широко и медленно разевая рот:

– Ходу!! Ходу, твою мать!!!

И, не успевая ничего сообразить, на автомате Игнат втапливает педаль газа в пол и рвет машину с места, видя в боковое зеркало, как мягкой, безвольной куклой выпадает из салона, оставаясь лежать на асфальте, подстреленный у самой машины охранник, а на него падает последний, четвертый, и как болтается незакрытая дверца.

Он пришел в себя быстро, практически сразу, заехал в какой-то двор, выскочил, сунулся в задний салон... В министра попала не одна

пуля, две. Игнат заметил точно: одна в спину навывлет, а вторая в шею, но он был жив, с трудом дышал, не мог говорить, истекал кровью и только смотрел на своего водителя диким, ничего не видящим взглядом.

– Я сейчас! – пообещал ему Игнат и метнулся назад на водительское кресло, схватил трубку оперативного телефона, установленного в машине, проорал, сообщая о нападении, и рванул к ближайшей больнице. Благо ближайшей оказался институт Склифосовского, совсем рядом. Игнат снова позвонил по экстренной связи и прокричал, чтобы связались со Склифом и предупредили о раненом, которого он везет.

Министра до приемного покоя Игнат довез живым, а вот до операционной того довезти уже не успели – умер на каталке.

Потерянный Игнат, не понимавший, что теперь следует делать, куда идти, с кем говорить, кому звонить и докладывать, стоял посреди холла приемного отделения, пока какая-то пожилая медсестра не сказала ему с искренним сочувствием:

– Вам бы надо переодеться, вы весь в крови. И, наверное, сообщить своему начальству о том, что случилось.

– Да, – кивнул Игнат, немного приходя в себя. И повторил: – Да.

Он вернулся к машине, которая так и стояла у дверей приемного отделения с настежь распахнутыми водительской и пассажирской дверцами, кинул взгляд в салон, только сейчас заметив, как много крови натекло на заднее сиденье и на пол, и, все еще тормозя, не выйдя полностью из шокового ступора, достал из багажника ветошь и принялся оттирать сиденье, не осознавая всю бесполезность этого занятия.

Заметил на полу у правого окна небольшой портфель, который шеф иногда брал с собой на различные, как правило, неслужебные встречи. Перед глазами сразу же выскочила яркая картинка, как министр, посмеиваясь чему-то, выходит из подъезда и в руке у него этот самый портфель, как заталкивают его ребята в машину, головой вперед, вместе с портфелем, который министр так и не выпустил из руки до самого конца.

Горло перехватило спазмом, и на глаза навернулись слезы. Игнат дернулся, рывком выскочив из машины, сдерживаясь как мог, но не сладил с эмоциями, пропустив-таки несколько слез. Стер их рукавом

пиджака и вдруг заметил, что его рука в крови, и только на этом факте его сознание, словно щелчком, полностью вернулось назад.

Он с недоумением осмотрел себя, обнаружив, что весь перепачкан спереди кровью, увидел, что держит в одной руке портфель, а во второй полностью пропитавшуюся кровью ветошь. И поразился самому себе. Даже испугался немного этого своего странного состояния неосознанности.

Портфель он сунул в потайной ящик под правым задним сиденьем, в который шеф иногда убирал папки с документами или пачки с деньгами. Просто так сунул, чтобы пристроить куда-то.

Вернулся в больницу и долго отмывал руки в туалете, всматриваясь в свое отражение в зеркале – все-таки хорошо так он испугался своей странной временной прострации, пробрало. А потом поехал в бутик мужской одежды. Перепуганные продавщицы чуть не выставили за дверь мужика с диким каким-то, не очень нормальным взглядом, перепачканного в крови.

– Авария, – коротко оповестил Игнат. – Помогал спасать пострадавшего, – и распорядился: – Девушки, мне поменять все.

Через полчаса он вернулся в машину полностью переодевшись, с куском дешевой, плотной ткани в руке, за которой сбегала куда-то одна из продавщиц. Положил в багажник большой бумажный пакет со своими испачканными вещами, которые прихватил-таки, подумав, ну а вдруг матери и химчистке удастся что-то спасти. Полностью накрыл свое водительское место тканью и поехал в ведомственный гараж.

– Не, – сказал старший механик, осмотрев салон лимузина, – ни х... тут не отчистишь, придется полностью, на х..., менять всю обшивку, да и вскрывать, проверять, не натекло ли на корпус, иначе п...ц, отъездила машина, вонять будет всегда. Забирай все свои вещи, загоняй ее на яму. Пока трогать не будем, следаки сначала все проверят.

Игнат взял у завгара полиэтиленовый пакет, в который поскидывал все свои личные вещи, что держал в машине, вспомнил про портфель, сунул и его. И тут Миронина срочно вызвали к начальству, прямо бегом. Он сунул оба пакета в свой личный ящик в раздевалке и побежал на вызов.

Потом закрутились допросы, дача показаний, выезд на место преступления и следственный эксперимент, мурыжили его до ночи.

На следующее утро начальство уведомило Миронина, что его отправляют в оплачиваемый отпуск на неопределенный срок, пока идет следствие, а там оно, то бишь начальство, решит, куда назначить его и к кому пристроить.

Забрал Игнат свои пожитки и поехал к себе на Смоленскую набережную. И напился вдрызг, снимая дикий стресс.

Один, компания ему не требовалась.

Не привыкшего пить Игната полоскало-штормило поутру не по-детски. Он настолько хреново себя чувствовал, что казалось, будто прямо сейчас скончается, он уж подумывал «Скорую помощь» вызвать, не в состоянии переносить эдакие мучения.

В какой-то момент, выходя из туалета после очередного «братания» с белым другом, несильно осмысленный взгляд Игната скользнул по брошенным в прихожей пакетам. И такая его вдруг досада взяла за угробленный кровавыми потеками прекрасный костюм, сидевший на нем как влитой, который ему очень нравился, и за те безумные деньги, которые пришлось отдать за новые вещи, что несильно адекватный Миронин прошлепал в прихожую и от всей души заехал ногой по пакету с испорченной одеждой, зацепив по ходу еще и второй. Вещи разлетелись от мощного паса, что-то прозвенело и покатилося по паркету, а несколько замутненный взгляд Игната вдруг уперся в лежавший прямо перед ним портфель, о котором тот начисто забыл.

«Надо посмотреть, что там», – решил жертва неумеренного возлияния. И, прихватив портфель, вернулся в комнату, открыл и, тупо перевернув, просто вытряхнул на диван все его содержимое.

И вмиг протрезвел.

Вместе с несколькими тонкими папками с какими-то документами из портфеля вывалился прозрачный пакет, в котором плотненько, бочком к бочку, в два ряда были сложены пачки купюр евро номиналом в сто единиц.

Игнат сглотнул пересохшим горлом, произведя громкий хлюпающий звук, разнесшийся по притихшей комнате. Дрожащими руками извлек одну пачку, сорвал с нее банковскую упаковочную ленту и принялся пересчитывать. Трижды пересчитал все пачки дрожащими руками, перекладывая купюры неуклюжими пальцами, убеждаясь, что не ошибся – в пакете было ровно шестьсот тысяч евро.

Шестьсот. Тысяч. Евро. Етить твой тополь в карусель!

Ломанувшись в кухню растревоженным лосем, Игнат схватил электрический чайник и прямо из горлышка, проливая воду на себя и на пол, чуть не захлебываясь, выпил все, что в нем было. Постоял в пространной задумчивости, бросил чайник на стол и понесся в ванную. Открыл до упора кран с холодной водой, подставил под него голову и постоял так несколько минут. Растер с силой волосы полотенцем и вернулся назад в комнату.

Мать моя красавица! Смотрел он на пачки денег – это же придется отдать. Надо отдать. Шестьсот... Ты... Так, остановил он себя. Стоп!

Надо посмотреть, что там за документы.

Какие-то договоры с двумя разными фирмами, список неизвестных Игнату фамилий на нескольких листах, документы на владение небольшим домом в Италии. Насколько помнил Игнат, у министра имелся большой дом в Тоскане, оформленный на его дочь, и что-то подобное во Франции, в Провансе. Ладно, его теперь это не касается. А это что?

Плотный запечатанный почтовый конверт. Вскрыл, что уж теперь. Внутри не было ничего, кроме связки из трех ключей на интересном брелоке в виде небольшой черепашки, великолепно выполненной из серебра с изумрудиками, чуть ли не произведением искусства, так хороша и тонка была работа по металлу.

Игнат знал, что это за черепашка. Вот знал он, тот же тополь в карусель!

Однажды заметил, когда пришлось практически волоочь на себе прилично так набравшегося министра после встречи с европейскими партнерами, на второй этаж дачи, когда тот потребовал отвести его в кабинет. Ну, в кабинет так в кабинет. Отвел. Что он там только делать собрался в таком состоянии. Ладно, не его дело, хозяин – барин.

А шеф, которого разморило пуще прежнего, как только тот попал с приличного такого мороза на улице в тепло, плюхнулся в кресло за столом, вытащил из кармана эту самую черепашку и попытался ее вскрыть, поддевая ногтем незаметную пластинку на животе фигурки. Колупался-колупался, не справился, устал от усилий, откинулся на спинку кресла и вырубился в момент.

Игнат трогать и передвигать министра не стал – на фиг, проснется, еще буровить начнет, но черепашку из пальцев того достал,

колупнул пластину, с которой не справился шеф, и та открылась. Оказалось, что это тайное хранилище для небольшой флешки.

Черепашку Игнат закрыл и засунул назад в карман министра.

На этом и все. Тот ни на следующий день, ни позже не спрашивал, видимо, не помнил этого момента, а Игнат тем более не напоминал.

А вот сейчас... он ринулся к своему навороченному компу, который установил, не пожалев денег, усилив разными дополнительными платами, вытащил флешку из фигурки черепашки, вставил, активировал... Ептель, нужен пароль.

Мать его, ну мать же!

Игната вдруг осенило, словно шепнул кто – а знает он пароль! Знает! Вернее, не знает, но... Когда однажды Игнат сказал шефу, что забыл старый пароль, которым давно не пользовался, тот посмеялся и поделился своим секретом, мол, для того чтобы не забывать столь важные вещи, надо придумывать пароль с названием места или действия, связанного с информацией, которую тот защищает. Бери и гоняй это слово хоть наоборот, хоть буквы переставляй, хоть на английском русскими буквами и тоже наоборот или разбив на части.

Игнат с точностью процентов в восемьдесят догадывался, что может находиться на этой флешке, и подставил первое пришедшее на ум слово... нет, не сработало.

Час сидел и колупался, складывая слова и так и эдак, и все-таки нашел, открыл информацию! Йес-с-с-с! Слово было «Швейцария», разделенное на две, переставленные части, – «царияшвей», написанное наоборот – «йевшяирац» английскими буквами. Уф-ф-ф, аж вспотел от нервов и натуги.

Но стоило открыться информации... вот тут ему стало по-настоящему хреново. Не просто хреново, а как бы полный пипец... Миронину показалось, что у него прямо сейчас случится инфаркт, так прихватило забарабанившее быстро-быстро сердце. На флешке находился всего один файл, на котором были записаны ряд цифр и букв шифра и пароль к ним, открывавший доступ к двум счетам на предъявителя в банке: первый – Цюриха, второй – Берна.

Оба на пять миллионов евро. То есть десять в сумме.

Теперь ему стало совершенно очевидно, что в тот день шеф собирался сваливать в Европу, причем сваливать с концами, а эти наличные евро и эти два счета в банках – это так, на мелкие расходы в

дороге, на первое время. Для него это не деньги, он сотнями миллионов ворочал. И этот домик из той же песни – отсидеться, повернуть какие-то незаконченные сделки вот по этим договорам и... Дальше не важно.

Вот это важно, вот это: шестьсот тысяч и десять миллионов.

Он сидел, тупо уставившись на две короткие строчки в экране монитора, понимая, что прямо сейчас ему надо решить, что с этим делать.

Собственно, у Игната был выбор только из двух вариантов.

– И он решил заграбастать миллиончики себе! – воскликнул Ромка, которого необычайно увлек, захватил рассказ Северова, у него даже глаза сияли от интереса и живой, настоящей интриги.

– Бывают моменты, – попробовал объяснить мальчишке про не самые простые жизненные выборы Северов, – когда человек совершает ошибки ценою в жизнь. Когда дается, бывает, лишь секунда-две на принятие решения. И если он поддается соблазну, чему-то темному в себе – все, уже ничего не исправишь, не изменишь и не отыграешь назад, и платить придется всю жизнь. В большинстве случаев, если человек решился на преступление, как правило, одно преступление вынуждает его сделать следующее, а за ним следующее. Это работает как сорвавшийся с горы камень, увлекающий за собой остальные, превращая в неконтролируемый, губительный камнепад. И человек неизбежно меняется, становясь другим, сделав тот самый неверный выбор, меняется его личность, его жизнь, привычки и образ мышления.

– Звучит как-то совсем кисло, – скривился Ромка. – И безнадежно. Можно же исправить свои ошибки. Повиниться, сказать: я был неправ, простите. Что-то там сделать хорошее, реабилитируясь.

– Конечно, когда это касается простых житейских дел, возникших недопониманий, мелких проступков в отношениях с другими людьми и нанесенных обид. Можно практически все исправить, честно поговорив друг с другом, признать свою неправоту и постараться компенсировать нанесенный ущерб, как моральный, так и материальный, – согласился с ним Антон. – Но я говорю о преступлении. Вот этот Игнат принял решение оставить деньги себе. Это определенно преступление, как его ни называй и ни квалифицируй. У него был еще небольшой люфт во времени, скажем,

пара недель, чтобы отдать портфель со всем его содержимым в соответствующие органы, наврать, что не понял сразу, что это важно, не смотрел, забыл, находясь в стрессе. Но он принял твердое решение и сразу же начал предпринимать шаги, чтобы скрыть свою находку.

– И как он ее скрыл? – допытывался заинтригованный Ромка.

Размышляя, Игнат вдруг совершенно отчетливо понял, что никто не может знать об этих деньгах. Охранники убиты, и никто не сможет вспомнить про портфель, видеонаблюдения тогда еще на подъезде не имелось. И сильно сомнительно, что его бывший шеф поставил кого-то в известность, даже родных, об этих счетах и наличности, не говоря уж про домик в Италии.

Игнат решил, что надо убедиться в том, что простое знание шифра и пароля на самом деле дает доступ к счетам. Выдержав все следственные мероприятия в качестве основного свидетеля, поприсутствовав на помпезных похоронах министра, он оформил отпуск, теперь уж за свой счет, и купил обычную туристическую поездку в Европу. Заселился в гостинице в Мюнхене, даже посмотрел достопримечательности, а потом на поезде доехал до Цюриха, а оттуда и доерна. Английским Миронин худо-бедно владел чуть лучше, чем «твоя моя не понимай», но на то, чтобы объясниться со служащими банков, его уровня вполне хватило.

Бинго! Десятка! Никто даже не поинтересовался, почему поменялась личность владельца счета. На предъявителя? Вот он вам, предъявитель.

И, вернувшись домой, Миронин принялся разрабатывать и продумывать серьезный стратегический и тактический план по сохранению теперь уж точно своего родного капитала, исключавший бы даже минимальную возможность попасть под подозрение полиции, или налоговых органов, или тем паче криминала какого.

Он остался работать в министерском гараже водителем. Его даже отметили и премировали за героическое поведение при нападении на министра. Приписали к одному из замов бывшего шефа, но у них что-то сразу не заладилось с новым клиентом, не получилось контакта. И тут неожиданно начальник их службы предложил Игнату поработать в Питере, в губернаторском автопарке. Отчего-то там и зарплату больше клали, и различные привилегии, и бонусы гораздо более интересные обещали.

Как потом выяснил Миронин, такое назначение было чем-то вроде поощрения за тот самый «героизм». А из гаража его убрали с глаз долой, чтобы своим видом не напоминал про происшествие и про тот факт, что против министра-то после его смерти возбуждено уголовное дело, все его счета арестованы, дома, имущество конфискованы, и много чего на него накопили преступного и уже доказанного. Для «хозяев» это не очень хорошая примета, работать с бывшей обслугой тех, кого сняли, арестовали или... вот как с его шефом – убили. Но поскольку водителем Игнат был, что называется, от бога и уж точно к делам бывшего шефа не имеет никакого отношения, то никто и не собирался разбрасываться такими ценными кадрами. Вот и пристроили, можно сказать, по-родственному.

А Игнат даже обрадовался этому предложению, смекнув, что уехать из Москвы в другой город, где новые знакомства, новая работа, может, как раз то самое, что и надо при его-то делах и тайнах. Матушка его, Софья Игнатьевна, перебираться в Северную столицу с сыном отказалась, оставшись присматривать за недвижимостью. Сдали квартиру на Смоленке за очень хорошую арендную плату, которую Игнат определил для мамы, чтобы обеспечить той жизнь получше, да и сам присылал регулярно деньги. Немного, но ежемесячно.

Миронина практически сразу же поставили возить одного из замов губернатора. И он начал работать, как и привык, в ненормированном графике, подрываясь по любому звонку. Но этот его шеф был намного осмотрительней предыдущего, и если и были у него какие-то темные делишки, то проворачивал он их настолько осмотрительно, что Игнат мог только догадываться и строить предположения, не более того.

Пять лет. Пять! Он не притрагивался к своему богатству, продолжая работать на том же месте, правда, поменяв за эти годы трех шефов, которых возил.

– Пять ле-е-ет? – обалдел Ромка.

– Слушайте, – поделила удивление сына Анна, – это же с ума спятишь? Вы представляете: сидеть на горе с деньгами и не позволять себе их тратить, продолжая обычную жизнь.

– На кой тогда он их тырил, спрашивается? – аж расстроился за Миронина Ромка.

– А он пусть и не спятил до четкой клинической картины, но определенные сдвиги в психике заработал, – подтвердил предположения Анюты Северов.

Они давно уже закончили с чаепитием и перебрались с веранды в гостиную, как только начало смеркаться, и даже затопили камин для уюта и тепла. Как ни печально, но лето катилось к закату, вечерами и ночами стало заметно холодать. Да и горящие поленья придавали беседе особенную атмосферу, словно объединяя их маленькую группку в кругу пламенных отсветов.

Тайна! Тайна жгла Игната изнутри. Не имея возможности открыться хоть кому-то, поделиться с кем-то, он изводился ее существованием и необходимостью тщательного сохранения. Она не давала спать и спокойно жить, и как Кисе Воробьянинову мерещился в снах бриллиантовый блеск, так Игнату снилась шикарная, богатая жизнь, в которой он купается. Пальмы, лазурное море, шикарные девушки, яхты, виллы... Мираж-ж-ж.

У Миронина вспыхнул невероятный интерес к изучению разнообразных систем безопасности. Он и до обретения богатства имел довольно неплохое представление об этом предмете, изучая основы современной безопасности еще на службе, когда возил генерала. Да и после, проходя курсы водителей-охранников, увлекся гораздо более глубоко этим вопросом и стал изучать всякие интересные разработки и ноу-хау, которые имелись в открытом доступе.

Но все это было так, на уровне простого увлечения, интереса. А вот после «обретения» капитала Миронин настолько погрузился в эту тему, расширив круг своего интереса, что это стало некой его навязчивой идеей вместе с конспирологическими теориями и практиками с элементами шпионских завихрений.

Он знал о городских системах наблюдения, наверное, не меньше, чем ее разработчики, разбирался в модификациях видеокамер, инфракрасных и лазерных установках, в микрофонах дальнего и ближнего звука, в возможностях слежения за человеком через его же гаджеты, через телевизор и компьютер и еще многое, многое и многое. Порой выкладывая офигительные деньги за информацию на эту тему и обращаясь за консультациями к специалистам.

Квартиру он снимал с обязательным условием – два выхода из подъезда на разные улицы. Прорабатывая при этом пути отступления из квартиры и схемы безопасного передвижения по городу по «слепым» зонам, не попадавшим под наблюдение или хотя бы в прямой обзор видеокамер. Приобрел пистолет и ходил в тир тренироваться в стрельбе. И много что еще того же шпионского уклона.

Дребезжала у паренька крыша определенно.

Но все имеет свойство когда-нибудь заканчиваться. Закончилось и терпение Игната. Последние пару лет он стал все острее и болезненнее воспринимать свой «низкий профиль», как говорят американцы, свой низкий социальный уровень значимости.

И если раньше, например, встречаясь с девушкой, которая прямым текстом говорила, что он не объект ее интересов, поскольку простой водитель, пусть и в администрации губернатора, а он в ответ только многозначительно улыбался, думая про себя: «Ну и курица ты тупая, знала бы ты». Эдакий Александр Иванович Корейко современного разлива с уклоном в легкий криминал, – то последнее время его низкий социальный статус и невозможность находиться на достойном уровне стали конкретно нервировать Игната, начавшего все чаще призадумываться, а не слишком ли мало он себе позволяет. Так, по мелочи, не красуясь особо, покупал кое-какие брендовые вещички, пару раз отдохнул в пятизвездочном отеле в Европе, но все в рамках вполне объяснимых для любой проверки расходов: накопил, подзаработал – и все дела.

А душа-то, душа требовала совсем иного – широты, размаха, почувствовать себя наконец богатым человеком, получать наслаждение от этого чувства и совсем иной, роскошной жизни, которую мог себе позволить.

Власть всегда пьянит и манит, а деньги – это как ни крути, но тоже власть, и они его ох как манили и пьянили обещанием.

Игнат столько лет отирался возле властных и богатых людей, перенимая их привычки, их замашки, их знание качества и уровня жизни, атрибутов и вещей, сопутствующих им. Он учился, присматривался, изучал, знал марки, бренды, города, отели, курорты, тренды – все, что сопутствует высокому, виповскому уровню. Привычки элиты во все времена имели особую привлекательность для

простого народа. Это закон жизни. Игнат как никогда хотел и был уверен, что имеет полное право и может быть той самой элитой.

Ему оставалось только взять все это.

А отправной точкой, выстрелом стартового пистолета к забегу в новую жизнь, как ни удивительно, стала поездка очередного шефа, чьим шофером он был, в поселок «Озерное», в гости к одному из заместителей губернатора.

Когда Игнат увидел этот поселок, он понял со всей открывшейся ему очевидностью – именно здесь он хочет иметь дом и участок. В «Озерном» не было безумных каких-то дворцов и усадеб в пять этажей на гектарах земли, не было кричащей роскоши, так присущей Рублевке и известным гетто миллиардеров в Подмосковье и на сочинских курортах.

Здесь чувствовалось, пахло и считывалось настоящее, сдержанное, утонченное властное богатство из разряда тех, которые не выпячивают, не золотят, а смакуют с удовольствием. Высший шик! Высший класс! Что все-таки значит Питер с его уклоном в интеллигентность, с его «старыми» деньгами. И место – просто снос головы, красота невероятная.

И Игнат принялся думать, как все провернуть, чтобы не вызвать подозрений у определенных органов и стать легальным миллионером.

Как любил повторять его убиенный шеф, иронично посмеиваясь после очередной удачной сделки: «Государство существует для того, чтобы ограничивать человеческую жадность». Миронин свою жадность, свои желания, устремления и мечты ограничивать не хотел, и поэтому следовало все так устроить и провернуть, чтобы у этого самого государства не возникло к нему и его имуществу вопросов.

Вообще-то он давно уже все придумал. За столько-то лет! И придумал, и подготовил. Прикармливал Игнат последние три года одинокую старушку в Подмосковье, еще при Советском Союзе служившую поварихой на судах дальнего плавания, ходивших за границу. Биография у бабушки была яркая, насыщенная богатыми событиями, мужьями, любовниками и полным отсутствием детей и родственников к восьмидесяти годам. А нашел он ее почти случайно – матушка Софья Игнатьевна упомянула как-то о старшей сестре своей умершей подруги, живущей в полном одиночестве, попросив сына навестить старушку, помочь чем возможно.

Вот Игнат и «помог», договорившись с бабушкой, что та составляет на него дарственную на все ее движимое и недвижимое имущество, которое перейдет к нему после ее смерти, и пишет дневничок, в котором упоминает, что долгие годы копила деньги, а чтобы они не пропали, покупала на них золото. Просто золото в слитках разного веса. За что он ее довольно неплохо содержал, даже нанял помощницу по хозяйству и проводывал иногда.

Бабушка задание с мемуарами перевыполнила с лихвой, настолько увлекшись эпистолярным жанром, описывая похождения своей жизни, да под стаканчик крепенького винца на ночь глядя, что сама уже путала, где правда, а где ее красочные фантазии о несбыточном. Но про золотишко писала, вставляла, как и просил Игнат.

Вот бабушка и пригодилась. Нет. Он ее не притюкнул, боже упаси, бабушке он был благодарен, да и угрозы никакой она для него не представляла – «тут помню, тут уже совсем не помню», и хороший мальчик Игнат так помог, так помог, спасибо ему сердечное. Поместил он старушку в хороший дом престарелых и исправно оплачивал ее пребывание в нем, поставляя заодно и хорошего винишка в достаточном количестве для стимуляции творческого процесса.

Миронин растробил всем знакомым, друзьям, коллегам и шефу про нежданно свалившееся на него наследство. Кстати, на удивление, оказавшееся не настолько и маленьким, когда дело дошло до реальных подсчетов нотариусами. И теперь мог спокойно легализовать часть своего капитала, то есть тех самых бабушкиных «золотых слитков».

Уволился с работы, продал квартиру на Смоленской набережной, купил небольшую квартирку в Питере, все в соответствии с его требованиями: с двумя выходами из подъезда на разные улицы и возможными путями отступления. Куда? Хрен его знает, ну вот отступления.

Чтобы иметь постоянный легальный доход, вошел в приличный, чистый бизнес – полноправным партнером в дело бывшего коллеги, открывшего несколько лет назад логистическую фирму по ближним транспортировкам, которому срочно потребовался капитал для расширения. Кстати, в числе прочих услуг тот предлагал и обслуживание VIP-клиентов, которым предоставлялись иномарки премиум-класса с личным водителем, которые, к слову сказать,

пользовались повышенным спросом. Игнат и сам не без удовольствия частенько садился за руль и возил тех самых VIP-клиентов. Любил он это дело, вот что тут поделаешь, имел талант к вождению и общению с людьми властными и богатыми.

А через полгода он воплотил одно из своих сверкающих мечтаний: приобрел дом с участком в «Озерном», как раз очень удачно выставленный на продажу.

И вот теперь он решил попробовать на вкус той самой жизни, о которой так мечтал, о которой грезил бессонными ночами и которую запрещал себе долгих пять лет.

Легализовать и продемонстрировать свой капитал Игнат, понятное дело, не собирался вот так вот прямо открыто. Нет. У него имелся план.

Теперь, имея статус бизнесмена, который может себе позволить побольше, пусть и не простого, но водителя, Миронин купил тур на Лазурный Берег Франции. Но это был всего лишь первый пункт его конспирологического плана. Прилетев на Ривьеру с туристической группой и зарегистрировавшись в небольшом отельчике, в тот же день Игнат уехал в Сан-Тропе и поселился в шикарном отеле, в котором заранее зарезервировал номер люкс на территории одного из самых роскошных курортов. Там, где имущественный фильтр жестко отсекает определенный контингент, недотягивающий до финансового уровня людей этой VIP-зоны.

Курорт лакшери – все как у больших! Господи, наконец-то!

Он блаженствовал! Он вкушал этот отдых по капле, как нектар богов, наслаждаясь уровнем этого курорта, обслуживания, предоставляемых услуг – да всем, что говорить. Это вам не сочинские пляжи пятизвездочных гостиниц, где голые девицы с силиконовыми достоинствами, чуть прикрытыми лоскутками ткани, прогибают спинку, стараясь захомутать мужиков чуть побогаче среднего уровня.

Здесь настоящий шик – мрамор, позолота, хрусталь, серебро, ковры ручной работы, подлинные картины известных мастеров, пушистые, как перо, банные халаты и полотенца, туалетный парфюм, изысканнейший завтрак в номер, мишленовские рестораны, чистейшее море, яхты и спокойные, раскрепощенные, уверенные в себе шикарные люди. И очень много знаменитостей.

Игнат был потрясен, он не мог напиться, надышаться воздухом этой жизни, он познакомился с роскошной девушкой в ресторане, с чудовищным акцентом говорившей по-русски, где-то там в предках имея русские корни, и провел с ней незабываемую неделю вместе.

Вышло, конечно, дороговато, но это стоило каждого евро, что он потратил на нее и на себя.

Но все имеет свойство заканчиваться, а самое прекрасное и радостное заканчивается раза в три быстрее, чем все остальное в этой жизни. Подошел к концу и его официальный тур. И Миронин, разрываемый дикой нестыковкой столь разных жизней, вынужден был возвращаться в Питер обычным пассажиром чартерным рейсом.

В следующий раз он решил, что такая конспирация ему не подходит – ограничивает свободу и широту размаха. И зимой, уже не сильно-то и скрываясь, он заказал себе апартаменты на шикарном горнолыжном курорте в столь полюбившейся ему VIP-зоне. И отправился учиться кататься на лыжах.

Это было круто!

Он наслаждался каждым днем, проведенным в Альпах. И там познакомился с девушкой, на сей раз совсем не говорившей на великом и могучем и вообще в принципе мало разговаривавшей шведкой, но такое вытворявшей в постели, что до инструктора по горнолыжному спорту он добирался по утрам не совсем чтобы в форме.

Через пару лет Игнат совершенно адаптировался и по привычке к отдыху высшего уровня, освоился в его реалиях и правилах-законах. Научился непринужденно носить вещи, стоившие баснословных денег, брать напрокат и раскатывать в шикарных авто по европейским странам, научился красиво тратить деньги и столь же красиво их зажимать и экономить.

Но в русле куда не девшейся конспирации он старался избегать богатых и знаменитых российских граждан, в избытке обитавших на этой ценовой площадке, не заводил с ними знакомства и держался особняком. Стоит ли упоминать, что Игнат никогда не делал никаких селфи и фотографий с видами и красотами природы на смартфон, не выкладывал в соцсетях постов и фоток с курортов, на которых проводил время, да и вообще в соцсетях присутствовал весьма ограниченно, растеряв за пять лет ожидания той самой своей лакшери-жизни всех оставшихся немногочисленных друзей.

В этих его бесконечных поездках, смене курортов, в покупках дорогих вещей была какая-то рабская ненасытность того угнетенного тиранией человека, что дорвался до господского изобилия, жадно поглощая, впихивая его в себя до рвоты, до отторжения. И через несколько лет Игнат как-то постепенно осознал, что и шикарная жизнь может, оказывается, не просто приесться, а вызвать настоящее перенасыщение.

Открыл поразительную истину, что, оказывается, для постоянного, нескончаемого праздника-наслаждения надо иметь особую склонность характера к подобного рода времяпрепровождению, к ничегонеделанию, к сплошному релаксу и потреблению наивысшего уровня. Что, как выяснилось, большая часть этих расслабленных, богатых людей отдыхают не так чтобы и круглый год, а как раз большую его часть заняты конкретными делами, зарабатывая те самые миллионы для поддержания вот этого шикарного уровня.

И, наверное, такие размышления и наблюдения за элитой привели бы Миронина к какому-то продуктивному порыву, мотивировавшему бы его к значительным переменам в жизни, например к учебе, к освоению нового дела, он же вообще-то человек малограмотный, которому подфартило стырить небольшой капиталец. Он был неплохим автомехаником, великолепным водителем и на достаточно высоком для любителя уровне разбирался в системах безопасности. И, в общем-то, все. Никакими знаниями о том, как следовало бы разумно управляться с деньгами, куда вкладывать, как увеличивать капитал, он и близко не обладал. Может быть, и двинулся бы в этом направлении, если бы...

Если бы не случилась с Игнатом любовь всей его жизни. Бушующая страсть.

Он познакомился с Ликой на Сардинии. В Кальяри, где она отдыхала с группой туристов из России. Игнат приехал на арендованном авто пройтись по магазинчикам центрального города, хотел перед отъездом купить маме сувениры и кое-что из местных знаменитых продуктов. Сел за уличный столик одного милого ресторанчика, решив перекусить, сделал заказ, и вдруг в его столик врзался велосипед, и управлявшая им девушка свалилась вместе с

великом на землю, довольно витиевато выругавшись по-русски, не употребив при этом ни одного матерного слова.

Игнат, официант и посетители, занимавшие ближайшие столики, бросились помогать пострадавшей. Девушку подняли и усадили на стул, столик тоже подняли, молниеносно поменяли на нем скатерть, приборы, украшение в виде вазочки с розами. Выяснилось, что у велосипеда, взятого девушкой напрокат, слетела цепь как раз в тот момент, когда она катилась под горку, и вот результат – колено и локоть поцарапаны, одежда испачкана, а она совершенно сконфужена.

Игнат, сделав знак официанту, предложил девушке разделить с ним трапезу, и та, несколько не смутившись, приняла это предложение, предупредив:

– Тогда вы платите, – и звонко рассмеялась: – Знаете, я так давно мечтала побывать на Сардинии, почему-то именно здесь, но оказалось, что это довольно дорогая поездка. Но я все равно не жалею несколько. Даже вон велосипед взяла, чтобы самой поехать, посмотреть без толпы.

Они разговорились и не могли остановиться. Лика была такой легкой, смешливой, совершенно открытой и очень искренней девушкой. И такой живой. Рассказывала, жестикулировала, сама увлекаясь своим рассказом, смотрела то веселыми, то восторженными глазами.

Они гуляли по городу, заходили в лавочки и кафе, а вечером Игнат отвез девушку в ее отель. И приехал за ней на следующее утро.

И повез в лакшери-зону, где отдыхал сам.

Он буквально таял от чего-то непонятного, теплого в груди, наблюдая, как она восторгается всем вокруг, ахает, охает, поражаясь, насколько она непосредственная, искренняя и открытая, ничего из себя не изображает, не пытаясь показаться другой. Он был совершенно очарован и покорен.

Эту ночь они провели вместе. И это была такая страсть, что Игнату казалось, он просто умрет от счастья, отдав всего себя в безудержном сексе.

И вместе улетели, больше не расставаясь.

Лика, она же Анжелика Иванова, проживала в Нижнем Новгороде и была историком, ученым человеком, а заодно и гидом-экскурсоводом иностранных групп. Проведя неделю в обжигающей любви и страстях,

девушка засобиралась домой, с великой печалью сообщив, что жить вместе у них не получится, потому что у нее больная мама, оставить которую она не может, и переехать в Питер не может по той же причине. Вот если бы сам Игнат переехал к ним в Нижний...

«На кой?» – удивился хоть и страстно влюбленный, но все же не до полной потери разума Игнат. У него здесь шикарная квартира, бизнес, связи-дела и «Озерное». Какой там, на фиг, Нижний Новгород?

И предложил: он купит Лике квартиру, куда она сможет перевезти свою маму, в Питере и медицина на порядок круче, а если понадобится, то они отправят ее в Германию или в Израиль на лечение. Они же теперь вместе, и Лике теперь совсем не обязательно работать, а если она захочет, так он устроит ее в любой музей или научный институт.

– Да? – удивилась девушка Лика, похлопав ресницами. – Мне надо подумать. Это слишком кардинальная перемена жизни.

И уехала в свой Нижний Новгород.

За неделю, что ее не было, Миронин извелся совершенно – есть, пить, спать не мог и названивал любимой по нескольку раз на день, выпрашивая, когда же она вернется.

– Маме плохо, я не могу уехать без нее, оставив ее здесь. А к тебе в квартиру она не поедет. Стесняется, – плакала от тоски по любимому Лика.

Ну, твою же маму! Нет-нет, не в смысле, что маму Лики, а в том смысле, что черт побери. Ругнулся про себя Игнат и решил срочно изменить обстоятельства. И отправился в самое крутое, давно и хорошо себя зарекомендовавшее риелторское агентство. Недвижимость в доме в историческом центре он выбрал за два дня – с двумя выходами из подъезда, а как же. Квартира находилась в великолепном состоянии, с только недавно проведенным ремонтом и даже кое-какой мебелью – заезжай и живи.

И через неделю, закончив оформление и докупив кое-какие необходимые предметы мебели, Игнат сообщил любимой, что она может приезжать вместе с мамой – квартира их ждет. Девушка плакала от счастья и от того, какой прекрасный и необыкновенный мужчина ее Игнат, что она таких никогда не встречала и таких сейчас и вовсе не бывает и как ей повезло.

И приехала на следующий же день... одна.

Оказалось, что матушку положили в больницу, и та сказала дочери: поезжай, тебя там любимый ждет, я же вижу, как вы оба страдаете и тоскуете в разлуке, а за мной тут сестра поухаживает. Вот и приехала.

Она ходила по квартире, ахала, охала, восторгалась с чистой, непосредственной искренностью, вызывая у Игната такой прилив любви и нежности к ней, что наворачивались слезы. А закончив осмотр, Анжелика вдруг загрустила.

– Что такое? – допытывался он. – Тебе что-то не понравилось?

– Ну что ты, – воскликнула девушка, расстраиваясь пуще прежнего. – Конечно, понравилось. Квартира шикарная, бесподобная и, наверное, очень дорогая. Только вот... – и отвела глаза.

– Что? – взяв за подбородок, повернул он снова к себе ее личико.

– Мама откажется сюда приезжать, – вздохнула ужасно огорченная Лика.

– Почему?

– Она у меня очень деликатная, щепетильная, – смущаясь, объясняла Лика. – Старой формации и воспитания. Она трепетно относится к своему статусу и к своей самостоятельности. Нет, она откажется. Не сможет жить «на птичьих правах», как она говорит.

– Что значит на птичьих правах? – недоумевал Игнат.

– Но это же твоя квартира, – разъярила Лика. – Мама не сможет чувствовать себя здесь полноправной хозяйкой, будет думать: а если мы с тобой рассоримся или вообще разведемся, ей что, придется возвращаться назад, в Нижний? Нет, – вздыхала девушка, – она не согласится.

– Да какие проблемы, – смеялся Миронин столь простому объяснению ее печали, а он уж было что попало подумал. – Оформим квартиру на тебя. Я просто сделаю дарственную, и все.

– Да ты что? – обмирала от восхищения любимым девушка и принялась благодарить и расхваливать Игната на все лады.

В том числе и сексуальные лады.

Счастью и страстному, безудержному сексу не было конца.

Обживались довольно быстро в новой квартире, наняли дизайнера, который придумал интерьер, вместе ездили за покупками по магазинам, наводили в гнездышке уют и порядок. Только одно

немного удивило Игната: что-то он не заметил, чтобы в этом интерьере предполагалось место для мамы. Но ладно, это ерунда.

А вот секс со скромной девушкой Ликой преподносил ему все больше сюрпризов, порой даже несколько шокируя. Но это было так прекрасно, так великолепно, что он полностью растворялся в ней и в своей бесконечной любви.

И расщедрился, подарив машину. Не премиум-класса, но и не дешевую. И тоже в виде сюрприза, лишь когда показывал ей подарок, сообразил, что повторил предыдущую ошибку, оформив машину на себя. Ну, ничего, пойдут оформлять дарственную на квартиру, заодно оформят и машину на нее.

И они упивались друг другом, своим бесконечным счастьем, вили свое гнездышко, решив, что мама будет пока жить в квартире Игната. Только вот... Да, мама. Надо было делать дарственную, но что-то все время мешало – то внезапно потребовалось присутствие Игната на работе, то он чем-то отравился и провалился дома с расстройством желудка.

А когда оклемался и пришел окончательно в себя, позвонили из больницы Новгорода и сообщили, что маме Лики стало хуже, и девушка срочным порядком уехала домой. Игнат скучал, грустил, беспокоился и звонил чуть ли не каждый час. А тут бабах, свалилась еще одна напасть – пандемия, карантин! И девушка застряла в том Новгороде на месяц.

Игнат ужасно изводился, скучал, переживал и, чтобы занять себя чем-то, начал работать на вызовах по VIP-заказам, хоть немного отвлекаясь от бесконечных, изводящих мыслей и тоски по любимой.

Этот коронавирус испортил и разрушил все их планы! Игнат собирался везти Ликку в большой эксклюзивный тур по Испании и Франции, но сообщение с Европой закрыли напрочь, да и по стране ездить просто так не имелось никакой возможности. И все же Лика смогла вырваться к нему, хоть ей и пришлось заплатить за этот порыв соблюдением двухнедельного жесткого карантина, который с радостью разделил с ней Игнат.

Всякие учреждения, в том числе и нотариальные конторы, были закрыты, все консультации проходили только в режиме онлайн. Но при первом же ослаблении карантина Лика сообщила Игнату, что мама

выздоровела и готова переезжать. И смотрела на него вопросительным взглядом, ожидая ответа.

Что, чего? Не понял сразу Игнат – ах да! Дарственная к приезду мамы.

– Давай так. На ближайшие три дня у меня все расписано и мне придется работать, – повинился он. – А через три дня я буду свободен, и пойдем все оформим.

Игнат действительно работал.

Как только он отсидел с Ликой в карантине положенные две недели, то сдал анализ на COVID-19 и вышел на работу. Так получилось, что пришлось работать именно ему, больше было некому: один из водителей их фирмы, допущенных до вождения премиум-авто, заболел, у второго заболела жена, и тот находился в изоляции вместе со всей семьей, вот и приходилось самому работать в режиме элитного таксиста, имея все разрешения и допуски администрации для работы во время карантина. И, как ни удивительно, но Игнат даже получал от этого удовольствие, только сейчас осознав, что соскучился по такому вот вождению, особенно за рулем шикарной иномарки премиум-класса.

Как-то среди дня у Игната пришел отказ от вызова одного постоянного клиента, и он решил заехать за Ликой, благо он был совсем рядом от дома, и отвезти ее пообедать на одну открытую площадку – жара вот уж несколько дней стояла в Питере несусветная, и открылись несколько заведений, соблюдавших все правила безопасности.

Из-за жары Игнат не стал пользоваться старинным, медленным и довольно душным лифтом, а поднимался на последний высокий четвертый этаж, где располагалась их квартира, по лестнице. И вдруг услышал, как прогремел, отпираясь, замок их двери и на лестничную площадку вышла Лика, продолжая с кем-то разговор по телефону, и зазвенела ключами, запирая дверь.

– Я говорила тебе не звонить мне самому, – отчитывала она кого-то.

Игнат замер этажом ниже в момент, когда занес ногу над следующей ступенькой, услышав эти слова, произнесенные напряженным, недовольным тоном, так непохожим на обычный светлый и звонкий голосок Лики.

– Хорошо, я сейчас одна, а если бы он услышал звонок и понял про второй телефон, – отчитывала она собеседника. – Да забыла выключить звук.

Игнат почувствовал, что его словно окатили ушатом ледяной воды, бегущей долгими ледяными струями по позвоночнику. Медленно и осторожно он опустил ногу назад и отошел к стене, чтобы девушка не смогла его заметить. Закрыв дверь и продолжая разговор, Лика нажала кнопку вызова лифта.

– Нет, пока не подписал, – отвечала она раздраженно кому-то. – Я же сказала, что сообщу сразу, – послушала, что ей говорят, и ответила гораздо более нежным тоном: – Я тоже скучаю. Но ты же знаешь, нам пока нельзя, – видимо, говоривший предлагал встретиться или еще что-то, и она повторила: – Ты же сам знаешь, нельзя рисковать, это глупо.

В этот момент лифт приехал, распахнув двери, Лика вошла в кабину, дверцы закрылись, и дальнейшего разговора Игнат уже не слышал.

Он так и стоял на площадке лестницы, и дикая, безумная ярость, ослепляя и лишая разума, заливала его сознание. Ярость, вызвавшая сильнейшую боль, острой иглой, кольнувшей в сердце, пробудив черную, бездонную обиду, непонимание, лишая сил. И, опершись спиной на стену, Игнат съехал по ней вниз, опустившись на пол, и вытянул ноги вперед.

Он тонул и задыхался в этой бессильной ярости, в какой-то момент переплавившейся в возмущение и гнев. И именно он, гнев, стал той точкой опоры, которая позволила ему не сойти с ума и пережить тот первый, самый страшный, убийственный и мучительный момент предательства.

Через полчаса Игнат поднялся с пола, покряхтывая, как старик, и придерживаясь за стену, отряхнул свои стильные льняные брюки и, спустившись вниз, сел за руль машины. И сидел так долго, наверное, с час, по истечении которого он уже знал, что будет делать.

В эту ночь он не пришел к Лике, соврав, что у него ночные вызовы, остался в своей квартире, понимая, что не сможет сдержаться, если увидит ее. Полночи он не спал – думал, размышлял, вспоминал, как у них все было, и забылся тревожным, мучительным сном лишь под утро.

На следующий день Игнат вышел на работу, проведя практически весь день за рулем. А вечером, предварительно заехав домой за кое-какими необходимыми ему для плана, который он придумал, вещами, приехал к Лике.

Миронин не был одарен великим талантом к лицедейству, но актерские способности имел неплохие, к тому же хорошо натренированные за годы работы личным водителем, требовавшей частенько изображать полное непонимание или, наоборот, полное понимание, умение красочно и вкусно рассказывать истории и анекдоты. Но сегодня игра давалась ему плохо, да он и не пытался играть, сказал, что ужасно устал, что выдались непростые сутки, а ночью ему снова на работу. И в какой-то момент достаточно резко, без всяких прелюдий, завалил девушку в кровать и долго, отчаянно и жестко брал ее. А закончив, извинился, если чем-то обидел или сделал неприятно, списав все на страстное желание, поужинал, поцеловал и ушел на «ночную работу».

Переждав на лестничной площадке пятнадцать минут, прихватив портфель, который засунул между подоконником окна и батареей, который не хотел демонстрировать Лике, он тихо вернулся в квартиру, когда девушка заснула под действием не очень сильного снотворного, которое он подсыпал в бокал с вином, что она пила. Как он и предполагал, девушка спала довольно крепким сном.

Никуда не спеша, Игнат самым тщательным образом проверил и осмотрел все ее вещи, нашел тот самый «тайный» второй телефон, два паспорта – общегражданский и заграничный, водительское удостоверение, много очень дорогой косметики в нераспечатанных упаковках, три простые флешки. И спрятанный под нижним выдвижным ящиком во встроенном шкафу спальни конверт с наличкой: пятьдесят тысяч рублей и две тысячи евро купюрами разного достоинства. Он бы его в жизни не обнаружил, но обратил внимание на крошечный белый уголок конверта, выглядывавший из-под ящика. Заинтересовался, потянул...

И усмехнулся с большим сарказмом, скорее над самим собой, увидев приметную пятитысячную купюру, на которой было небольшое рыжее пятно, видимо, от капли йода. Эти пять тысяч Игнат дал Лике два дня назад вместе с еще двумя такими же, но без клякс, он вообще часто давал ей довольно крупные суммы наличных на всякие бытовые

и ее личные расходы и нужды, а она вот, оказывается, копила да складывала.

М-да, ладно. Скорее всего, это не самое удивительное и интересное из того, что ему еще предстоит узнать про эту барышню.

Так, что дальше? Что мы еще тут имеем?

А больше, собственно, и ничего. Ну и найденного вполне хватит.

Достав из портфеля портативный внешний жесткий диск, на который были закачаны специальные программы, он подключил его к своему ноутбуку. С помощью еще одного девайса Игнат скачал и проверил содержимое обоих телефонов девушки, нашел много познавательного для себя, как и на флешках, пароль которых сумел вскрыть за пару минут, при помощи тех же программ, не сильно парясь. Ну и как же без «вишенки» в таком деле? С помощью одной из специальных программ он нашел Лику в соцсетях под ником «Лилия-Гранд» и просмотрел ее посты, фото и даже вполне прилично сделанный сайт.

Оказалось, что он идиот. Ну, это очевидно.

Но ему хотелось услышать ее объяснения, и может... м-да, может, признание, что она все-таки его любила? Или хотя бы испытывала к нему нежные чувства, или...

Ладно, все это лирика. Пора приступать к следующему пункту плана. Игнат не собирался причинять ей никакого вреда. Планово обходя всю квартиру, он собирал ее вещи – все, вплоть до зубной нити и щетки до домашних тапочек. И все свои подарки в том числе – дорогие ювелирные украшения, парочку фирменных, неприлично дорогих сумочек, всю найденную нераспечатанную косметику и даже шубку, которую они купили буквально на днях. Все, до последней нитки, повезло, что за столь короткое время их совместной жизни она не успела приобрести горы вещей – уместилось все «нажитое» девушкой в большой дорожный чемодан, понятное дело, известной фирмы, и вместительную дорожную сумку. Все, кроме конверта с деньгами.

Собрав, сложив-упаковав все вещи, он поставил чемодан с сумкой у входной двери, сверху положив ее дамскую сумочку со всеми документами, косметичкой и прочей ерундой.

И, включив весь свет в комнате, сел возле постели, на которой она спала, рассматривал ее изучающе и думал.

Он настолько был ослеплен ею и влюблен, что готов был даже рассказать про свое богатство и то, как он его получил. Готов был, но решил сделать это после свадьбы. Но вот что странно, он не рассказал Лике про дом в «Озерном». Упомянул лишь в разговоре как-то, без конкретики места, что у него есть прекрасный дом за городом. И ни разу за это время даже не подумал отвезти ее туда. Может, потому что там сейчас жила мама Софья Игнатьевна, которую он перевез в «Озерное» в конце мая от всяких карантинных и вирусов. А может, потому что этот дом был чем-то глубоко личным для него.

Смотрел на нее и думал: как можно было быть настолько слепым? Не замечать и не понимать какие-то банальные вещи, нестыковки в ее поведении, в словах. И эти поездки в Нижний... Почему он не удосужился ни разу сделать элементарную вещь – проверить ее паспорт, в котором четко и ясно был отгиснут штамп с пропиской на питерской окраине.

Впрочем, это уже не имело никакого значения.

Он выключил свет и вышел из спальни. Поставил себе будильник на семь утра и лег спать в гостевой комнате.

Лица проснулась от мокрого холода, ничего не понимая. Поелозила, стараясь отодвинуться от дискомфорта, и поняла, что подушка вся влажная. Открыла глаза, потрясла почему-то тяжелой головой и... и получила в лицо порцию ледяных капель.

– Что за... – отодвинулась она и вновь потрясла головой.

И увидела стоящего перед ней Игната, который держал в руке пульверизатор для опрыскивания цветов, из которого, по всей видимости, и поливал ее.

– Игнат, ты что? – обалдела от такого обращения девушка.

– Проснулась? – холодно, без улыбки спросил тот и распорядился, указав подбородком на край кровати, где лежали ее легкие брючки, футболка и белье: – Одевайся.

– Игнат, что случилось? – растревожилась Лика.

– Одевайся, – повторил он и сел на стул напротив кровати.

Она подчинилась и, одеваясь под его пристальным, холодным наблюдением, все посматривала на него растерянным, чуть испуганным, почти детским взглядом.

– Садись, – отдал он следующий приказ, когда девушка оделась.

Лица села на край кровати и все всматривалась в окаменевшее выражение его лица тем же трогательно-испуганным взором.

– Ну, давай, расскажи мне, Лилия-Гортензия, – усмехнулся язвительно он, – или как тебя там? Гранд? Как вам удалось проверить операцию со мной?

– Блин, – раздосадованно ругнулась Лица, качнув головой, перестав актерствовать и играть, мгновенно превратившись из испуганной нежной девочки в ту, кем была на самом деле: расчетливую, циничную хищницу. – Вчера еще поняла, что что-то не так с тобой. Надо было сообразить, отыграть ситуацию, а я что-то расслабилась.

– М-да, расслабилась ты сильно, – согласился с ней Игнат. И повторил свой вопрос: – Давай поведай мне веселую историю о себе, обо мне, о твоём партнере.

– Что спрашиваешь, если все знаешь? – усмехнулась девица и спросила, в свою очередь: – Как догадался? Как узнал?

– Ну, я, конечно, протупил конкретно, когда повелся на все эти твои невинные глазки и все прочее. Но ты же в серьезном бизнесе крутишься, должна же понимать, что в наше время не может быть никакой тайной информации, если ты находишься в Сети, да и без нее. Ты уж определилась бы, мать, либо ты охотница за богатыми мужиками с целью выйти замуж, и тогда любой порнографический компромат исключается категорически, либо ты б...дь, пусть дорогая и сверхэлитная, но б...дь, тогда да, сайтик твой вполне уместен, можно было бы даже пойти дальше и ценник выставить.

– Не хаами, – разозлилась она, поднимаясь с кровати. – За собой следил бы. Сорок пять лет – потянуло на молоденьких? Девочку тебе невинную, нетронутую подавай, чистую душой и помыслами, – и спросила иронично: – Ты вообще где живешь, в каком мире, Миронин?

А он вдруг молча, не меняя выражения лица, закинул ногу на ногу, достал пистолет из кармана легкого льняного пиджака и непринужденно так положил руку, держащую оружие, на ногу.

– Я, кажется, не просил давать оценку мне, а рассказать о том, как вы работаете и как вы вообще вышли на меня, – и предложил почти по-дружески: – Давай, начинай.

Она испугалась сильно. Очень сильно, и это было очевидно. Шумно сглотнула и, не отводя взгляда от пистолета, опустилась назад

на край кровати. И начала рассказывать.

Все банально хотя бы потому, что все уже давно придумано человечеством и опробовано на нем же, в том числе и мошеннические схемы разного рода и направленности, но имеющие общую цель – наживу.

Анжелика была честной девушкой и вступала с мужчинами в интимные отношения исключительно из меркантильных интересов с семнадцати своих девичьих лет. Она была диво как хороша – утонченная, хрупкая, обладавшая к тому же великолепными актерскими способностями, могла изобразить кого угодно, чаще всего отдавая предпочтение амплу той самой чистой, наивной девушки, смотревшей с обожанием и восторгом своими огромными синими глазами на обрабатываемого в этот момент мужчину.

Имелся у Анжелики двоюродный брат, с которым она переспала лет в пятнадцать, такой же циничный, расчетливый, готовый ради денег на весьма многое, а ради больших денег – так вообще на все что угодно.

Он и стал ее любовником и помощником во всех махинациях сестры, при необходимости и сутенером-сводником, а она с тем же успехом и энтузиазмом помогала ему обирать и разводить глупых дурочек.

О Мироне они узнали от одной их знакомой, работающей в престижном дорогом турагентстве, которая за определенную мзду сливала брату с сестрой информацию о богатых клиентах, выезжающих на отдых на шикарные курорты в одиночестве, без жен-мужей и любовников.

Сева, брат Лики, проверил мужика по имевшейся у них базе данных и немного удивился – странно, раньше этот мужик не засветился нигде на уровне лакшери и вообще был новым лицом, уж они-то с сестрицей точно знали всех бизнесменов двух столиц, располагавших состояниями от определенной цифры и выше. Проверили, посмотрели – фирма, совладельцем которой являлся этот Миронин, имела, в общем, неплохие доходы, но все же далекие от того, чтобы один из ее хозяев мог позволить себе свободно и не напрягаясь отдыхать на курортах класса лакшери, который он себе легко позволял.

Заинтересовались, предположив, что Миронин – тайный миллиардер, скрывающий свои доходы. В пользу этой версии говорило и то, что этого человека практически вообще не имелось в соцсетях, даже инфа о нем в Интернете была совсем ограничена. И это было даже круче и интересней, чем обычная охота. И отправились следом за ним на Сардинию. Следили за его перемещениями, даже в бинокль наблюдали за территорией отеля, жаль, не смогли подкупить никого из персонала, ну и так все прекрасно получилось.

– И что дальше? – спросила девушка настороженно, косясь на пистолет, закончив свой рассказ.

– Ничего. Как говорится, «наши жизненные интересы и ожидания трагически не совпали». Вещи твои я сложил, ключи от квартиры и машины, уж извини, – усмехнулся он, – я оставлю себе. Сейчас вызову тебе такси, и можешь валить куда угодно.

– Что, вот так просто меня отпустишь? – не поверила Лика, снова посмотрев на пистолет.

– А что ты хотела бы, чтобы я с тобой сделал? – оживился с интересом Игнат, но, не дождавшись от нее ответа, ответил сам: – Мне ты не интересна и не опасна. Если ты что-то хоть мимолетно упомянешь обо мне в Сети или где-нибудь еще, ну, значит, ты не настолько умная, как кажешься, и, главное, очень смелая.

– Я заинтересована в этом не меньше тебя, – поспешила уверить его Лика и пояснила: – У меня есть постоянные клиенты, которые очень серьезно охраняют свое инкогнито, и если до них дойдет или они обнаружат, что я, оказывается, болтлива... – не договорила она.

– А-а-а, – хмыкнул Игнат, – это те, которые живут в Нижнем Новгороде? Больная мама?

– Да, приходилось...

– Все, – резко поднялся со стула Миронин и распорядился: – На выход.

Подхватил ее под локоть и потащил за собой, на ходу вызывая такси по приложению в смартфоне.

Он проводил ее до машины и даже помог таксисту погрузить чемодан в багажник и постоял, засунув руки в карманы, провожая взглядом удаляющееся такси.

– И он ее отпустил? – удивился Ромка. – Просто так?

– Отпустил, – подтвердил Антон.

– А мне его даже жалко, – посочувствовала преступнику Лена. – И вроде же конспиролог и повернут на безопасности, а попался на такой дешевый трюк.

– Знаешь, – пояснила тетушка Александра, процитировав, – для людей ограниченных «за чужим забором всегда счастье». Это ведь только снизу, с подножья лестницы, кажется, что там, наверху, на Олимпе, все сияет и блестит, все боже мой как прекрасно и великолепно. А там склоки, интриги, подсиживание друг друга, грязь, разврат и предательство, порой даже за пределами цинизма. Ведь самое главное – не скопить капитал или украсть, как в случае этого Игната, а сохранить его всеми возможными способами, а в идеале и преумножить. Этот Миронин всунулся-втиснулся в эту жизнь, но никогда не был богатым. Он не проходил этапов становления, постепенно, с ростом благосостояния обучаясь и законам существования в нем. Он не жил жизнью человека с достатком долгие годы, когда это становится образом жизни, мышления, натурой, естеством. И не имел понятия про все подводные камни и проблемы этой шикарной жизни. Не понимал, что на каждого богатого мужчину есть сотни таких вот девочек-охотниц, которые сидят и поджидают у силков своих «фазанов» во всех столицах и на всех крутых курортах мира. Не знал, что трюк с велосипедом – это избитый, проверенный не единожды прием, которых имеется целый нехитрый набор. Например, «неудачно» упасть перед объектом, удариться о машину, пролить на него кофе или вино, когда кто-то, как правило соучастник, неудачно подтолкнет девушку в кафе. Любой вариант «случайного» происшествия, позволившего бы зацепить, удержать внимание мужчины хоть ненадолго, а там уж как пойдет, зависит от таланта и предприимчивости охотницы.

– Ужас какой-то, – расстроился Ромка. – Что за жизнь какая-то дикая, как в лесу?

– Это у них, – прижала к своему боку сынулю и поцеловала его в лоб Анна, – а у нас жизнь простая, честная.

– У нас вон тетушка тоже богатая, а у них там вон что творится, – пробурчал Ромка, не сильно довольный обнимашками, – вдруг и с ней что-то такое случится?

– Ну, во-первых, я не настолько богата, – успокоила его тетушка, посмеиваясь, – во-вторых, могу за себя постоять и вряд ли попадусь на

удочку какого-нибудь расчетливого альфонса, хотя зарекаться не стану, у меня все-таки период Ренессанса как-никак, мало ли... Ну, а в третьих, у меня есть вы, заступники и опора.

– Да, – согласился довольный Ромка. – Мы есть, это точно, – и спросил у Северова, слушавшего их разговор с теплой улыбкой: – И что дальше?

– А дальше, – протянул, выдержав небольшую паузу Антон, – а дальше он ее убил.

– Ка-а-ак?... – ахнули Ромка вместе с Анной и Леной в один голос, совершенно обалдев от такого поворота.

Да вот так.

Когда Игнат провожал девушку к такси, Лика, подняв голову и посмотрев на окна квартиры, из которой была выдворена, спросила не без грусти:

– И что собираешься делать с этой квартирой?

– Думаю, это тебя не касается, – не самым добрым тоном отрезал он и все же ответил: – Выставлю на продажу со всем содержимым. Сейчас соберу вещи, перевезу к себе, а завтра поговорю с риелторами.

– Я понимаю, тебе, наверное, там даже ночевать неприятно.

– Не собираюсь это проверять, – отрезал Миронин.

– Извини, – наверное, все-таки искренне повинулась девушка и призналась: – Мне было с тобой хорошо. На самом деле.

На том и расстались. Только никакие вещи Игнат собирать не стал, а отзвонился партнеру, что плохо себя чувствует и выйти на работу не сможет, уж извини, братан. Но оказалось, что сегодня уже может выйти на работу второй водитель, так что есть кому перекрыть заказы. И Игнат, съездив в винный бутик, затарился элитным испанским вином, к которому выработал вкус за последние годы, купил дорогих сыров, известной итальянской сырокопченой колбасы и вернулся назад, устроив себе проводы любви.

Но напиток до забытья ему не удался. Опыанел, да, но совсем немного – голова работала четко, не давая ни расслабиться, ни забыться – сидел в темноте у маленького столика в гостиной, освещенного лишь тусклым светом ночника, смотрел в окно на посверкивающие отблески проезжающих машин, ложившихся двигающимися полосами на потолок и стены, вспоминал, каким

безудержным, обжигаящим и прекрасным был у них секс и какая она была...

И вдруг услышал осторожный скрежет ключей в замочной скважине. В первый момент Игнат испугался, решив, что это воры, почувствовав, как обдало затылок и спину холодом, вдруг подумалось, что это Лика навела на эту квартиру каких-то бандитов, чтобы вынесли все подчистую. Тут он вспомнил о пистолете, дотянулся до пиджака, небрежно брошенного на подлокотник дивана, подтянул к себе, достал из кармана пистолет, а следом за ним выпал из внутреннего кармана конверт с собранными Ликой деньгами...

Он держал конверт в руке, смотрел, и простая истина медленно, плавно заполнила все его сознание – это она. Лика. Вернулась за деньгами. По всей видимости, она сделала дубликат ключей. Для чего или для кого? Теперь это не важно.

И от этой мысли и осознания, что это она, он сразу успокоился, выключил ночник, убрал пистолет, а конверт с деньгами кинул на журнальный столик перед собой и допил то, что оставалось, из почти пустого бокала.

Осторожно, медленно провернулся ключ в одном замке и был тихонько извлечен из него и с той же предосторожностью вставлен в верхний замок – прокрутился, открывая, и так же медленно вытащен из замковой щели. Он слышал все манипуляции и движения человека, проникшего в квартиру, услышал и узнал ее легкие, быстрые шаги, когда она прошла в спальню к встроенному шкафу, прекрасно ориентируясь в темноте. Поднялся с места, прихватив с собой конверт, и прошел следом.

Включил свет, резко ударивший обоим по глазам, но не помешавший Игнату рассмотреть тонкую фигурку Лики, стоявшую на коленях перед открытой дверкой, вытащившую наполовину нижний ящик.

– Не это ищешь? – совершенно избито по-киношному спросил Миронин, помахав конвертом.

Она испугалась. Испугалась ужасно, дернулась, развернулась всем телом и посмотрела на него затравленным взглядом. А через секунду этот испуганный взгляд сменился презрительным и спокойным. Она поднялась с колен, посмотрела на него в упор и скривилась в саркастической улыбке.

– Ты жлоб, Миронин, – произнесла Лика, надменно улыбаясь. – Такой банальный, дешевый жлоб. Вот на хрен тебе эти копейки? У тебя же миллионы, что тебе какая-то пара сотен, но ты и их нашел и забрал.

– Ты ничего не попутала, красавица? – спросил Игнат. – Как я понимаю, ты сделала дубликат ключей, проникла в чужое жилье и пытаешься меня обворовать.

– Да пошел ты на хрен, – вдруг проорала она. – Как ты достал! Любовничек! Толку от тебя что в постели, что в жизни! Смотрел на меня коровьими глазами, все удивлялся, оказывается, садомазо – это тоже кайфово, как подросток прыщавый, нормальную женщину в руках не державший!

– Заткнись! – рявкнул он.

Но Лику что-то несло, может, наболело, а может, под какими препаратами была, но она продолжила что-то нести несусветное, перешла на мат, обозвала его...

И тут он сорвался с места, схватил ее за горло, повалил на постель и принялся душить, повторяя:

– Заткнись! Заткнись! Заткнись!

Он не мог переносить и видеть, как его нежная, хрупкая девочка вдруг превратилась в матерящуюся, покрасневшую от гнева хабалку, прожженную проститутку, обливавшую его непристойностями.

И, потеряв власть над собой, потеряв разум на какое-то мгновение, он давил, и давил, и давил, пока не понял, что она не отвечает, не двигается и даже не дергается.

Медленно убрав руки с ее горла, Игнат заглянул в ее остановившиеся распахнутые глаза и со всей ясностью понял, что он ее убил.

Что ее больше нет. Она мертвая.

Миронин не обладал врожденной, глубинной мерзостью характера, «черной душой», как говорят в народе про злых людей с садистскими или криминальными наклонностями, и иммунитета к чужой насильственной смерти не имел.

Но его не ужаснуло содеянное и никакого раскаяния и страха перед тем, что он натворил, он не испытывал и смотрел совершенно равнодушно на неподвижную, мертвую девушку. В тот момент ему казалось, что он совершил акт справедливого возмездия, убив какую-

то мерзкую гадину, уничтожившую его нежную, трепетную и прекрасную Лику.

Может, это была такая защитная реакция психики, может, так ему было проще смириться с потерей любимой – бог знает и, наверное, хороший психиатр. Но совесть его несколько не мучила, даже не пованивала предательски.

Со спокойной, холодной рассудительностью он размышлял лишь о том, как избавиться от трупа таким образом, чтобы его никто не смог заподозрить в ее смерти и вообще как-то связать с исчезновением девушки.

Холивший, лелеявший и во всем потакавший своей навязчивой идее о безопасности и конспирации, помня о том, что надо как можно реже попадать в объективы видеокамер, Игнат старался воспользоваться любой возможностью, чтобы придумать и подготовить «пути к отступлению» и возможность скрытого передвижения.

На кой фиг? Ну вот бог знает. Вот на этот, например, который случился с ним в ту ночь, – убийство бывшей возлюбленной.

Кстати, очень пригодился этот его конспирологический фетиш.

В их подъезде, на первом этаже, жил милый старикан Эммануил Израилевич, «божий одуван» лет девяноста. Нет-нет, не одинокий и покинутый, родни у него имелось в достатке, но жить Эммануил Израилевич предпочитал один, правда, под присмотром и уходом приходящей домработницы. И к постели он не был прикован болезнями, хотя болячек у него наверняка хватало, он дедок был вполне себе бодрый и энергичный.

Главные достоинства, которыми тот обладал с точки зрения Игната, – это прекрасный крепкий сон, невзирая на возраст, и практически полная глухота, компенсируемая слуховым аппаратом, который тот снимал на ночь.

Еще одним несомненным достоинством, но не самого Эммануила Израилевича, а его квартиры являлись окна, выходящие на крошечный палисадник внутреннего дворика, не защищенные решетками или какими-то иными системами безопасности, – просто окна. Причина такой беспечности проста – абсолютно всем в доме и в районе было известно, что у дедульки в квартире нет совершенно ничего ценного, даже документов, что все ценности хранились у его

детей и внуков, оберегавших своего патриарха таким образом от всякого рода мошенников и грабителей.

Игнат познакомился и подружился с дедком во время вынужденного карантина, пару раз помогая по-соседски его родным, доставив продукты и так, по мелочи, сразу же сообразив, как можно использовать причуды и особенности безобидного старикана. И смог сделать дубликаты ключей к его квартире и даже проверить этот «выход» из дома лично.

Пройдя этим путем – через квартиру и окно беззаботно дрыхнувшего Израилевича, – Игнат и «эвакуировал» тело девушки. Он совершенно точно знал, что во внутреннем дворике нет ни одной камеры наблюдения, давно позаботившись об этом обстоятельстве, поэтому достаточно спокойно, без суеты и торопливости, перетащил завернутое в одеяло тело через окно. Прошел к своей машине, которую всегда ставил только здесь, во внутреннем дворе, по той же причине – отсутствие видеонаблюдения. Завел на малых оборотах совсем тихо мотор, сдал назад, упершись багажником в самый полисадничек, и перенес тело в багажник.

Так же тихо отъехал и поставил машину на ее привычное место.

И тем же путем – через окно, которое не забыл закрыть, и квартиру старичка – вернулся к себе. Он нисколько не волновался, что приход Лики могли зафиксировать все те же вездесущие камеры наблюдения, уверенный на сто процентов, что она прошла через черный ход, на котором он давно уже вывел видеокамеру из строя и регулярно проверял ее неработоспособность, и Лика об этом прекрасно знала.

Хуже всего обстояли дела с ее телефоном, по которому полиция могла вычислить передвижения девушки по городу, но оказалось, что «на дело» она не взяла ни один из двух своих аппаратов, видимо, из тех же опасений – он же ей рассказывал в подробностях про отслеживание человека по смартфону, даже выключенному. Вот она и подстраховалась.

Или имелась для этого иная причина – не важно, главное, она существенно облегчила ему задачу.

И с чувством освобождения от душевной муки Миронин благополучно допил початую бутылку вина и лег спать. А

проснувшись утром, позавтракав, в прекрасном расположении духа сел за руль подаренной Лике машины и перегнал ее в гараж их фирмы.

Пообщался с партнером, пожаловался на разрыв и расставание с любимой и на то, что напился по этому поводу вдрызг и ужасно себя чувствует, и уведомил, что собирается на недельку уехать в «Озерное».

Вернулся в квартиру, вызвал слесаря, который поменял замки в стальной двери, после чего собрал все свои немногочисленные вещи, перекрыл воду и газ, опустошил холодильник, выдернул из розеток все электрические вилки и уехал в свою квартиру уже на своей машине.

Ночью его спокойный глубокий сон не тревожили мысли о том, что в багажнике машины вот уж второй день лежит труп его бывшей возлюбленной. На следующее утро, не мучаясь никакими дребезжаниями совести и рефлексией, забросил в багажник рядом с уже остывшим телом штык-лопатку, которую держал дома для каких-то одному ему известных целей, хотя, когда имеешь загородный участок и сдвиг на конспирологии, много чего может понадобиться, и штык-лопатка не последняя вещь в этом списке.

И спокойно, никуда не спеша, поехал в «Озерное», совершенно не опасаясь, что его может остановить патруль ГИБДД и проверить багажник. По пути Игнат свернул на проселочную дорогу, отъехав от трассы буквально метров на двести, и, заехав в кусты, остановился. Взвалил на себя труп и отнес подальше, метров на триста, присматривая удобное место. Нашел небольшую выемку, образовавшуюся выворотнем корня упавшего лет десять тому назад дерева, успевшего сгнить в довольно буреломном, явно нехоженном месте, где и закопал тело Лики.

А приехав в «Озерное», изобразил перед матушкой, что у него страшное расстройство желудка, пожаловавшись, что даже пришлось останавливаться по дороге и сидеть под кустами. Подстраховался, соорудив себе алиби.

– Но как же так? – расстроился Ромка. – Зачем он ее убил? Он же ее отпустил. И все у него было бы хорошо, был бы как Монте-Кристо со своими деньгами, жил бы себе спокойно. Нашел бы другую девушку, если ему так уж надо было. А теперь он убийца.

– Потому что это не няшное зло, Рома, – попыталась объяснить парню Александра Юрьевна. – И не ужастик или кровавый детектив, который смотришь темной ночью на диване с какой-нибудь

успокоительной вкусняшкой в потной ручке, чтобы обязательно было страшно, но безопасно. Это реальная жизнь, где все натурально, в которой смерть – это смерть, без запасной жизни, в которой по-настоящему больно, страшно и ужасно несправедливо и все по-честному. В которой этот недоделанный Монте-Кристо стрелял и чуть не убил твою мать. Вот так, Ром, – вздохнула она.

– Но в чем-то ты прав, Роман, – подбодрил насупившегося и окончательно расстроенного теткой отповедью мальчишку Северов. – Скорее всего, он не стал бы убийцей и так и продолжал бы спокойно сидеть на своей «золотой горе» и жил бы дальше, может, действительно встретил какую-то другую девушку и все бы у него срослось замечательно. Если бы Лика не вернулась за деньгами.

– А зачем она вернулась? – возмутился немного обиженно Ромка. – Он же ее отпустил, и даже все вещи и подарки ей отдал, и не собирался ей мстить. Ведь правда не собирался?

– Правда не собирался. Игнат хотел только одного: поскорей забыть о ней, пережить эту душевную боль и жить дальше. Но она не могла оставить деньги, не могла, и все. Для нее это когнитивный диссонанс, все равно что пойти против своей натуры. Расчетливая, развращенная, циничная, в чем-то очень хитрая, но, по сути, глупая в своей патологической жадности девица, одержимая страстью к вещизму, для которой засахаренный глянecь – практически библия ее верования. Мечтавшая до дрожи о шикарной жизни, роскоши, о богатстве, желая получить все, сразу и много, не гнушаясь ради этой цели ничем.

– Нельзя играть с человеком в сердечные игры, – внесла и Анна свою лепту в оценку ситуации, подхватив эстафету у Северова: – Это губительно для того, кто играет, и того, кто любит. И всегда несет отчаянную расплату. Всегда.

– Гибельная любовь, – вздохнула Лена.

– Ладно, считайте, что вы все объяснили, – вздохнул недовольно Ромка. – Я понял, что Лика эта сама виновата, что погибла.

– Не совсем так, – усмехнулся его воинственно-нахохленному виду Северов. – Ты же, если ужасно разозлишься на кого-то, даже если тебя очень сильно и несправедливо обидели, не кидаешься колотить того человека и не мечтаешь его убить. Потому что умеешь справляться со своими эмоциями, умеешь здраво мыслить и

понимаешь, что, как бы обидно ни было, это не повод к ненависти и желанию уничтожить другого человека. Есть определенная грань, которую нельзя переступать, нельзя, и все. Он взрослый, адекватный человек, он не находился в смертельной опасности, к нему не применяли непереносимые физические пытки и тяжелое психологическое воздействие. Его не ограбили, смертельно не угрожали его родным и близким, не свели с ума страшной гибелью любимых людей. Да, он испытывал глубокие душевные переживания, но он соображал, что делает, и обязан был остановиться как в моральном, так и в чисто физическом, человеческом плане, не имея права переступать эту грань и убивать. К тому же это первое убийство девушки вынудило его совершить два последующих и попытаться убить Анну.

– Почему? Кто ему был этот ваш найденный труп? – снова загорелся интересом Ромка к самому детективу, а не к моральям, которые следует вынести из него, которые ему тут усиленно втолковывали всем скопом взрослые.

– Ему он был никто, – прекрасно понял его Северов, – а вот Лике...

Алиби с расстройством желудка Миронину не понадобилось, поскольку полиция к нему не обращалась и по поводу пропавшей девушки не беспокоила, да и никто иной вопросов о Лике не задавал.

Почему? Даже странно. Но эта странность вскоре выяснилась, когда где-то через неделю ему на смартфон пришло сообщение с телефона Лики: «Позвони».

Звонить Игнат не стал, сразу же смекнув, кому захотелось с ним поговорить. Но настойчивый абонент позвонил сам с того же телефона девушки – Миронин не ответил и на этот раз. Тогда на его электронку пришло сообщение с электронной почты Лики:

«Нам надо поговорить».

«Нам не о чем больше разговаривать», – ответил Миронин.

«Поверь, – написали ему, – есть о чем».

Но он отвечать не стал. И вот тогда позвонили на телефон Софьи Игнатьевны. Ничего не подозревавшая женщина ответила на звонок, выслушала, что ей говорят, и передала трубку сыну.

– Очень странно, но просят тебя, говорят, что по очень важному делу.

Игнат трубку взял, и приятный, насыщенный мужской баритон, представившись братом Лики, объяснил ему, что у него имеются документы, доказывающие, при помощи каких незаконных сделок Миронин получил свои капиталы. И некая видеозапись, из которой становится понятным, куда делась известная ему девушка. Все это был блеф чистой воды, и Игнат это прекрасно понимал, но решил, что нет смысла игнорировать и оставлять шантажиста, что называется, «на хвосте», прекрасно отдавая себе отчет, что тот не угомонится и будет его всячески доставать. К тому же у него имелись претензии к брату и соучастнику Лики.

– Хорошо, – согласился Игнат. – Давайте встретимся. Только на моих условиях.

Собеседник начал препираться, выставляя свои требования, угрожать, настаивая на том, что место и время встречи назначит сам. Тогда Миронин высказался в том ключе, что, мол, ну и на хрен тебя со всеми твоими доказательствами – можешь отнести их в полицию. И послал нецензурно.

Абонент забеспокоился, почувствовав, что «клиент» срывается с крючка, и принял предложение Игната встретиться на рассвете на тропе, ведущей из поселка, в километре от калитки забора за скалой на южной стороне.

– Не заблудитесь? – усмехнулся Миронин.

– Найду, – пробурчал шантажист.

А Игнат отправился «подготовить» место встречи. Первым делом решив позаботиться о камерах наблюдения на периметре забора и калитке. Путь от своего дома до леса что на северную сторону, что на южную, практически не попадая в обзоры камер на заборах и домах соседей, Игнат разработал уже давно и пользовался им достаточно часто.

А вот видеонаблюдение на опоясывающем поселок заборе не трогал, наоборот, только приветствовал столь высокую степень охраны «Озерного». Но вот понадобилось временно вывести из строя кое-какие из них. Но, обследовав калитку на южной стороне и часть забора от нее в обе стороны, Миронин удивился, обнаружив, что кто-то до него уже «поработал» с камерами: какие-то отвернув таким образом, чтобы те показывали непонятный и никому не нужный кусок леса с

небом, а у той, что находилась непосредственно над самой калиткой, так и вовсе варварским образом выдернули кабель.

Впрочем, он не сильно-то и удивился. Тут как-то на днях, засидевшись на вечерней рыбалке, на которой опробовал способ ловли на луч фонарика, он что-то увлекся и, возвращаясь совсем уж поздней ночью, неожиданно узнал много нового о ночной, тайной жизни их тишайшего поселка, услышав характерные, совершенно однозначно трактуемые звуки и стоны, доносившиеся из лодочного сарая одного из жителей. Видимо, и об этих камерах позаботились какие-то любовники, наверняка бегая на тайные свидания на дальнее озеро. Но все же ради окончательной проверки он навестил охранников на въезде под каким-то благовидным предлогом и, пока разговаривал, успел заметить в картинке на мониторе, разбитой на квадраты, одно темное окно и два смотрящих бог знает куда.

Ну и ладно – как говорится, нашим легче.

И совсем ранним утром спокойно и неспешно Миронин отправился на встречу с шантажистом на велосипеде, прихватив с собой мешок, большой кусок полиэтилена и пистолет.

Он прекрасно понимал, что, отделенный скалой, в этой низине разносящийся звук выстрелов не будет слышен в спящем поселке, а он совершенно определенно собирался стрелять.

В лесу было поразительно тихо. Настолько тихо, что звук, издаваемый его велосипедом, казался неуместно грохочущим. И, интуитивно стараясь уменьшить этот металлический скрип, Игнат слез с велосипеда и повел его, придерживая за руль. На условленном месте никого не было, но Миронин точно знал, что этот придурок Сева, как называла Барковца Лика, точно здесь.

– Так, либо вы выходите, либо я уйду, – проговорил он и наклонился к велосипеду, демонстрируя, что собирается его развернуть.

– Стойте на месте, – шагнул из-за сосны Барковец, направляя на Игната пистолет. – И лучше не шевелитесь, – порекомендовал он.

Миронин же, ничего не ответив, просто выстрелил дважды в грудь шантажиста из своего пистолета, который достал, когда наклонился к велосипеду. Это только в кинематографических фильмах, прежде чем выстрелить, антигерой начинает что-то там пояснять, высказываться, торжествовать победу, в реале же, если кто-то решил

стрелять и убивать, он стреляет и убивает сразу. А после может и поговорить.

Игнат говорить не стал, а, тихонько насвистывая какой-то мотивчик себе под нос, проверил пульс на сонной артерии Барковца, удостоверился, что тот мертв, постелил рядом с ним полиэтиленовую пленку, перекатил на нее тело, положил велосипед и, закатив завернутый труп на его раму, поднатужился, поднял свой агрегат и повел его к яме у вывороченного корня. Точно зная, что никому та яма не сдалась сто лет, что никто к ней не ходит, даже грибники. Всем известно, что в этой части леса почему-то нет грибов, а если и бывают в какие-то года, то совсем мало, единицы. Дети в лесу не бегают и не шастают, тут же не село какое простецкое, а детям из «Озерного» есть где бегать и играть кроме леса.

К тому же он не собирался оставлять тело надолго, рассчитывая закопать его следующей ночью. Сейчас было бы опасно – уже светало, лес просматривался насквозь, да и мало ли кого принесет, поостерегся Игнат. Закидав труп лапником, он сел на велосипед и, дав большой круг, по тропинкам объехал поселок кругом, переехав дорогу вдалеке от пункта охраны, проехал на северную сторону, набрал мешок шишек для камина и мангала и вернулся в поселок через северную калитку уж ближе к полудню.

– А Алевтину Степановну он убил? – спросил Ромка.

– Он, – подтвердил Антон.

– Потому что она его видела? – догадался пацан и развил свою догадку: – Это она испортила камеры, да?

– Совершенно верно.

– Потому что ходила на хутор к внуку, да? – с удовольствием высказывал свои догадки Ромка. – И она что-то видела и догадалась и стала его шантажировать, – сделал следующий вывод довольный своей сообразительностью пацан.

– Именно. Из-за любопытства Анны и провалившейся конспиративной лежки внука на хуторе ей пришлось прятать Виталика в доме у зятя. И ей понадобились деньги. Большие деньги, чтобы надежно спрятать внука и, может, сделать ему новые документы и обеспечить жизнь.

Под самое утро Алевтина Степановна побежала на хутор, отнести внуку еду, чистые вещи, белье и полностью заряженный айфон со

скачанными в него новыми фильмами, которые заказывал ей Виталик.

Она услышала выстрелы и сразу поняла, что это именно выстрелы какого-то огнестрельного оружия. Испугалась, что внуку может грозить непонятная опасность, и побежала туда, откуда они раздались, узнать, что происходит. Основное действие она пропустила, но, прячась за сосной, отчетливо видела, как из ямы выбрался Игнат, отряхнулся и, что-то насвистывая, повозился вокруг ямы, что-то делая, она не разглядела издали, после чего сел на велосипед и уехал в сторону дальнего озера. К яме она подошла, но вниз не полезла, присмотрелась, но, кроме свежего лапника, так ничего и не заметила.

Заметить-то не заметила, но заподозрила неладное. А уж когда стало известно, что в лесу нашли труп, ей стало совершенно очевидно, кто убил того неизвестного.

Вообще Алевтина Степановна была достаточно решительная и бесстрашная женщина. Отправиться открыто и спокойно в гости к убийце и начать того шантажировать – это, прямо скажем, надо иметь крепкие, крученные нервы. Но не очень много ума и дальновидности.

Но ее поджимала ситуация – Виталика требовалось срочно спасти.

Миронин, понятное дело, напрягся, когда она заявила и выложила все как есть, потребовав за свое молчание пять миллионов рублей. Но очень быстро пришедший в себя Игнат посмеялся – мол, где же я возьму такие деньги за один день? Могу лишь съездить в райцентр и снять с карточек все, что на них есть: что-то около миллиона, может, чуть больше.

Хорошо, согласилась, подумав, женщина, сегодня ты отдаешь этот миллион, а через неделю остальные четыре. На том и разошлись, договорившись встретиться в полночь на дальнем лодочном пирсе у его лодки.

– Нет, – не соглашалась сразу на такое randevu Алевтина. – Место уединенное, так поздно там никого нет. Еще удумаешь тюкнуть меня чем-то, и концы в воду. Лучше подходи к задней калитке нашего дома, там буду ждать.

– Нет, – отказался Игнат, – так не пойдет. Камеры по всему поселку, случись чего, вы ли проболтаетесь или внука вашего найдут, проверят записи, увидят нас вместе. Нет, – повторил он. – У лодки

самое подходящее. Мало ли что мне там понадобилось, никто ничего не заподозрит.

И как-то так продавил эту железную бабу, что она согласилась. Почему киношно в полночь на причале? В полночь – потому что в поселке народ рано ложился спать, перестраиваясь на природные ритмы, отдыхая от привычной городской ночной жизни, и к двенадцати ночи, как правило, в «Озерном» наступали тишина и покой. А лодочный причал – потому что это единственный объект в поселке, который не оснащен камерами наблюдения, даже причал Северова находился под наблюдением, а этот нет.

Алевтина Степановна, понятное дело, побаивалась прилично и Миронину не доверяла ни на грамм, но выхода у нее не было. И, прихватив с собой пистолет зятя, что вытащила из оружейного сейфа, серьезно сторожась и оглядываясь по сторонам, она с опаской вышла на причал, ожидая Игната. А он поджидал ее, спрятавшись на своей лодке под куском брезента, босиком и с молотком каменщика, имеющим один заостренный, заточенный край.

Естественно, что женщина и предположить не могла, что опасность может возникнуть сзади, со стороны озера. И стояла недалеко от лодки Миронина, напряженно всматриваясь в берег. А тот просто тихо шагнул из лодки на причал и стукнул ее по затылку молотком.

Но ему не повезло. Женщину-то он убил сразу, но она, качнувшись, по инерции завершая шаг, свалилась в воду и сразу же ушла на дно.

Вот это в его планы не входило. Миронин собирался затолкать ее в лодку и отвезти подальше в озеро и, привязав груз к ногам, как говорится, прижать к воде. Но выудить ее сейчас из озера не представлялось никакой возможности – глубина тут начиналась сразу у берега, по этой причине тут и поставили причал. Пришлось смириться с таким исходом.

Когда Алевтину обнаружили и следствие, получившее новый толчок и разрешение сверху, тщательно проверило камеры наблюдения и обнаружило факт прихода Алевтины к Миронину, полицейские пришли к тому с вопросами. А он очень легко отбрехался, мол, да, приходила соседка, они очень сдружились с его мамой за время, пока она тут проживала несколько месяцев. Пришла взволнованная,

спрашивала, когда мама Игната вернется, говорила, что ей срочно надо с ней поговорить о чем-то важном. Но Софья Игнатьевна еще три дня назад уехала в Москву и возвращаться пока не собиралась. Он посоветовал соседке позвонить маме, но та сказала, что дело деликатное и по телефону его не стоит обсуждать. Он предложил свою помощь, она отказалась и ушла. Все невинно и дружески, по-соседски.

– А почему он стрелял в маму? – задал следующий важный вопрос Ромка. – Она ж его не шантажировала и вообще знать не знала. Правда, мам?

– Нет, не знала, – покивала Аня. – Я его даже не видела никогда.

– Тут история особая, – объяснил Антон. – Наша Бибиси откуда-то прознала, что Анна нашла убитого еще живым. Откуда? Бог знает, наверное, проболтался кто-то из первой следственной бригады. Она прибежала с расспросами к Александре Юрьевне, та ее отшила в мягкой форме, бабка обиделась, решила, что тетушка, защищая свою племянницу, скрывает правду. И понесла по поселку сплетню, что Анна не только нашла Барковца живым, но что он сказал ей перед смертью имя своего убийцы. Фантазия у Степаниды Ивановны буйная, энергия кипучая, носилась она по поселку и беседовала со всеми, кто проявлял интерес к этому вопросу. А проявляли многие, в том числе и Миронин. Он Бибиси порасспросил, поохал, поудивлялся, повозмушался, соглашаясь с информагентством на предмет, что это неправильно – скрывать такую информацию, и наметился убрать Анну. О том, что она любит утром ездить через лес на дальнее озеро, знали многие, да и Бибиси ему об этом напомнила. Он просто залег с биноклем наверху скалы, дождался ее выезда и побежал вперед по тропе, устроив засаду там, оттуда бы до поселка не долетели звуки выстрелов.

– Ну, с... – оборвала себя Александра Юрьевна, вспомнив про присутствие несовершеннолетнего ребенка, – ... коза старая, я ей устрою. Вылетит у меня из «Озерного» на хрен.

– Да ладно, тетушка, – примирительно отмахнулась Анна. – Бог бы с ней. Если бы не Бибиси, то этого Миронина, может, и не задержали бы. А так его разоблачил и поймал Антон. И справедливость восторжествовала.

– Охо-хо, – вздохнула безнадежно Александра Юрьевна и спросила у Северова: – Когда вы там свадьбу наметили?

– Надеюсь, на следующей неделе, – пряча улыбку, ответил тот, понимая, на что намекает Александра Юрьевна.

– Вот и прекрасно, а то с ее всепрощенческой благостью пропадет без присмотра, – и попеняла: – Анна, ну нельзя же быть такой блаженной. Если оставить безнаказанным этот факт, то в следующий раз эта курица безмозглая опорочит кого-нибудь или такого наболтает, что не разгребешь. И я не столь светла, чтобы просто спускать такие дела. И если кто-то задевает моих родных, он всегда получит жесткую, как нынче говорят, ответку. Всегда, – повторила, подчеркнув интонацией это слово.

– А что, на самом деле, его бы не разоблачили, если бы Антон Валерьевич его бы не поймал? – разрядил обстановку вопросом Ромка.

– А действительно, – подхватила мысль сына Анна и посмотрела на Северова. – Ты знал, что убийца он, или понял это, только когда его обезвредил?

– К тому времени где-то на девяносто пять процентов я был уверен, что наш преступник – это Игнат Миронин. Так что я полностью солидарен с Александрой Юрьевной, прощать и спускать такие вещи, как сплетня, которая чуть не стоила тебе жизни, нельзя.

– Подождите, – остановил его Ромка, – а как вы догадались, кто убийца?

– Когда мы с Анной ждали прибытия полиции у ямы, я внимательно осмотрел место убийства и кое-что обнаружил. Например, следы от шин велосипеда, но не Анны, а совсем другого, большую часть которых попытались скрыть, где-то затерев, а где-то забросав хвоей, и еще пару отпечатков от кроссовка сорок четвертого размера, которые преступник также пытался уничтожить. Я указал на эти следы прибывшей бригаде и самому Крапко, но тот, по всей видимости, проигнорировал эти детали. После того как обнаружили и допросили Виталика, я зашел к майору Маркову и повторил ему все, что рассказал прежнему следователю, и спросил, в день убийства ездил ли кто-нибудь утром на велосипеде, кроме Анны. И, просмотрев свои записи по делу, тот вспомнил, что действительно две камеры зафиксировали такого человека, лишь мелькнувшего на экране. Но идентифицировать в нем Игната вполне было возможно. И тот факт, что Игнат был единственным соседом, с которым беседовала Алевтина Степановна в день своей смерти, дополнил картину. Маркову хоть и не

позволяли нормально работать, но следовательно он толковый и дотошный и принялся выстраивать версию, не проигнорировав мои наблюдения, а начав их перепроверять.

– И это ничего бы не дало, – заметила Александра Юрьевна. – Этот Игнат на самом деле хорошо подстраховался. Ему совершенно нечего было бы всерьез инкриминировать. Нет мотива. Даже если бы полиция связала пропавшую девушку с ним, насколько я понимаю, ее родные и, в частности, этот братец не подали заявление в полицию о ее исчезновении. А следы велосипеда? – она пожала плечами. – Так и что, человек – житель поселка и мог хоть каждый день там кататься, а накануне собирал там, не знаю, шишки, ветки, по нужде отошел с тропинки. Версия с возникшим желанием Алевтины пообщаться с его мамой накануне собственной гибели – вполне себе рабочая и весомая. Так что, если бы не вы, Антон, никто бы этого Миронина не задержал и ничего бы на него не нашли и не доказали.

– Согласен. Да меня мало волнует, что доказала бы полиция, а что нет. Если бы он не напал на Анну, я бы его, пожалуй, убрал из поселка, причем вполне мирно, просто чтобы не отсвечивал тут. Не мое дело – преступников ловить и уж тем более искать доказательства их преступлений. Но он пытался убить Анну, а это все меняет. Поэтому мы имеем его чистосердечное и полное признание. Хотя о своем капитале он мог бы легко ничего не рассказывать, как и об убийстве девушки. Обошелся бы тем, что его шантажировал этот придурок, вымогая деньги, придумав любой повод для шантажа. Ну, покался бы, что нервы сдали и все такое, а потом и Алевтина, видевшая его на месте преступления, и нападение на Анну туда же. И все. Отсидел бы срок, но остался бы при своих.

– То есть вы ему все-таки помогли признаться? – ухмыльнулась Александра Юрьевна.

– Скажем так, – усмехнулся, обменявшись с женщиной быстрым взглядом, Северов: – У человека наболело на душе конкретно, и ему очень хотелось выговориться, я лишь совсем немного помог, и он почти добровольно сдал всю информацию.

– Так вы его что, все-таки пытали? – расширились у Ромки глаза от такого страшного предположения.

– Ну что ты, Рома, я большой приверженец международной конвенции о правах человека и неприкосновенности его личности. Я

просто посидел рядом, задал несколько наводящих вопросов, можно сказать, вскрыл нарыв души. А дальше он уж сам с большим энтузиазмом принялся изливать ту самую свою намозоленную душу.

– И что с ним теперь будет? – Ромка вдруг осознал, что детектив, оказывается, закончился. – Деньги у него отберут?

– Деньги у него отберут, – подтвердил Северов. – Потому что хоть вор у вора и украл, но это не отменяет их криминальную составляющую. Осудят и дадут приличный срок.

– И что дальше? – не мог смириться с тем, что история закончилась, Ромка.

– А дальше, – посмотрел на него весело Антон, – завтра ранним утром мы с тобой едем на рыбалку. Если твоя мама захочет, то тоже присоединится к нам. А вечером мы уедем в Питер, чтобы подготовиться к свадьбе с твоей мамой, поскольку через десять дней я выхожу на службу и у меня не будет времени и возможности для этого мероприятия в ближайшие несколько месяцев.

– А мы поможем, – с большим энтузиазмом поддержала Северова Александра Юрьевна, уведолив родню: – Нам с Леной тоже пора уезжать, мне, например, надо выходить на службу уже через неделю, и за это время я намерена успеть отдать племянницу замуж самым прекрасным образом.

– Скромно, – озвучила Анна свои пожелания. – Тихо. Никакого пафоса. Только родные и близкие люди.

– Будет тебе тихо и благородно, – пообещала Александра Юрьевна.

– Так что, – загрустил Ромка, – получается, что все закончилось? И лето, и детектив?

– Лето и детектив закончились, – подтвердил Северов. – Но начинается что-то новое, Роман. Все только начинается.

Эпилог

Все-таки зима в доме над озером – это какое-то волшебное ощущение, а пейзаж прямо сказочный, думала Анна, стоя у большого панорамного окна, из которого открывался потрясающий вид на замерзшее, занесенное снегом озеро.

– Так, – вошел в дом через веранду рядом с застывшей у окна Анной Северов. – Я принес целую корзину шишек, как ты просила. В подвале осталось еще корзины на три, не больше.

Тряхнул он плетеной широкой корзиной, со дна которой тут же отвалились пласты снега, и, протопав к камину, оставляя за собой на золотистых досках паркета снежно-мокрые следы от коротких валенок, поставил плетенку у камина.

– Мне надо с тобой поговорить, – повернулась от окна, посмотрев на мужа, Анна.

– Жуткая фраза, – пожаловался Северов, снимая валенки и задвигая их в угол за камин. – Сразу же начинаешь судорожно вспоминать, где накосячил, и напрягаешься, ожидая любой гадости.

– Ну почему гадости, – рассмеялась Анюта, подошла и обняла мужа за талию двумя руками, – может, как раз наоборот, тебе хотят сказать что-то очень хорошее.

– Когда хотят сказать что-то хорошее, – обнял он рукой ее за плечи, объясняя, – говорят, например: «Мне надо сообщить тебе замечательную новость» или «У меня для тебя потрясающая новость».

– У меня для тебя потрясающая новость, которую мне надо тебе сообщить, – рассмеялась Анна и сообщила то, что и собиралась: – Я беременна, то есть жду ребенка.

У Северова в момент растворилась улыбка и лицо его сделалось напряженным и непроницаемо-серьезным. Наверное, с полминуты он смотрел на жену непонятым, нечитаемым напряженным взглядом, а потом высвободился из ее рук и ушел, не сказав ни слова, не произнеся ни звука. Просто взял и ушел. Молча.

– И как это понимать? – недоуменно спросила Аня, растерянно глядя в удаляющуюся спину мужа, поднимавшегося по лестнице на второй этаж.

Северов прошел в свой кабинет, сел за стол, автоматически посмотрел на монитор, не поняв ничего из увиденной и прочитанной на экране информации, резко поднялся, прошелся по комнате и замер, остановившись у окна.

Он сталкивался с совершенно нечеловеческими вещами, которые люди вытворяли с другими людьми, и ему приходилось видеть жуткие, дикие смерти детей и еще более жуткие жизни этих детей. И как любой нормальный человек, как мужчина, он проецировал порой эти ужасы на себя, на свою жизнь и думал, что, наверное, это хорошо, что у него нет детей, что даже на сотую долю процента не может возникнуть в жизни его нерожденных малышей возможность такого вот кошмара.

Как говорится в известном восточном изречении, которое он недавно вспоминал: «Память – дар богов, а забвение – милость». Да, но и память имеет свойство терять болезненную остроту виденных и пережитых бесчеловечных ужасов войны и геноцида. Разумеется, Антон думал о нормальной семье и хотел ее, но в какой-то момент просто принял для себя тот факт, что у него вот нет семьи и, наверное, уже никогда не будет, как и детей, – все-таки, когда тебе под полтинник, это как-то перестает быть ожидаемым, что ли.

Он настолько свыкся, сжился с восприятием своей жизни в этих обстоятельствах, что почему-то его даже не посетила мысль о том, что вполне реально и более чем возможно у них с Анной может появиться ребенок.

Он вдруг вспомнил их разговор с Ромкой.

Мальчик пришел к нему в кабинет питерской квартиры, в которой они втроем вполне уютно разместились после свадьбы, и предупредил с порога, что у него к Антону серьезный разговор и непростые вопросы. И первым делом признался:

– Я тут понял, что мне хочется называть вас папой. «Дядь Антон» мне как-то не очень нравится и не катит. Но прямо сразу перейти на «ты и папа» я, наверное, не смогу, надо будет сначала привыкнуть, – и поправился: – Конечно, если вы не против.

Антон встал, обнял и прижал к себе пацана, переживая внутри такие непередаваемые, мощные эмоции, от которых в горле комком встали слезы, перехватывая дыхание. Как всегда это было у Северова, в его жизни, в его характере, в его сути – он либо чувствовал, что это

его человек, сразу, либо чувствовал, что не его, и тогда уж, как ни старайся, никакого душевного контакта не получится.

Со всей очевидностью, с первого же дня, с первого их разговора, Северов чувствовал и знал, что Ромка его человек – вот так сразу и без каких-либо компромиссов и сомнений и необходимости присматриваться, что-то там «пожить-увидеть». Его парень.

Он прекрасно отдавал себе отчет, что мальчику-подростку столь серьезные перемены в жизни, как приход в нее другого, незнакомого, по сути, человека, мужчины, – очень непростое испытание, и надо как-то осторожно, чтобы и не пережать авторитетом, и в то же время не дать слишком большой слабину, расхолаживая пацана.

Антон был потрясен мужеством мальчишки, который не побоялся, не стусебался пойти на серьезный, открытый разговор. Ромка доверил Северову свои самые сокровенные переживания. Он делился своими размышлениями о том, почему его биологическая мать не рассказала его биологическому отцу о нем, что он, такой негодный, что ли? Признался, что выпытал у Анны, кем именно является его отец, и нашел того в соцсетях и приходил к больнице, где тот нынче работает, узнал в приемной, когда у этого доктора заканчивается смена, и ждал, спрятавшись за колонной. И смотрел, когда этот мужчина вышел с девушкой какой-то из дверей, и даже недолго шел за ними сзади. Но даже не подумал подходить.

– Тебе кажется, что твоя мама отказалась от тебя и даже не стала говорить твоему отцу о твоём рождении, потому что ты какой-то не такой? Как ты сказал, негодный? – помог Антон сформулировать парню мучивший его вопрос.

Вопрос, который донимает и изводит каждого брошенного ребенка. Каждого.

– Да, – покивал Ромка, отводя взгляд в сторону.

– А как ты считаешь, Анята наша – она плохая какая-то, ненужная и никудышная? – задал наводящий вопрос Антон.

– Я понял, – снова посмотрел на него Ромка. – Лучше мамы Ани вообще никого нет. Еще тетушка Александра такая же. А мама и от Ани отказалась, а она у нас одна.

– Вот именно, – кивнул одобрительно Антон. – Не в Анечке и не в тебе дело, Ром. Дело в вашей маме, которая в силу особенностей своей психики и простого человеческого эгоизма не умеет быть матерью. Вот

такой человек, понимаешь. Не хороший и не плохой, просто такой. При этом и ты, и Аня знаете, что она вас любит как умеет, в основном на расстоянии. Спорная, конечно, любовь, но вот такая. У Ани-то побольше поводов почувствовать себя никчемной было, ее и отец, которого она знает, считай что бросил.

Они тогда о многом поговорили и многое обсудили. Это был их первый, такой хороший мужской разговор об отцах и детях, о семье, о матерях и о непростой мужской жизни и ответственности, которую берет на себя настоящий мужчина. Анна несколько раз заглядывала к ним, но, обменявшись взглядом с Антоном, тихо исчезала, не задав ни одного вопроса.

– Я могу узнать о твоём отце всю информацию. Узнать, хороший ли он человек. И если ты захочешь, могу с ним поговорить или отвезти тебя к нему и представить, – предложил Антон в конце разговора.

Ромка надолго задумался, нахмутив брови, что-то там прокручивая в мыслях, поразмышлял и отказался.

– Нет. Сейчас не надо. Может, когда-нибудь потом. Мне сейчас важнее и интересней с вами. Вы меня понимаете и по-настоящему слышите, что я говорю. И... мне кажется, что уважаете меня. А это очень важно. И я вами горжусь, что ли. Наверное, так.

– А я горжусь тобой, – заверил торжественно ребенка Антон и, не удержавшись, притянул к себе и обнял. – Ты даже не представляешь, как я горжусь тобой. Ты большой молодец, Ромыч. Очень редкие мальчишки в твоём возрасте имеют мужество откровенно признаваться в своих проблемах и задавать честные вопросы. Ты у нас из смелых.

Наверное, ко всем по-разному приходит ощущение отцовства, Северову вот пришло именно в тот момент, когда он обнимал этого мальчика, решившегося доверить свои тайны, переживания и вопросы, по сути, не очень знакомому ему мужчине, поверив тому и интуитивно признав, почувствовав близким человеком.

Это дорогого стоило. Дорогого.

И пусть Антон еще до конца, в полной, объемной мере не ощутил своего отцовства с Ромкой, но это был его родной, любимый и самый близкий пацан, он не сомневался, что полнота этого понимания еще придет, обязательно.

И сдвиги в этом направлении у них уже огромные. Хоть Ромка и сомневался, что сможет сразу переключиться на обращение «папа» и

«ты» по отношению к Антону, но, на удивление, он довольно быстро освоился с такой формой общения. И каждый раз, когда звал Антона «папа», у того что-то теплело в груди, подкатывая слезами. Антон обратил внимание, что Ромка перестал и к Анне обращаться по имени – только мама.

Северов понимал, чем обусловлены эти перемены: у мальчишки появилось то, чего не было никогда, и о чем он, видимо, неосознанно мечтал, чего так хотел – настоящей семьи: папа, мама и он. И от понимания этого снова прихватывало в груди и радостью, и болью за этого замечательного мальчишку, до слезы, которую приходилось сдерживать. Таким вот стал чувствительным.

И тут вдруг Анна с этой новостью. Она ждет ребенка!

Господи боже, и что?... Он будет настоящим во всех отношениях отцом? Не просто взрослого почти мальчишки, любимого, понятного и родного, а маленького младенца? То есть сначала у нее начнет расти живот, а потом родится крошечный человечек? Его ребенок?

И тут Северова накрыло по полной, да так, что он дышать перестал, сердце вдруг бабахнуло. Он будет ОТЦОМ. У них с Анной будет ребенок.

Господи боже и все святые угодники иже с ним и негодники тоже – охреть!

Он вспомнил, что ничего не сказал Анне, когда сообщила ему новость, смотрел на нее, как неадекват какой, а потом и вовсе развернулся и ушел. Нет, понятно, такая новость – она, знаете, вштыривает по мозгам от души, особенно когда тебе до фига лет и у тебя такое в жизни первый раз, но не до такой же степени.

Аня лежала на диване, бездумно щелкая пультом, переключая каналы, и сделала вид, что очень занята этим процессом, когда увидела спускавшегося по лестнице Антона. Но дуться-обижаться и что-то там демонстрировать было настолько не ее, что, когда Северов подошел и сел рядом, она отвлеклась от пустого занятия и вопросительно посмотрела на мужа. Он вздохнул тяжело-повинно, забрал у нее пульт из руки, выключил телевизор и вдруг раз – и одним плавным, слитным, молниеносным движением лег рядом с ней лицом к лицу.

– Ну, что? – спросила Аня тихо.

– Прости... – повинился Антон и уткнулся лбом в ее лоб.

– Ты что, испугался? – осенило Анну поразившей ее мыслью. И она отстранилась, чтобы видеть его лицо.

– Ну-у-у... – протянул неопределенно Северов.

– Ты боевой генерал, – развеселилась вмиг Анюта, тихонько посмеиваясь, – засекреченный специалист, в прошлом командир какой-то наикрутейшей спецгруппы. Мужественный и отважный человек испугался своего отцовства? Маленького ребенка?

– Мужественный и отважный человек не испугался, – разъяснил жене Северов, – а растерялся, – и признался тихим тоном откровения: – Я хотел иметь детей, но семья как-то не сложилась, и я уже не рассчитывал стать отцом и, наверное, смирился с мыслью, что и не стану. Но вот появился Ромка, и я чувствую себя его отцом и очень хочу по-настоящему им стать, и мне казалось, что этого и достаточно. Почему-то я не подумал, что у нас с тобой могут быть еще дети. Даже не так, – он притянул ее к себе, поцеловал в лоб и вздохнул: – Просто я настолько переполнен радостью и чувством к тебе, мне так необыкновенно хорошо с тобой и Ромкой, что я не задумывался о будущем. Зачем думать о том, что ждет впереди, когда есть прекрасное настоящее, которым следует наслаждаться, каждым его мгновением, смаковать, как эстет великое произведение искусства. Вот как-то так.

Анна собралась что-то ответить, когда, прогрохотав по лестнице, со второго этажа сбежал Ромка и застыл, обнаружив их на диване.

– Вы что тут лежите? – подивился парень.

– Мы нежничаем и откровенничаем, – пояснила ему Анна. – Я сообщила Антону Валерьевичу о том, что у нас будет ребенок, он разнервничался. Вот успокаиваю.

– А у нас будет ребенок? – подивился новости Ромка и начал расплываться в довольной улыбке, осознавая эту новость. – Круто. Братик. А что, будем вместе на рыбалку ездить, да, пап?

– Если будет сынок, то само собой, – согласился Северов, не отводя взгляда от любимых зеленых глаз жены.

– Лучше бы был бы сын, – подумав, решила Аня. И, посмотрев поочередно на своих мужчин, пояснила: – Девочку вам двоим давать нельзя. Избалуете ужасно, вырастет какая-нибудь фифа балованная. А мальчика в самый раз. Воспитывайте.

– А что, – живо представил себе эту картину Ромка, – девочка – тоже здорово. Такая симпатяшка, куколка.

Анна родила мальчика, как и заказывала. Замечательного, здорового, щекастого пацана, которого назвали Константином. В честь прекрасного, мудрого человека, когда-то познакомившего его родителей, невольно освятив их союз. И, видимо, до сих пор присматривавшего за ними откуда-то сверху...